

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-
публицистический
журнал

Учредители:

Министерство
образования
и науки
Российской
Федерации

Правительство
Республики Мордовия

НИИ регионологии
ФГБОУ ВПО
«МГУ им. Н.П. Огарёва»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

4/2011
(№ 77)

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические проблемы регионологии

- 4 **В. А. Писачкин, В. В. Козин.** Регион как смысловая конструкция в социологии. Практический смысл региональных исследований
- 13 **М. В. Назукина.** Структурные уровни региональной идентичности в современной России

Проблемы федерализма

- 20 **И. В. Бахлов.** Специфика формирования современного российского федерализма: теоретические и политико-правовые основания выбора модели
- 30 **Н. С. Рутковская.** Регион в системе бюджетного федерализма в 2008—2011 гг.

Политическое пространство региона и территориальное управление

- 37 **Д. В. Доленко, Ж. Д. Кониченко, А. В. Петухов.** СНГ как региональный приоритет России
- 46 **И. Г. Напалкова, А. С. Солдатова.** Прикладные методы исследований механизмов управления территориальными системами
- 55 **А. А. Денисова.** Трансформация систем управления регионом в условиях информатизации
- 61 **Д. В. Ермолаев.** Уровень коррупционной пораженности регионов Центрального федерального округа: проблемы расчетов и методы оценки

Экономика региона

- 65 **С. Г. Бусалова.** Повышение эффективности расходов республиканского бюджета
- 73 **М. М. Гудов, А. М. Гудов, О. П. Федоткина.** Взаимодействие коммерческих банков и реального сектора в условиях инновационного развития экономики региона
- 79 **С. П. Бурланков, Н. В. Корюков.** Формирование и развитие рынка светотехнической продукции в регионе

Редколлегия:

А. И. СУХАРЕВ
(главный редактор)
П. Ф. АНИСИМОВ
Н. М. АРСЕНТЬЕВ
И. В. БАХЛОВ
С. М. ВДОВИН
В. Д. ВОЛКОВ
Н. И. ВОРОНИНА
В. И. ГРИШИН
Д. В. ДОЛЕНКО
В. В. ИВАНОВ
Л. В. КАЛАЧИНА
(ответственный секретарь)
Б. Ф. КЕВБРИН
В. В. КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В. В. КОНАКОВ
Н. С. КРУТОВ
Г. Ф. КУЦЕВ
Н. П. МАКАРКИН
В. В. МАРЕСЬЕВ
М. В. МОСИН
В. А. НЕЖДАНОВ
В. А. НЕЧАЕВ
С. В. ПОЛУТИН
В. А. ЮРЧЕНКОВ

- 86 **В. Б. Соколов.** Организационно-экономические аспекты формирования системы стратегического управления продовольственными ресурсами региона
- 95 **А. Р. Богданов.** Состояние и перспективы развития промышленного птицеводства в Российской Федерации и Приволжском федеральном округе
- 101 **С. Б. Скворцов.** Основные тенденции и проблемы управления качеством выпускаемой продукции в регионе
- 109 **М. В. Антонова.** Привлечение инвестиций в предпринимательство региона
- 115 **В. Н. Васина, И. В. Маракулина.** Сегментирование потребителей молочной продукции региона
- 121 **С. А. Седашкина.** Проблемы и перспективы рационального использования земель сельскохозяйственного назначения в регионе
- 128 **Д. А. Массеров.** Совершенствование организационно-экономического механизма управления энергосбережением в регионе
- 136 **А. А. Адамеску.** Роль черной металлургии как базовой отрасли промышленности в региональном развитии страны
- 160 **Е. В. Поверенов.** Принципы работы налоговых органов стран Евросоюза и повышение эффективности деятельности территориальных налоговых органов Российской Федерации
- Региональные проблемы науки и образования**
- 164 **М. Ю. Присяжный.** Современная территориальная организация высшего образования России
- 173 **М. В. Постнова, Н. В. Брыкина.** Особенности профильно-профессионального обучения в системе непрерывного образования на селе
- 182 **Н. П. Касаткина, Т. Н. Суконкина.** Институциональные аспекты развития этнокультурного образования в регионах России
- 190 **И. А. Зеткина, С. А. Пыков.** Традиции поликультурного образования в просветительстве Поволжья

Социология региона

- 197 **Э. Р. Сафаргалиев.** Значение корпоративной культуры в условиях глобализации и изменения общественных процессов
- 202 **Ю. М. Пасовец.** Имущественная стратификация населения России и ее регионов
- 211 **С. И. Неделько, А. В. Осташков.** Роль СМИ в развитии институтов гражданского общества региона
- 220 **В. М. Сидоркина.** Социальные ценности в региональном измерении
- 224 **А. П. Ключева, А. Н. Майдокин.** Накопление социального капитала как фактор устойчивого развития организации: региональный аспект
- 234 **Л. Н. Липатова, Т. В. Еремкина.** Занятость населения региона в условиях экономических реформ
- 241 **И. С. Комадоров.** Положение молодежных политических организаций в регионе
- 245 **А. Н. Егоров.** Самооценка действий студенческой молодежи, соответствующих здоровому образу жизни
- 251 **Н. В. Шумкова.** Региональный аспект изучения молодежных субкультур

Народы России: возрождение и развитие

- 259 **А. В. Махиянова.** Роль агентов социализации в формировании этнической идентичности и гражданского самосознания личности
- 266 **О. А. Богатова, А. И. Карьгин.** Мониторинг межэтнических отношений в регионе
- 278 **О. В. Гавриленко.** Языковые традиции в культуре народов Поволжья

Философия в регионе

- 281 **Д. Н. Мешков.** Некоторые факторы фрагментации и целостности современного общества
- 289 **В. В. Красулина.** Нравственная детерминация предпринимательской деятельности
- 298 **Рецензии**

В. А. ПИСАЧКИН

В. В. КОЗИН

РЕГИОН КАК СМЫСЛОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ В СОЦИОЛОГИИ. ПРАКТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ключевые слова: здравый смысл, философия, социология, конструкт, практика, регион, регионализм, социальное действие, жизненное пространство, конструкционизм, контекстуальность, воспроизводство

Key words: common sense, philosophy, sociology, construct, practice, region, regionalism, social action, living space, constructionism, contextuality, reproduction

Понятие «смысл» в науке и обыденном сознании употребляется по-разному. В нашем представлении оно неразрывно связано с адекватным осознанием реальности, данной нам в ощущениях. Это выводит нас на проблему осмысления и использования инструментального и категориального статуса «здорового смысла» в истории философии и социальных наук, который имеет весьма сложный опыт в рамках исторических, культурных и семантических практиках. В этом плане социология как наука с большими возможностями и

ПИСАЧКИН Владимир Александрович, заведующий кафедрой методологии науки и прикладной социологии Мордовского государственного университета, доктор социологических наук, профессор.

КОЗИН Владимир Васильевич, исполняющий обязанности директора Научно-исследовательского института регионологии Мордовского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент.

богатейшей предысторией оказывается в условиях «специфического» применения и отношения этого инструмента познания в интерпретации жизненных явлений, строительства собственного когнитивного аппарата, методов исследования и анализа количественного и качественного характера.

Экскурс в область общих определений позволяет выявить некую «точку» изначального строя мысли. В академических словарных дефинициях, как правило, отмечаются английские и немецкие трактовки здравого смысла. В буквальном переводе (англ. *common sense* или нем. *gesunder Menschenverstand*) — это совокупность взглядов людей на окружающую действительность и на самих себя, используемых в повседневной практической деятельности. Дж. Мид отмечал: «Мы особенно интересуемся пониманием (*intelligence*) на человеческом уровне, т. е. приспособлением друг к другу действий различных человеческих индивидов в рамках человеческого социального процесса. Это приспособление происходит посредством коммуникации: посредством жестов на более низких уровнях человеческой эволюции и посредством значимых символов (жестов, обладающих смыслом и являющихся, следовательно, чем-то большим, нежели простые заместительные стимулы) на более высоких уровнях человеческой эволюции»¹. По определению В. С. Барулина, мир здравого смысла — это важный момент духовности повседневности, практически бытовое сознание, сознание, руководствующееся определенными практическими интересами, практически ориентированными ценностями². На повседневном уровне наши действия подчиняются элементарным наборам правил поведения и моральным принципам, обеспечивающим механизм социального приспособления. Основным фактором этого приспособления является смысл.

Смысл возникает и располагается в пространстве отношения между жестом человеческого организма и последующим его поведением, возведенным другому человеческому организму посредством этого жеста. Если этот жест возмещает другому организму последующее (или результирующее) поведение данного организма, то он обладает смыслом. Другими словами, взаимоотношение между данным стимулом (как жестом) и последующими фазами социального действия, ранней (если не начальной) фазой которого он является, составляет пространство, в котором зарождается

и существует смысл. Последний, таким образом, является развитием чего-то объективно существующего в качестве отношения между определенными фазами социального действия. Перед нами не физическое дополнение этого действия и не «идея» в ее традиционном понимании³.

Особое место в ряду социологического осмысления «здорового смысла» в регуляции социального поведения и социальных практик занимает П. Бурдьё. По его мнению, в широком значении практика — это все то, что социальный агент делает сам и с чем он встречается в социальном мире. Он проводит тщательный анализ различных, в том числе ритуальных, практик на примере кабийского общества, совмещая фундаментальные вопросы антропологического, социологического и философского познания. Он характеризует всякую социальную практику в отношении с другими практиками, рассматривая ее как процесс «исторического становления». Любая практика есть различие: когда агент что-либо совершает, он отличает себя от предмета своей практики; то, что и как он производит, отличает его предмет деятельности от других; его способ и манера действия отличается от характеристик других агентов и т. д. Только при этом условии практика может быть выделена из хаоса «общественной жизни»⁴. Практика сталкивается с сознанием, но остается внешней ему, а сознание гетерогенно взаимодействию практик, однако необходимо как выражение «предельного случая». В экстремально «внутренней» и «идеальной» роли сознание демонстрирует сущностные характеристики «внешней» социальной практики. Однако, будучи как бы внутренней составной частью совокупности практик, сознание отрицает его универсальный принцип — пространственно-временную локализацию в социальном мире, сингулярность и др. Более того, обнаруживаемый разрыв между «внешней» практикой и «внутренним» сознанием является конститутивным элементом совокупности социальных практик, фиксируемых социологией.

В этом контексте имеет место широчайшая смысловая палитра определений понятия «регион». В основе представлений о регионе лежат понятия «пространство» и «жизненное пространство». Понятие «пространство» используется в естественных языках, а также в различных разделах знания: философии, социологии, математике, физике и т. п. На

уровне повседневного восприятия оно интуитивно понимается как арена действия рассматриваемых объектов, сущность некоторой системы. Понятие «жизненное пространство» введено в научный оборот в конце XIX в. Ф. Ратцелем. В современной социологической интерпретации оно имеет сложную структуру и включает природно-естественный, техногенный, социально-культурный и другие компоненты, каждый из которых имеет сложное устройство⁵. Например, в социально-культурной структуре можно выделить этническое, конфессиональное, правовое, информационное, коммуникационное, экономическое, социальное, политическое, образовательное, эстетическое и другие пространства.

Существует множество определений региона. Э. Б. Алаев рассматривает регион как территорию по совокупности насыщающих ее элементов, отличающуюся от других территорий и обладающую единством, взаимосвязанностью составляющих элементов, целостностью, причем эта целостность — объективное условие и закономерный результат развития конкретной территории⁶. Это определение имеет онтологический статус. В рамках такого подхода регион можно рассматривать как одну из основных территориальных структур организации жизнедеятельности социума, обладающих устойчивостью и целостностью политической, экономической, социальной и культурной жизни, а также относительной соразмерностью в системе других пространственных структур.

Согласно другому определению, понятие «регион» рассматривается в рамках конструкционизма, ему придается гносеологический статус. «Регион есть средство отбора и изучения пространственных сочетаний сложных комплексов явлений... Это интеллектуальная концепция, созданная мышлением, использующая определенные признаки, характерные для данной территории, и отбрасывающая все те признаки, которые рассматриваются как не имеющие отношения к анализируемому вопросу»⁷. Такого рода определение ориентирует исследователя в инструментальном отношении, в контексте приближения создаваемого конструкта к концепту описываемой социальной реальности.

Методология конструкционизма представлена в работах П. Бурдьё. Им предложена концепция «социальной топологии», согласно которой человеческие существа в одно и то же время являются биологическими индивидами и социальными

агентами, конституированными в отношении социального пространства и через отношения с ним. Если физическое пространство определяется по взаимным внешним сторонам образующих его частей, то социальное представляет собой структуру рядоположенных позиций. Поэтому место в социальном пространстве, занимаемое любым агентом, можно описать через его релятивную позицию по отношению к другим местам и через дистанцию, отделяющую это место от других. П. Бурдье замечает, что социальное пространство стремится реализоваться в физическом «всегда более или менее полно и точно». Но в то же время его трудно мыслить по аналогии с физическим пространством, поскольку то пространство, в котором мы обитаем и которое мы познаем, является социально обозначенным и сконструированным, а социальное пространство — это абстрактное пространство, представляющее собой ансамбль подпространств или полей (экономическое, интеллектуальное и др.), которые обязаны своей структурой неравновесному распределению отдельных видов капитала⁸. Это пространство в большей степени инструментально и вспомогательно для теоретических целей, нежели объективно.

Э. Гидденс, рассматривая проблемы регионализации, обращает особое внимание на контекстуальность социальной жизни и общественных институтов. Социальная жизнь происходит и создается «посредством пересечения» присутствия и отсутствия в «постепенном утекании» времени и «незаметном исчезновении» пространства. Физические свойства тела и среды, в которой оно функционирует, неизбежно придают социальной жизни последовательный характер и ограничивают возможность пространственного доступа к «отсутствующим» другим. Подход, получивший название временной географии, предлагает способ условного изображения пересечений пространственно-временных траекторий движения в процессе повседневной деятельности. Он требует в качестве дополнения теоретически обоснованных представлений о субъекте действия и организации среды взаимодействия. Определяя понятия локальности и регионализации, Э. Гидденс стремится разработать концептуальную систему, способную категоризировать контекстуальность с позиций ее неизбежной включенности во взаимоотношения социальной и системной интеграции⁹.

Безусловным основанием конструирования региона становится закон территориальной общности, действие которого обусловлено приоритетом территориальных связей перед отраслевым, он распространяется на большинство компонентов, слагающих данное образование. Но этого основания недостаточно с позиции контекстуальности социальной жизни. Поэтому для более полной категоризации региональных явлений необходимо в конструктор «региона» вводить фактор времени. Такой подход близок к трактовке региона в контексте процесса воспроизводства. Процесс воспроизводства описывается не прямой и не кривой линией, а спиралью и охватывает все фазы, поочередно сменяющие друг друга: производство, распределение, обмен, потребление. Он охватывает кругооборот внутри региона (эндогенный), когда производство и потребление осуществляются в одном регионе. Однако может быть внешний кругооборот, когда производство осуществляется в одном регионе, а потребление — в другом (экзогенный). Совокупность эндогенных и экзогенных операций и полученная разница позволяют дать характеристику конкретному региону, тесноте его связей с другими регионами, выявить специализацию производственных и сервисных структур, расположенных на территории данного образования¹⁰.

В этом контексте весьма продуктивным представляется определение региона, предложенное А. И. Сухаревым. Регион есть «относительно самостоятельное целостное, территориально очерченное, природно-социальное явление, обладающее способностью к воспроизводству»¹¹.

Регион как пространственно-временная и смысловая единица организации общественной жизни является сравнительно устойчивым образованием. Его конфигурация определяется статикой исторически сложившегося пейзажа, отразившегося в системе административно-территориального деления страны, и динамикой сочетания внутренних и внешних связей, баланс которых отражается на жизнеспособности и устойчивости территории в существующих границах.

Регион является восприимчивым к воздействию глобальных процессов. Динамические движения определяют характер трансформации жизненного пространства региона, обретающего новое качественное состояние в организации социальной жизни современного российского общества. Так,

на рубеже XX—XXI вв. в процессе информатизации происходят глубокие преобразования в структуре занятости населения, вертикальной и горизонтальной мобильности, перераспределении социальных групп и слоев; наблюдается интенсивный прирост занятых в сфере услуг. Кардинальным образом изменяются сферы массовой коммуникации, труда и занятости.

В рамках системного подхода регион представлен в качестве системы открытого типа. В нем любая система рассматривается как совокупность взаимосвязанных элементов, имеющая выход (цель), вход (ресурсы), связь с внешней средой и обратную связь. Основными свойствами систем (в нашем случае — регионов) являются целостность, взаимосвязи и взаимозависимости системы и внешней среды, структурность, иерархичность, множественность описания системы, непрерывность функционирования и эволюции, целенаправленность, стремление к состоянию устойчивого равновесия, альтернативность путей функционирования и развития, наследственность, приоритет качества, приоритет интересов системы более широкого (глобального) уровня, надежность.

Под «формой» регионализации Э. Гидденс видит «внешний вид границ, определяющих территорию региона». Это схема взаимодействия форм регионализации их характера в аспекте продолжительности и протяженности. В большинстве локальностей границы, разделяющие зоны, имеют вещественные (материальные) или символические проявления. В контекстах взаимодействий допускается большая или меньшая степень проникающего присутствия, охватывающего сопредельные зоны¹².

В исследовании региона современная наука широко использует различные методы анализа и прогноза. Регионализация в этом плане характеризуется рядом качественных свойств, выражающих контекстуальность и связь с междисциплинарностью, системностью, холистичностью (целостностью), компаративностью (сравнительностью), гуманитарностью, конструкционизмом, коммуникативностью.

Эмпирическая и прикладная направленность регионализма обозначает территориальную и предметную локализацию информатизации (и социального контроля) как социального явления и процесса. Гуманитарная или антропологическая

направленность этого процесса проявляется в ориентации на внутренний мир личности, мотивы, интересы, потребности людей и предполагает вынесение их в центр вопросов, связанных с правами и свободами личности, нацеленностью на социальную эффективность различных мероприятий регионального, национального и локального масштаба. Этот подход к информатизации позволяет делать обобщения и давать оценки последствиям, которые имеет или может иметь (для населения региона, той или иной социальной группы) то или иное событие, случившееся в прошлом или запрограммированное на обозримую перспективу.

Регионализация ориентирует исследователя на широкое использование ресурсного, ситуационного, компаративного и сервисного подходов. Ресурсный подход позволяет выявить эффективность использования ресурсов региона. Региональные системы содержат некоторый спектр ресурсов: природных, экономических, демографических, интеллектуальных, этнических, административных, санитарно-гигиенических и т. д. Ситуационный подход ориентирован на изучение влияния на регион и управление им в конкретной ситуации. Он предполагает учет совокупности обстоятельств, положения, и опосредующих принятие определенных управленческих решений.

Таким образом, регион — это социальная реальность, морфологическая единица социума, определяемая по физическим и социокультурным параметрам как пространственно-временная структура, представляющая собой связи между социальными позициями в определенный момент времени. Регион — это пространство в географическом отношении, в социальном плане это функционально упорядоченное пространство организации социальных статусов (дистанций).

Социальное пространство в региональном аспекте — это систематизированные пересечения связей между социальными позициями, обладающие силовым воздействием на людей, занимающие данную социальную позицию. В аспекте социального времени регион есть сеть событий в определенный момент времени¹³. В рамках концепции дисциплинарного пространства регион — это способ организации социального пространства, способ проявления социального контроля, форма власти¹⁴. Ю. М. Лотман говорил о социальном про-

странстве как семиотическом процессе, разграничивая его на внутреннее (упорядоченное) и внешнее (хаотичное)¹⁵. В. Л. Каганский выделяет пространства-регионы как сакральные пространства-проживаемые практики¹⁶.

Таким образом, смысловая конструкция региона имеет весьма разнообразную структуру, предполагающую различные подходы к рассмотрению этого явления. Выбор того или иного обусловлен целями и задачами, стоящими перед исследователем, а то или иное решение проблемы регионального развития становится достоянием общественной практики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В.И. Добренькова. М.: Изд-е Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996. С. 220.

² См.: Барулин В.С. Основы социально-философской антропологии. М.: ИКЦ АКАДЕМКНИГА», 2002. С. 315.

³ См.: Мид Дж. От текста к символу. С. 221.

⁴ См.: Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетей, 2001. С. 210.

⁵ См.: Писачкин В.А. Социология жизненного пространства. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1997. 180 с.

⁶ См.: Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминолог. слов. М.: Мысль, 1983. 290 с.

⁷ Цит. по: Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение: учебник. М.: Гардарики, 2000. С. 22.

⁸ См.: Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Loqos, 1993. С. 39.

⁹ См.: Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Академ. Проект, 2003. С. 202.

¹⁰ См.: Добрынин А.И. Экономическая теория: учебник для вузов. СПб.: Изд-е СПбГУЭФ, Изд-е «Питер Пабблишинг», 1997. С. 229.

¹¹ Сухарев А.И. Основы регионологии. Саранск: НИИ регионологии, 1996. С. 4.

¹² См.: Гидденс Э. Устроение общества ... С. 188—189.

¹³ См.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. 414 с.

¹⁴ См.: Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сacд, 1994. 408 с.

¹⁵ См.: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство СПб., 1994. 399 с.

¹⁶ См.: Каганский В.А. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М. Нов. литер. обзор., 2001. 576 с.

Поступила 12.09.11.

М. В. НАЗУКИНА

СТРУКТУРНЫЕ УРОВНИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Ключевые слова: регионализм, региональная идентичность, имидж региона, региональные символы, бренд, миф

Key words: regionalism, regional identity, regional image, regional symbols, brand, myth

В современной России формируются различные варианты проявлений региональной идентичности. Их теоретическое осмысление и способы изучения трудно переоценить для понимания динамики российской регионализации и функционирования региона как сложной социально-экономической и социально-политической системы.

Исследователи по-разному определяют структурные компоненты региональной идентичности. Так, в зависимости от степени осознанности и политизации региональных особенностей М. Китинг считает, что в региональной идентичности есть три пласта. Первый пласт — когнитивный, он связан с процессом осознания существования региона, его географических пределов, сравнения своего региона с другими, а также с нахождением ключевых характеристик региональной особенности (например, через язык, кухню, историю и др.). Второй — эмоциональный, он включает способ восприятия людьми своего региона и степень ее актуализации по сравнению с другими основаниями для идентификации, например, классовой и национальной. Третий — инструментальный, на уровне которого регион рассматривается в качестве основы для мобилизации и коллективных действий в преследовании общих целей².

Х. Хутам и А. Лагендик также выделяют в региональной идентичности три уровня: стратегический, культурный

НАЗУКИНА Мария Викторовна, заведующая лабораторией по исследованию идентичности кафедры политических наук Пермского государственного университета, кандидат политических наук.

и функциональный. «Регион обретает свою идентичность, если он отличается от других регионов политически оформленными стратегическими планами, имеет или производит культурное достоинство и функциональное строение»³. Концепции Китинга и Хутама-Лагендика строятся на включении в структуру региональной идентичности двух измерений: объективированных выражений региональной уникальности, например, историко-культурный фон, на основе которого «вырастает» самосознание жителей, и механизмов актуализации этих особенностей через политику по их конструированию.

Таким образом, в самом общем виде региональная идентичность может быть рассмотрена на двух уровнях: культурном и стратегическом.

Культурный уровень (характеристики региональной уникальности, которые можно описать формулой «о чем жители региона думают как о чем-то общем для всех»). В нем объединены черты регионального сообщества, формирующиеся в процессе взаимодействия внутри региона, начиная от культурно-исторического наследия и заканчивая формированием особого регионального сообщества, выраженного в типических характеристиках (ментальность). Иными словами, когда мы рассматриваем региональную идентичность на этом уровне, мы должны говорить о культурном измерении этой проблемы, изучать сложившиеся в рамках региона нарративы, мифологемы, ценности и символы.

Стратегический уровень — сознательное «изобретение» и использование региональной уникальности (символическая политика, «изобретение традиций», политика идентичностей региональных элит), а также продвижение конструируемой уникальности, выражающейся в формировании регионального имиджа (политика по формированию имиджа, позиционирование территории во внешнее пространство и т. д.). Причем целенаправленное продвижение позитивного образа может идти в двух направлениях: внутрь региона (для улучшения позитивного восприятия региона его жителями) и наружу (другим регионам, федеральному центру, международным акторам).

Основу конструирования региональной идентичности составляет не только воображение об уникальности территории, но и материал, лежащий вне его, — осознание отношения к региону и восприятие региона извне. Поэтому к культурному

и стратегическому следует добавить *внешний уровень*, или образы о регионе, сформированные «внешними наблюдателями», и результаты рефлексии регионального сообщества по отношению к этим образам.

Таким образом, если на стратегическом уровне региона мы имеем дело с имиджем как целью и инструментом управления общественными настроениями, то на внешнем срезе имидж предстает в качестве образов о территории.

Формирование единства территории на культурном уровне невозможно без оформления границ региона. Причем речь идет не сколько об административном маркировании пространства, сколько о их символическом оформлении. Анализируя случай США, Б. Андерсон отмечает, что изначально границы между штатами создавались искусственно, а лишь позже приобрели символическое значение⁴. История почти всего XIX в. США показывает, как происходило оформление региональных воображаемых сообществ. В штатах создавались исторические общества, задачей которых было изучать историю конкретных штатов, формулировать региональный интерес, пропагандировать территориальные достижения⁵.

Таким образом, границы конструируются через формирование социальных значимых представлений (мифы, символы и т. д.). Причем необязательно административные границы и границы регионального сообщества будут совпадать. Возможны ситуации, при которых символическая легитимация пространственной локализованности будет опираться на исторические или природно-географические границы (горы, моря, реки и озера), играющие роль маркеров регионального пространства.

В случае если границы территории региона совпадают или соприкасаются с государственными границами иностранных государств, роль границы становится более значимой. Геополитический статус приграничных территорий дополняется еще одной важной спецификой — связями местных жителей с населением соседних государств.

Культурный уровень региональной идентичности наполняют мифы и символы. Мифы обычно классифицируют на основе их тематики. В регионах существуют разные мифы: об «особом» региональном (национальном) государстве; особой исторической миссии провинции и особом народе, населяющем провинцию; о первоначальном заселении территории

и первопоселенцах, преодолевающих сопротивление сил природы и коварных жителей; «золотом веке» провинции; «своих» и «чужих»; «злом гении»; «культурных героях»; антимосковские мифы⁶.

Наиболее распространенными региональными мифами в России являются мифы о культурном герое и столичные и провинциальные мифы. Основу мифа о культурном герое составляет фигура так называемого «регионального выходца» — известного земляка, исторической личности, родившейся в том или ином регионе и впоследствии получившей всероссийское или мировое признание⁷. Культурным героем может быть не только историческая личность, но и современные «звезды» регионов (певцы, актеры и т. д.) и региональные лидеры (губернаторы, президенты республик), взявшие на себя роль силы, «наводящей порядок». В основе формирования регионального мифа лежит комплекс провинциальной неполноценности, испытываемый региональным сообществом по отношению к столице.

Объективированное выражение региональная мифология находит в региональной символике. В зависимости от региона их роль могут играть природные символы (река, озеро, животное, растение) и различные архитектурные памятники. В зависимости от производственной специфики территории символом индустриального региона могут быть исторические события, личности, национальные и культурные герои; различные неодушевленные предметы, элементы народного творчества и специфика региональной кухни; крупнейшее производство (завод, электростанция и др.) и т. д.

Кроме того, на семантическом уровне регион приобретает внутреннее «самоназвание», которое также становится местным символом (например, вместо Краснодарского края часто говорят «Кубань», а вместо Кировской области — «Вятка»). Символами могут стать и памятные для региональных сообществ даты, особенно дни рождения регионов и иные символически значимые исторические события.

Таким образом, на уровне культурного осознания региональная идентичность находит выражение в эмоционально-ценностной сопричастности к региональному сообществу и проявляется в ответе на вопрос «Кто мы?» через один или несколько дискурсов региональной уникальности, описывающих исключительные черты сообщества через мифологию

мы, символы. В итоге культурный уровень идентификации предстает в тех или иных характеристиках регионального сообщества.

Как только наличествующие особенности начинают использоваться в политических целях или сознательно изобретаться, региональная идентичность приобретает стратегический уровень. Основопологающим аспектом здесь является работа над представлениями о регионе внутри и за его пределами.

Стремление выделиться из ряда других субъектов, четко обозначить себя отдельным элементом в пространстве страны, включенным в более общие системы взаимодействий, приводит к появлению политического курса по конструированию позитивной известности территории. Политика идентичности региональных элит обычно имеет два направления: создание и популяризация местных героев и символов, формирование позитивного регионального имиджа. Цель подобного политического курса состоит в изменении социальных представлений о регионе, развитии позитивного самоощущения и чувства гордости населения от проживания в этом региональном пространстве. Механизмы, которые региональная элита использует при его проведении, в основном сводятся к мифотворчеству, ритуализации региональной жизни, созданию и поддержанию новых традиций, маркетингу территории, разработке стратегий и концепций регионального развития.

В большинстве регионов наблюдается формирование устойчивого политического курса, направленного на практическое и рациональное использование региональной идентичности. Наибольшее внимание региональные власти уделяют символическому позиционированию, брендингу территорий, что рассматривается ими в качестве предпосылки решения прагматичных задач, стоящих перед региональными сообществами, начиная от формирования инвестиционной и туристической привлекательности регионов и заканчивая улучшением социального климата территорий, сокращающего утечку человеческого капитала.

Направленность и значение элитных практик по позиционированию территории могут быть описаны термином «региональные амбиции», который заслуживает введения в научный оборот в качестве отдельного понятия политической практики. В семантической форме он предстает в виде лозунга о маркировании статуса региона, составляющего его наибольшую гордость.

В российских регионах отчетливо вырисовываются различные маркеры амбициозности: столица, центр, оплот, форпост и др. Категория «центра» предстает в виде некой стратегической точки, сосредоточия значимой позиции: географической («Центр Азии» — Республика Тыва, «Центр Евразии» — Алтайская республика, Читинская область); социальной («Центр славянского единства» — Белгородская область); политической («Центр России» — Красноярский край).

Претензии на столичный статус являются наиболее распространенными проявлениями региональных амбиций. Причем их начинают выдвигать не только города, имевшие этот статус в истории России, но и территории, легитимирующие свою потребность в столичном статусе через обращение к понятиям «истинная», «третья», «экономическая», «культурная» и иная столица России.

Самым привлекательным и конкурентным стало звание «третьей столицы России», на которое претендовало несколько российских городов: Нижний Новгород, Екатеринбург, Новосибирск и Казань. Ситуация разрешилась в том, что в начале апреля 2009 г. Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам (Роспатент) рассмотрела заявки Нижнего Новгорода и Казани на право называться «третьей столицей России» и приняла решение в пользу столицы Татарстана. Таким образом, региональная амбиция оказывается способной конвертироваться в региональный бренд, закрепленный юридически.

Политика идентичности, направленная внутрь региона и формирующая образы о регионе, связана с ритуалами. В регионах есть памятные даты и формы их условного воспроизведения для закрепления в сознании населения.

Помимо ритуализации, ведется активная работа по укреплению в региональном сознании символов регионального сообщества. Регионы включились в проект «7 чудес России» и проводят аналогичные акции уже в масштабах субъекта Федерации. Вариацией подобных мероприятий становится определение «символа региона», или «имени региона». Обычно это приурочено к символически важной дате, например, ко дню рождения города или региона. Так, Кемеровская область определяла сразу «10 символов угольного Кузбасса», посвященных профессиональному празднику — Дню шах-

тера; Пермский край определял «Имя Перми Великой» ко дню рождения города.

Высшим проявлением стратегического уровня становится выражение приоритетов развития региона. Регион как часть страны играет в ее развитии определенную роль, которая связана с программой развития региона. Она представляет собой оформленные стратегические приоритеты развития территории и описание механизмов, обеспечивающих их достижение: идентификация по принципу «кто мы» дополняется вопросами «Куда мы идем?», «Каким путем?».

Каждый российский регион — это уникальный «набор» проявлений региональной идентичности в содержательном выражении и дискурсивных практик, конституирующих региональную самость. Между тем обращение к опыту российских регионов также показывает, что в одних регионах активно осуществляется политика по конструированию региональной идентичности, а где-то региональная «самость» развивается стихийно. Это открывает перспективы для типологии региональной идентичности, определяющим критерием для формирования которой является соотношение ее структурных уровней: культурного и стратегического.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации МК-3809.2010.6.

² См.: Китинг М. Новый регионализм в западной Европе // Логос. 2003. № 6. С. 93.

³ Houtum H., Legendijk A. Contextualizing Regional Identity and Imagination in the Construction of Polycentric Urban Regions: The Cases of the Ruhr Area and the Basque Country // Urban Studies. 2001. Vol. 38. № 4. P. 751—752.

⁴ См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 94.

⁵ См.: Хантингтон С. Кто мы?: вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 186.

⁶ См.: Морозов С.А., Морозова Е.В. Политическая мифология: региональный аспект // Культура. Политика. Молодежь: сб. науч. ст. Вып. 4. Ч. 2. М., 2001. С. 107—110.

⁷ См.: Нечаев В.Д. Региональный миф в процессе становления российского федерализма // Полития. 1999. № 11. С. 63—64.

И. В. БАХЛОВ

**СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛИЗМА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ
ОСНОВАНИЯ ВЫБОРА МОДЕЛИ¹**

Ключевые слова: модель федерализма, реформа, российский федерализм, стратегия развития, территориальная система

Key words: federalism model, reform, Russian federalism, development strategy, territorial system

Распад Советского Союза во многом был вызван не столько активизацией национального сепаратизма его периферии, сколько консервацией форм и методов политики центра, ставшего неспособным реагировать на ее вызовы, а также формированием оппозиционной группы правящей элиты в самом центре. Альтернативный советскому проект дальнейшего существования российской политико-территориальной системы, сложившийся спонтанно у нового руководства крупнейшей составной части Союза — РСФСР — в результате ослабления прежних контрольных механизмов, гипотетически предполагал достижение полной самостоятельности, реорганизацию на иных основаниях, с возможным последующим воссозданием (также на новой базе) контуров прежней территориальной системы. Однако реальность внесла серьезные коррективы в подобные планы.

С этой точки зрения заслуживает внимания концепция «плюралистического политического порядка» Д. Грея, сформулированная им в 1994—1995 гг. Согласно ей, структурные единицы плюралистического политического порядка (как единственно возможного, по его мнению, способа организации мира в постбиполярную эпоху) и его устройство будут должным образом различаться в зависимости от места, времени и обстоятельств. Д. Грей формулирует варианты

БАХЛОВ Игорь Владимирович, заведующий кафедрой всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета, доктор политических наук, доцент.

структурной организации современных территориальных систем. Во-первых, в условиях существования жизнеспособной национальной политической культуры подходящей структурной единицей может быть суверенное государство-нация, передающее множество функций на региональный и локальный уровни. Во-вторых, там, где есть общность культурной традиции и экономического развития, могут возникать наднациональные объединения суверенных государств. Правда, Д. Грей выражает при этом значительный скептицизм (с этим, на наш взгляд, можно согласиться, учитывая еще большую дифференциацию политической культуры, ставшую закономерным следствием ускорения расширения Европейского Союза). В-третьих, там, где приверженность этносу оказывается сильнее, чем поверхностная или искаженная культура государства-нации, и где внетерриториальная юрисдикция системы правового плюрализма неприемлема для народов, в чьих взаимоотношениях царит подозрительность или вражда, для построения суверенных государств на этнической основе нет альтернативы.

Рассматривая специфические условия Российской Федерации, Д. Грей пишет: «Как минимум, вероятно, что человеческие издержки — цена жестокости войны и ужасов „этнических чисток“ — построения суверенных государств-наций на территориях с давно перемешанным населением, никогда не образывавшем наций, могут быть столь велики и ужасающи, что для их предотвращения потребуются установить неимперский режим, способный, в духе Гоббса, поддерживать мир между соперничающими народами»².

Учитывая время создания концепции и стремление Д. Грея преодолеть «преклонение» перед идеализированным в период либерального Просвещения (идеологии Модерна) образа национального государства, можно отметить, как нам представляется, во-первых, важное методологическое значение плюралистической конструкции для анализа современных территориальных систем, особенно полиэтничных и мультикультурных, и, во-вторых, ее определенный прогностический потенциал по отношению к практике таких систем.

Исходя из этого, наиболее реальной стратегией правящей элиты по сохранению территориального комплекса оставался федерализм, позволяющий ей балансировать между центробежными и центростремительными силами, что, как

и в советское время, придавало российскому федерализму определенный оттенок неизбежности, а именно использования федерализма в качестве политически целесообразного средства регулирования центрально-периферийных отношений в изначально жестко централизованной системе с ослабленным центром. Данное обстоятельство, на наш взгляд, способствовало сохранению базовой модели советского федерализма, формально приспособленной к изменившимся условиям, когда теоретически его конструкция была дополнена территориальным принципом для приближения к классической модели федерализма, что было оправдано практически: создание в качестве субъектов Федерации количественно превосходящей массы территориальных образований служило усилению позиции центра, так как возник необходимый противовес усилившемуся сепаратизму национальных автономий.

Это позволяет говорить о значительном консерватизме федерального центра при создании организационных основ современной территориальной системы российского государства, т. е. о преемственности многих характерных признаков, конкретных методов и механизмов по отношению к предыдущим этапам ее развития — Российской империи (эпохи кризиса), особенно советской государственности, что, соответственно, оставляет нерешенными многие прежние проблемы.

Так, Н. В. Петров считает, что для российского федерализма характерно нагромождение старых, унаследованных от Российской империи или Советского Союза, проблем и новых, благоприобретенных. К числу первых он относит смешанный экстерриториальный характер субъектов Федерации, чреватый этноконфликтами и практикой «этновыдавливания», дроблением регионов по этническому признаку и т. д.; «многоэтажный» централизм (т. е. гипертрофия центров любого уровня), трудно сочетающийся с принципом равноправности частей федерации и повсеместно воспроизводящий схему «центр — периферия» с присущей ей асимметрией.

Среди других проблем, которые, по его мнению, производны от двух первых и проистекают из особенностей последующего политического развития, выделяются асимметричность масштабов и статусов (губернизация и республиканизация, субъекты второго порядка) субъектов Федерации; нарастающая дифференциация регионов в социальном и поли-

тическом отношении по уровню жизни; государственный, инициированный сверху, характер российского федерализма; отсутствие серьезной базы федерализма в обществе, особенно регионального самосознания (в республиках его часто заменяет этническое); противоречие между суперпрезидентством и суперцентрализмом в одних сферах и регионализмом — в других; чрезмерная роль субъективного фактора, когда личностные качества главы региона могут во многом определять отношения с центром, политическую ситуацию в регионе, положение в нем гражданина и др.³

В. Б. Пастухов отмечает еще одну особенность формирования российского федерализма, которая заключается в том, что «в практическом плане тема русского федерализма генетически связана с борьбой центральной власти за сохранение единства страны против стремления к автономизации и сепаратизму». Это существенно отличает объективные условия становления российской модели от западных образцов⁴.

Таким образом, к моменту распада Советского Союза и организационного обособления своей территориальной системы Россия оказалась в ситуации, во многом аналогичной союзной, когда дезинтеграционные процессы, ставшие среди прочего следствием политической борьбы союзного и альтернативного российских центров, напрямую угрожали единству ее территории.

На начальном этапе реформирования федеративных отношений (1990—1993 гг.) основной линией становится поиск модели территориального устройства, удовлетворяющей большинство соперничающих элитных групп по горизонтали (внутри самого центра) и по вертикали (в отношениях центра с регионами). Важнейшими вехами на этом пути стали Декларация о государственном суверенитете РСФСР, принятая Съездом народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 г., внесение изменений и дополнений в действовавшую тогда Конституцию РСФСР законами РСФСР от 27 октября 1989 г., от 31 мая, 16 июня и 15 декабря 1990 г., от 24 мая и 1 ноября 1991 г. и законом РФ от 21 апреля 1992 г., а также Федеративный договор от 31 марта 1992 г.⁵

Декларация о государственном суверенитете РСФСР, установившая в п. 5 полноту власти РСФСР при решении всех вопросов государственной и общественной жизни, за

исключением тех, которые ею добровольно передаются в ведение обновленного Союза ССР, и верховенство Конституции и законов РСФСР на всей ее территории, стала фактической реализацией закрепленного в ст. 72 Конституции СССР 1977 г. права сецессии. Как считает Д. В. Ольшанский, эта Декларация дала толчок дезинтеграционным процессам в СССР и в итоге запрограммировала его роспуск, а затем дезинтеграционные процессы перекинулись на саму РСФСР⁶.

Обновленная редакция Конституции (1992 г.) в ст. 1 констатировала, что «Российская Федерация — Россия есть суверенное федеративное государство, созданное исторически объединившимися в нем народами». Конституцией устанавливался статус субъектов Федерации. Так, ст. 78 определяла, что «республика в составе Российской Федерации — государство, обладающее на своей территории всей полнотой государственной власти, кроме тех полномочий, которые отнесены к ведению Российской Федерации», она имеет свою конституцию, соответствующую Конституции РФ и учитывающую особенности данной республики; ст. 82—83 определяли, что автономная область и автономные округа находятся в составе РФ, а законы об автономной области и автономном округе принимаются Верховным Советом РФ по представлению Совета народных депутатов автономной области и автономного округа; ст. 84⁷—84⁸ определяли нахождение в составе РФ краев и областей, которые имеют свои уставы, соответствующие Конституции РФ и учитывающие их особенности (из смысла последующих статей, а также соответствующего Договора следовало, что в эту группу субъектов включаются также обладающие аналогичными правами города федерального значения). Кроме того, Конституция содержала обобщающую формулу выражения исключительной компетенции федеральных органов государственной власти РФ (ст. 72), а ст. 81¹, 84¹, 84¹¹ закрепляли сферы совместной компетенции федеральных и региональных органов государственной власти. В компетенцию органов государственной власти субъектов Федерации, помимо собственного правового регулирования по предметам совместного ведения в соответствии с издаваемыми федерацией Основами законодательства, входили исключительные полномочия в отношении предметов ведения, не отнесенных к двум предыдущим сферам, т. е. сфера исключительной

компетенции субъектов Федерации определялась по остаточному принципу. В целом такое разграничение компетенции напоминало модификацию советского варианта, учитывая возросшую самостоятельность субъектов Федерации.

Об этом с правовой точки зрения свидетельствовал Федеративный договор 1992 г., а точнее — три прилагаемых к Конституции РФ договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти суверенных республик в составе РФ, краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга, автономной области и автономных округов.

Следует отметить, что положения Конституции РФ и соответствующих договоров дублировали друг друга. В отличие от правил, установленных советскими конституциями, эти положения закрепляли, что:

— субъекты Федерации являются самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических связей, соглашений с другими республиками, краями, областями, автономными областями, автономными округами, если это не противоречит Конституции и законам РФ, и при условии координации международных и внешнеэкономических отношений федеральными органами государственной власти совместно с субъектами (ст. 81², 84², 84¹² Конституции и ст. III соответствующих договоров);

— федеральные органы государственной власти по соглашению с органами власти субъектов могут передавать им осуществление части своих полномочий, если это не противоречит Конституции и законам РФ, а также, наоборот, органы власти субъектов по соглашению с федеральными органами государственной власти могут передавать им осуществление части своих полномочий (ст. 81³, 84³, 84¹³ Конституции и ст. IV соответствующих договоров);

— федеральные органы государственной власти не могут издавать правовые акты по вопросам, отнесенным к ведению органов государственной власти субъектов, а в случае издания органами власти субъектов правовых актов по вопросам, отнесенным к исключительному ведению федеральных органов государственной власти, применяются федеральные законы; при этом споры по данным вопросам, а также по вопросам, отнесенным к предметам совместного ведения, разрешаются Конституционным судом РФ (ст. 81⁵,

84⁵, 84¹⁵ Конституции и ст. VI соответствующих договоров).

Кроме того, в них указывалось, что отношения между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ должны строиться на основе Конституции РФ, конституций республик и уставов других субъектов, а также взаимоуважения и взаимной ответственности. Устанавливался классический для федеративных государств механизм разрешения споров с обязательным использованием согласительных процедур.

Особого внимания заслуживают протокол к Договору о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти суверенных республик в составе РФ, а также протокол к аналогичному Договору с органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга. В первом случае республики выступили за необходимость обеспечения предоставления не менее 50 % мест в одной из палат высшего законодательного органа федерации представителям республик, автономных областей и автономных округов, что было ориентировано на углубление асимметричности правового статуса субъектов. Во втором случае края и области, стремясь к выравниванию государственно-правового статуса всех субъектов РФ, настаивали на предоставлении им прав, во многом аналогичных республикам.

Изменение конституционно-правовых основ федеративного устройства сопровождалось иными правовыми и политическими действиями центра и регионов, причем действия центра можно оценивать как ответ на вызовы периферии и попытку сохранения контроля над ней при отсутствии рычагов воздействия в условиях нарастания дезинтеграции.

В 1991—1992 гг. произошли некоторые изменения административно-территориального деления: 3 июля 1991 г. приняты законы РСФСР о преобразовании Адыгейской, Горно-Алтайской, Карачаево-Черкесской и Хакассской автономных областей в республики с выведением их из состава краев (что было правовой констатацией их самопровозглашенного в августе 1990 г. — январе 1991 г. статуса); 4 июня 1992 г. — Закон РФ об образовании Ингушской Республики на части территории Чечено-Ингушской АССР, 10 декабря 1992 г. — об образовании Чеченской республики, фактически существующей с сентября 1991 г.; 17 июня 1992 г. Чукот-

ский автономный округ Законом РФ выведен из состава Магаданской области и включен в РФ непосредственно (еще раньше на основании положений Закона РСФСР от 15 декабря 1990 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) РСФСР» из состава Хабаровского края была выведена и включена в состав федерации Еврейская автономная область). IV Съезд народных депутатов повысил статус всех автономных республик до «республики в составе Российской Федерации»⁷.

Однако не все инициативы «снизу» в русле государственно-политического сепаратизма были санкционированы центром. Так, Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ так и не вышел из-под юрисдикции Красноярского края, несмотря на решение 8-й сессии своего окружного совета (декабрь 1992 г.); Архангельск не стал столицей Поморской республики, а Екатеринбург — Уральской; Тыва не реализовала записанное в ее конституции право на выход из РФ, а казаки — свое решение (март 1993 г.) объявить область Войска Донского государственно-территориальным субъектом РФ⁸.

Особую сложность имело положение в Северо-Кавказском регионе, прежде всего в так называемых «двусложных республиках» — Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Чечено-Ингушетии, где сепаратизм с федерального уровня перешел на республиканский. Так, в Кабардино-Балкарии в 1991—1992 гг. провозглашалось создание Балкарской и Кабардинской республик и образование федеративной Кабардино-Балкарии. В Карачаево-Черкесии, учитывая ее более многонациональный состав, сепаратизм перешел на еще более низкий уровень территориального деления (провозглашались Баталпашинская и Зеленчуко-Урупская республики в казачьих районах, Абазинская республика). Впрочем, в этих случаях проблемы разрешались в основном мирным путем.

В Чечено-Ингушетии конфликт принял гораздо более острые формы и затяжной характер по горизонтали (на уровне республики) и по вертикали (с федеральным центром). Введенное еще 7 ноября 1991 г. Президентом России чрезвычайное положение в республике стабилизировать крайне обострившуюся обстановку не могло. Попыткой решения этой проблемы стало введение в декабре 1994 г. на территорию

Чечни федеральных войск «с целью уничтожения незаконных вооруженных формирований», в результате которого конфликт принял широкомасштабные формы⁹. По мнению М. М. Блиева, «война в Чечне явилась худшим примером повторяемости конфликтов, не изжитых в прежнюю эпоху, проявлением неспособности нынешнего Центра учесть опыт прошлого столетия и разобраться в природе новых социальных процессов в этом регионе, отделить естественные процессы исторического взросления и консолидации народа от патологических явлений экстремизма и преступности, свойственных кризисным, переходным эпохам»¹⁰.

Таким образом, становление современного российского федерализма имело ряд особенностей. Во-первых, это широкое развитие дезинтеграционных процессов, что было закономерным следствием распада Советского Союза и противоборства союзного и российского руководства с использованием в своих целях сепаратистских движений различного уровня. При этом дезинтеграция затронула не только союзный и российско-федеральный уровень, но и уровень бывших автономных республик и даже ниже (вплоть до районного), особенно в местах смешанного в этноконфессиональном плане населения с сильным конфликтным потенциалом.

Во-вторых, это использование федеральным центром широкого спектра методов сохранения единства территориального пространства России с доминированием общего курса «наивного либерализма», вызванного чрезмерной эйфорией руководства от достижения «независимости» и ожиданиями подобной же реакции от правящей элиты национально-автономных образований. Кроме того, слабость самого центра определялась усиливавшимся противоборством между отдельными группами центральной элиты. В связи с этим приоритет на этом этапе отдавался методам заключения договорных отношений с отдельными группами субъектов (причем, как уже указывалось, закрепление федеративной правосуверенности за территориальными образованиями во многом позволило центру сохранить определенный баланс для отношений с национальными республиками), а предметом таких договоров выступало разграничение полномочий и предметов ведения по вертикали, но не создание союза.

В-третьих, это сохранение значительного количества сущностных признаков советской модели федерализма, в

том числе оставление статуса субъектов за автономными образованиями с их одновременным нахождением в составе края или области (за редким исключением), признание приоритетного статуса национально-государственных образований по отношению к другим группам субъектов и т. д.

В целом начальный этап формирования модели российского федерализма отличался внутренней противоречивостью как с позиции выбора общей стратегии его развития (хотя в качестве образца заявлялось создание суверенного федеративного государства, концептуальные основы его строительства формулировались весьма невнятно, как своеобразный симбиоз западной классической модели и советского наследия), так и в отношении тактических приемов урегулирования неизбежных при дезинтеграционном пути развития федерализма конфликтов (политика уступок субъектам трактовалась как демократическая, на этом фоне использование силовых акций приобретало все более негативный характер).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья выполнена в рамках АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009—2011 годы). «Внутри- и внешнеполитические факторы эволюции территориальной организации России (специфика разрешения кризисных и переходных ситуаций)» (проект № 2.1.3/1134).

² Грей Д. Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности. М.: Праксис, 2003. С. 271—272.

³ См.: Петров Н.В. Федерализм по-русски // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 1. С. 8—9.

⁴ См.: Пастухов В.В. Российский федерализм: политическая и правовая практика // Обществ. науки и современность. 2003. № 3. С. 53.

⁵ См.: Декларация о государственном суверенитете РСФСР от 12.06.1990 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22; Конституция (Основной закон) Российской Федерации — России. М.: Известия, 1992. 112 с.

⁶ См.: Ольшанский Д.В. Дезинтеграция: новые симптомы старой болезни // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 1. С. 37.

⁷ См.: Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 29. Ст. 395; 1991. № 22. Ст. 776; 1991. № 27. Ст. 930, 932, 933; 1992. № 24. Ст. 1307; 1992. № 28. Ст. 1618.

⁸ См.: Ольшанский Д.В. Дезинтеграция ... С. 39—40.

⁹ См.: Федерализм: энцикл. М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 449—453.

¹⁰ Блиев М.М. «Камень Барятинского» // Родина. 1995. № 10. С. 29—30.

Поступила 12.09.11.

**Н. С. РУТКОВСКАЯ РЕГИОН В СИСТЕМЕ
БЮДЖЕТНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА
В 2008—2011 гг.¹**

Ключевые слова: бюджетный федерализм, межбюджетные отношения, федеративный принцип, дотационность

Key words: budget federalism, inter-budget relations, federative principle, subsidised regions

Активное развитие федерализма в России продолжается в течение двух последних десятилетий. Если в 1990-е гг. этот процесс сопровождался становлением новых форм государственного устройства, то со временем он стал наполняться новым содержанием. Ю. Ким справедливо отметил: «Федеративный принцип делает своеобразным, исключительно сложным и внутренне противоречивым государственный строй. Проблематичность федеративного устройства состоит не столько в сложности техники управления различиями, сколько в фундаментальном противоречии двух начал, закладываемых в основу единой государственности — принципа государства и федеративного принципа. Первый есть начало суверенитета, единого и неделимого, второй — его отрицание»².

Важнейшей составляющей формирующихся федеративных отношений является бюджетный федерализм. Исследователями предложены его разнообразные определения. По мнению А. Г. Игудина, «бюджетный федерализм — это отношения на основе принципов централизма и децентрализма между федеральными органами власти и органами власти субъектов федерации по поводу формирования и реализации бюджетной политики государства, разграничения бюджетно-налоговых полномочий, расходов и доходов, распределения и перераспределения последних между федеральным бюджетом и консолидированными бюджетами субъектов федерации при высокой степени самостоятельности территориальных бюджетов, исходя из необходимости единства общегосудар-

¹ РУТКОВСКАЯ Наталья Сергеевна, аспирант кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета.

ственных интересов и интересов населения, проживающего на территориях субъектов федерации и входящих в них муниципальных образований»³.

Развитие бюджетного федерализма сопряжено с проблемами, связанными с неравномерностью экономических потенциалов российских регионов, а также высокой степенью их дотационности. В рамках этого процесса предполагается создать такую систему распределения доходов между бюджетами различного уровня, которая, с одной стороны, стимулировала бы экономический рост, с другой — способствовала бы преодолению неравномерности экономического развития.

Процесс совершенствования бюджетной системы в РФ сопряжен с объективными трудностями. Согласно анализу, проведенному аудиторами Счетной палаты РФ, разрыв между максимальным подушевым доходом (без учета финансовой помощи) и минимальным составил в регионах в 2003 г. 105,0 раза, в 2004 г. — 210,5 раза, в 2005 г. — 193,0 раза⁴. С учетом финансовой помощи федерального центра разница между максимальным подушевым доходом и минимальным составила 27,0, 47,6 и 30,2 раза соответственно.

Помимо значительной социальной дифференциации, имеет место расслоение муниципальных образований по уровню доходов. Так, по свидетельству аналитиков Счетной палаты, «показатель различия в среднедушевых бюджетных доходах между муниципальными образованиями Центрального федерального округа составляет: 1,6 раза — в Брянской области, 35 раз — в г. Москве; Северо-Западного федерального округа: 1,5 раза — в Новгородской области, 19,5 раза — в Мурманской области; Южного федерального округа: 2 раза — в Волгоградской области, 23,6 раза — в Карачаево-Черкесской Республике (сейчас в Северо-Кавказском федеральном округе — Н. Р.); Приволжского федерального округа: 2 раза — в Нижегородской области, 6,7 раза — в Пензенской области; Уральского федерального округа: 1,7 раза — в Курганской области, 50,7 раза — в Ямало-Ненецком автономном округе; Сибирского федерального округа: 1,2 раза — в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе, 18 раз — в Республике Бурятия; Дальневосточного федерального округа: 1,6 раза — в Еврейской автономной области, 31 раз — в Магаданской области»⁵. Выравнивание

бюджетной обеспеченности поселений и муниципальных районов (городских округов) в соответствии с Бюджетным кодексом РФ осуществляется в форме предоставления дотаций из региональных фондов финансовой поддержки поселений и региональных фондов финансовой поддержки муниципальных образований.

На дифференциацию субъектов РФ по показателю подушевого дохода консолидированных бюджетов субъектов РФ (без учета финансовой помощи) влияет отраслевая структура хозяйства региона. Кроме того, косвенное влияние оказывают географическое положение и численность населения. Действующая налоговая система ориентирована в основном на поступления налоговых доходов от промышленности, добычи и экспорта природных ресурсов. В условиях зависимости бюджетной системы от платежей предприятий топливно-энергетического комплекса высокая степень дифференциации регионов неизбежна.

По нашему мнению, регионы должны были увеличивать свои доходы за счет участия в крупномасштабных инвестиционных проектах федерального правительства, создания особых экономических зон, укрупнения регионов. Очевидно, что по всем трем направлениям рост доходов региональных бюджетов предполагался в зависимости от активизации сотрудничества с федеральным центром. Тем самым в отношениях между ними была заложена ключевая тенденция.

Республика Мордовия является регионом, промышленный потенциал которого был построен инвестициями союзного государства. В процессе кризиса 90-х гг. XX в. созданная экономическая модель прекратила свое существование. Руководству республики пришлось изыскивать источники наполнения бюджета, что заставило его уже в 1997 г. перейти к реформированию межбюджетных отношений. В начале 2000-х гг. опыт республики был использован федеральным центром при переходе к новой системе межбюджетных отношений. Процесс создания системы межбюджетных отношений планомерно начал осуществляться в России после 1998 г., с которым исследователи связывают постепенное оздоровление экономики, усиление позиций федерального центра, что и отразилось на реформе бюджетного процесса.

В исследуемый период в Мордовии наблюдается рост объемов республиканского бюджета⁶. Если в докризисном

2007 г. объем бюджета республики составлял 12 млрд руб., то в 2008 г. — 15, в 2009 г. — 19,5, в 2010 г. — 15, в 2011 г. — 19. Видно, что доходы республиканского бюджета за годы кризиса значительно увеличились. Их снижение приходится на 2010 г., но уже в 2011 г. вновь восстанавливается динамика роста доходов бюджета.

Республиканскими законодателями практикуется планирование расходов бюджета на три года, что позволяет оценить намерения, тенденции и достигнутые результаты. В частности, в 2010 г. объемы бюджета значительно разошлись с прогнозными показателями. В 2009 г. предполагалось, что расходы бюджета на 2010 г. составят 18,9 млрд руб., что в итоге было скорректировано в сторону уменьшения — до 14,9 млрд руб. Прогнозные показатели на 2011 г. также подвергались корректировкам. По предварительному прогнозу, в 2009 г. объем бюджета должен был составить 18,9 млрд руб., по прогнозу 2010 г. он существенно уменьшился до 11 млрд руб., а итоговая цифра, заложенная в Закон о бюджете 2011 г., составила 19,3 млрд руб.

Бюджет Мордовии является дефицитным. В докризисном 2007 г. дефицит бюджета составил 6,7 % от его доходов, в 2008 г. он увеличился до 8,5 %, а в 2009 г. сократился до 6,0 %, но в 2010 г. достиг 10,3 %. По Закону о бюджете на 2011 г., его дефицит составил 3,5 %.

Особого интереса заслуживает структура доходов республиканского бюджета. Значительная часть доходов бюджета формируется за счет безвозмездных перечислений, которые составили в 2007 г. 48,4 % доходов бюджета, в 2008 г. — 43,7 %, 2009 г. — 40,35 %, 2010 г. — 46,5 %, 2011 г. — 40,0 %. Соответственно, налоговые поступления обеспечивали 51,61, 56,0 59,65, 53,5, 60,0 %. Как видно, финансовый кризис повлиял на показатели доходной и расходной частей бюджета. В период кризиса наметилась тенденция к увеличению доли бюджетных доходов, формируемых за счет налоговых поступлений. Эта тенденция нарушается только показателями 2010 г., когда произошло уменьшение объемов республиканского бюджета. Стал более заметным его дефицит, и при этом, если сравнивать с предыдущими годами, сократилась доля его доходов, формируемых за счет налоговых источников.

Очевидно, что для бюджета республики характерна существенная дифференциация доли собственных источни-

ков финансовых ресурсов по сравнению с общей суммой их доходов. Высокую степень дотационности значительной части российских регионов следует оценивать как дестабилизирующий фактор бюджетной системы. В. Бескровная полагает, что «дотационность этих бюджетов, многоканальность предоставления им централизованной помощи, резко выраженная неравномерность в размещении налогового потенциала — факторы серьезных диспропорций в бюджетной системе России, подрывающие стимулы укрепления бюджетно-налогового потенциала, усиливающие нагрузку на федеральный бюджет и осложняющие использование нормативно-расчетных методов регулирования межбюджетных отношений»⁷.

Характерно, что в большинстве случаев представителями субъектов Федерации формируемая система межбюджетных отношений оценивается достаточно противоречиво. Председатель Государственной думы Ставропольского края Д. А. Еделев отмечает: «Решение основного вопроса местного самоуправления мы видим в предоставлении права замены дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных образований дополнительными дифференцированными нормативами отчислений от федеральных и региональных налогов и сборов. Наш опыт показывает, что это должно распространяться не только на налог на доходы физических лиц, но и на другие федеральные и региональные налоги и сборы: налог на прибыль организаций, налог на имущество организаций и транспортный налог. Это позволит сделать межбюджетные отношения более гибкими»⁸.

В свою очередь Глава Республики Мордовия Н. И. Меркушкин положительно характеризует систему, формируемую федеральным центром: «Функционирующая в Мордовии с 2006 г. система межбюджетных отношений позволяет сохранить ранее действовавшую и положительно зарекомендовавшую себя систему, не нарушая требований и ограничений федерального законодательства, и обеспечивает эффективное перераспределение финансовых ресурсов на уровне республиканского и местных бюджетов... Ключевым вопросом обновления системы межбюджетных отношений в республике стало изменение подходов к оказанию финансовой поддержки муниципальных образований. С 2006 г. изменилась не только структура местных бюджетов, но и их

взаимоотношения с бюджетом республики — они теперь построены на законодательной основе в форме межбюджетных трансфертов. Любая передача государственных полномочий органам местного самоуправления сопровождается выделением местным бюджетам субвенций на их осуществление. В соответствии с федеральным законодательством в составе бюджета республики созданы Фонд финансовой поддержки муниципальных районов (городского округа), Фонд компенсаций, Фонд софинансирования социальных расходов и Фонд муниципального развития»⁹. Глава РМ высоко оценил также программно-целевой метод бюджетного планирования. По его мнению, это обеспечивает «прямую взаимосвязь между распределением бюджетных ресурсов и фактическими результатами их использования в соответствии с приоритетами государственной политики»¹⁰.

Таким образом, реформирование бюджетных отношений в РФ осуществляется противоречиво. Федеральным центром выстраивается бюджетная модель, соответствующая принципам усиления вертикали власти. Становление этой модели соответствует экономическим интересам Мордовии, исторически сформированной как дотационный регион, зависимый от центральных инвестиций. Формируемая центром модель взаимоотношений позволяет РМ привлекать в экономику централизованные инвестиции в форме федеральных целевых программ и грантов, крупных инвестиционных, а также инновационных проектов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 годы (проект 14.740.11.0239 «Динамика центрально-периферийной конфигурации современной России и политические механизмы оптимизации территориального управления»).

² Ким Ю. Федеративная идея и федеративный принцип // Федерализм. 2008. № 2. С. 40.

³ Игудин А.Г. О принципах реформирования межбюджетных отношений в Российской Федерации // Финансы. 1998. № 8. С. 7.

⁴ См.: Рябухин С.Н. Аналитическая записка «Анализ состояния и проблемы формирования доходного потенциала субъектов Российской Федерации» // Бюлл. Счетной палаты РФ. 2007. № 1. — Материалы официального сайта Счетной палаты РФ. URL: http://www.budgetrf.ru/Publications/Schpalata/2007/ACH200703241722/ACH200703241722_p_012.htm (дата обращения: 15.06.2011).

⁵ Его же. Аналитическая записка по результатам экспертно-аналитического мероприятия «Обеспечение реализации Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“ в субъектах Российской Федерации в январе — сентябре 2006 года» // Бюлл. Счетной палаты РФ. 2007. № 5. — Материалы официального сайта Счетной палаты РФ. URL: http://www.budgetrf.ru/Publications/Schpalata/2007/ACH200706181200/ACH200706181200_p_009.htm (дата обращения: 15.06.2011).

⁶ Здесь и далее произведен подсчет по данным законов о бюджете РМ 2007, 2008, 2009, 2020, 2011 гг.

⁷ Бескровная В. Реализация принципов бюджетного федерализма в регионах России // Федерализм. 2008. № 2. С. 118—119.

⁸ Состояние и перспективы реализации реформы местного самоуправления в Российской Федерации // Аналит. вестн. СФ. 2008. № 21. С. 58.

⁹ Меркушкин Н.И. Основные характеристики консолидированного и республиканского бюджетов Республики Мордовия. URL: <http://bujet.ru/article/2795.php> (дата обращения: 15.06.2011).

¹⁰ Там же.

Поступила 28.09.11.

Д. В. ДОЛЕНКО, СНГ КАК РЕГИОНАЛЬНЫЙ
Ж. Д. КОНИЧЕНКО, ПРИОРИТЕТ РОССИИ
А. В. ПЕТУХОВ

Ключевые слова: Содружество Независимых Государств, Россия, постсоветское пространство, интеграция, дезинтеграция, национальные интересы, международные отношения

Key words: Commonwealth of Independent States, Russia, post-Soviet space, integration, disintegration, national interests, international relations

Содружество Независимых Государств (СНГ) — главный региональный приоритет российской внешней политики. Это обусловлено тем, что на территории СНГ проживает 25 млн русских соотечественников, проходят имеющие жизненно важное значение для России коммуникации. Здесь находятся источники природных ресурсов, в освоение которых вложены ресурсы всего СССР, т. е. прежде всего России, а также находятся важные экономические и военные объекты России и объекты, необходимые для обеспечения ее национальной безопасности.

При оценке развития СНГ следует отметить, что особенностью возникновения этого межгосударственного объединения является то, что в отличие от других межгосударственных объединений, например, Европейского Союза, его образование стало не результатом интеграции государств, а следствием дезинтеграции некогда единого государства — Советского Союза. Решения о прекращении существования СССР и создании СНГ были зафиксированы в одном и том же документе — так называемом «Минском соглашении», подписанном 8 декабря 1991 г. главами Беларуси, России и Украины¹.

ДОЛЕНКО Дмитрий Владимирович, заведующий кафедрой регионоведения и политологии Мордовского государственного университета, доктор политических наук, профессор.

КОНИЧЕНКО Жанна Дмитриевна, доцент кафедры регионоведения и политологии Мордовского государственного университета, кандидат исторических наук.

ПЕТУХОВ Алексей Валентинович, доцент кафедры регионоведения и политологии Мордовского государственного университета, кандидат социологических наук.

22 января 1993 г. на заседании Совета глав государств был подписан Устав СНГ, который зафиксировал, что содружество не является государством и не обладает наднациональными полномочиями. Он также определил, что государствами-учредителями содружества являются государства, подписавшие и ратифицировавшие Минское соглашение и Алма-атинский протокол, а государствами-членами Содружества — государства, принимающие Устав или обязательства, содержащиеся в этом Уставе. Устав определил структуру органов содружества (советы глав государств и правительств, советы министров иностранных дел, обороны, Совет командующих пограничными войсками, органы отраслевого сотрудничества) и их компетенцию, цели и задачи. Все эти органы были сформированы, однако сегодня можно констатировать, что СНГ представляет собой объединение с очень слабой координацией политики своих участников.

Цели, намеченные при создании СНГ в Минском соглашении (сохранение и поддержка общего военно-стратегического пространства, осуществление координации внешнеполитической деятельности, формирование и развитие общего экономического пространства и др.), не были достигнуты. В рамках СНГ сегодня не существует единого экономического, военно-стратегического пространства и эффективной координации внешней политики государств-участников СНГ.

Когда к середине 1990-х гг. оказалось явным, что СНГ не стало эффективным механизмом интеграционных процессов в постсоветском пространстве, Россия, ведущее государство СНГ, взяла на вооружение концепцию разноскоростной и разноуровневой интеграции, которая предполагала продвижение интеграционных процессов с теми государствами, которые к этому готовы. Другими словами, интеграция внутри СНГ осуществлялась с разной скоростью и разным числом участников. Таким образом, внутри СНГ стали формироваться региональные интеграционные объединения и организации. В частности, формируется союзное государство Беларуси и России, договор о создании которого был подписан еще в 1999 г., хотя процесс этот идет значительно медленнее, чем предполагалось изначально. Существует Евразийское экономическое сообщество в составе Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана, Узбекистана, в рамках которого в составе трех стран создан Таможенный

союз. Ведется работа над созданием Единого экономического пространства, включающего Беларусь, Казахстан и Россию. В сфере безопасности создана и активно действует Организация Договора коллективной безопасности в составе Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана, Узбекистана.

Анализ тенденций и перспектив развития СНГ предполагает, с одной стороны, учет интересов и политики России, с другой — остальных постсоветских государств. Россия — ведущее государство, превосходящее по своей мощи любое другое постсоветское государство. Она единственное ядерное государство в СНГ. Ее военно-стратегический потенциал является одним из самых значительных в мире. Она единственное в СНГ государство, ставшее постоянным членом Совета безопасности ООН. Россия обладает огромными запасами ценных природных ресурсов, позволяющих влиять на политику своих соседей. Наконец, сегодня Россия — самое мощное в экономическом отношении государство СНГ. Естественно, что интересы России связаны с тем, чтобы сохранить постсоветское пространство в сфере своего влияния, обеспечить его интеграцию при своей ведущей роли. Она заинтересована иметь здесь регион безопасности, стабильности и сотрудничества.

Именно поэтому геостратегический курс России будет связан со стремлением к интеграции постсоветского пространства, сохранению здесь своего доминирования. Соответственно, это предполагает готовность нести бремя определенных расходов.

Интересы и политика других государств-участников СНГ имеют двойственный характер. С одной стороны, они заинтересованы в экономическом сотрудничестве с Россией. Многие из них нуждаются в ее политической поддержке. Но одновременно с этим все постсоветские государства заинтересованы в усилении своей независимости и расширении своих международных связей. Исходя из вышесказанного, можно сделать предположение, что в постсоветском пространстве, внутри СНГ, очевидно, будут иметь место две противоположные тенденции: стремление к сохранению единства постсоветского пространства и усилению интеграционных процессов; тенденция дезинтеграции, усиления «геополитического плюрализма», образования различных групп и объединений.

Помимо взаимодействия в рамках всего СНГ и региональных интеграционных объединений, большое значение для национальных интересов России имеют двусторонние отношения со странами СНГ. В Концепции внешней политики РФ, принятой в 2008 г., отмечается, что Россия выстраивает дружественные отношения с каждым из государств-участников СНГ на основе равноправия, взаимной выгоды, уважения и учета интересов друг друга. С государствами, которые проявляют готовность к этому, развиваются отношения стратегического партнерства и союзничества².

В европейской части СНГ большое значение имеет политика Украины. Это обусловлено в первую очередь ее уникальным геополитическим положением: между объединенной Европой, атлантическим сообществом и Россией. Значение Украины для российской геополитики обусловлено тем, что Украина является крупнейшим после России постсоветским европейским государством; через территорию Украины проходят стратегические коммуникации, в том числе через нее осуществляется транзит газа в Европу; Украина в настоящее время является буфером между Россией и НАТО; на Украине проживает значительное число русских и русскоязычных граждан.

Наиболее сложные проблемы в отношениях между Россией и Украиной (Крым, Черноморский флот, граница) были в основном решены в рамках Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве и соглашениях по Черноморскому флоту (в соответствии с этим Черноморский флот СССР был разделен между Украиной и Россией, российский Черноморский флот должен был базироваться в г. Севастополе на условиях аренды до 2017 г., граница между Россией и Украиной проходит по фарватеру Керченского пролива). В 2010 г. между Россией и Украиной достигнуто новое соглашение, предполагающее продление срока пребывания Черноморского флота в Крыму до 2042 г., а также новые условия поставок газа на Украину. Очевидно, сегодня в российско-украинских отношениях приоритетно экономическое сотрудничество на рыночной основе. В этой сфере по-прежнему главной проблемой остаются условия поставок газа на Украину и его транзит через ее территорию. Другой приоритет для России — положение русских на Украине, гарантии их прав.

Западный сосед России — Республика Беларусь, крупное восточноевропейское славянское государство, проводящее более выраженную пророссийскую геополитику: ориентация на сотрудничество с Россией является для Беларуси явным геостратегическим приоритетом. Это нашло выражение в последовательном курсе на интеграцию с Россией и создании союзного государства, договор о котором был подписан в 1999 г. Эта политика обусловлена, очевидно, следующими факторами: высокой степенью взаимосвязанности белорусской и российской экономик, заинтересованностью в экономическом сотрудничестве с Россией, исторической и культурной близостью белорусского и русского народов. Создание единого государства, его эффективное функционирование будет, очевидно, главным приоритетом и для Беларуси, и для России. Для последней этот масштабный геополитический проект потребует значительных экономических затрат, однако в геополитическом плане его реализация дает России неоспоримые преимущества. Создание такого государства будет означать формирование единого союзного политического, экономического, военного и культурного пространства, стимулирующего дальнейшие интеграционные процессы в СНГ.

Политика Молдовы на обозримую перспективу будет определяться под воздействием заинтересованности в экономическом взаимодействии с Россией, решения приднестровской проблемы и исторической, культурной, языковой близости к Румынии. Для России эта страна важна с точки зрения безопасности и коммуникаций. Кроме того, для России важным приоритетом в обозримом будущем останутся права соотечественников и русскоязычных граждан на территории Молдовы.

В кавказском субрегионе с точки зрения интересов России наиболее благоприятный характер имеет политика Армении. Отношения России и Армении носят характер стратегического партнерства, союзничества и взаимовыгодного сотрудничества. Армения заинтересована в экономическом и военно-стратегическом сотрудничестве с Россией, участия России в урегулировании нагорнокарабахского конфликта. Интересы России по отношению к Армении связаны с обеспечением безопасности, в том числе с обеспечением эффективного пограничного контроля с помощью находящихся

на территории Армении пограничных войск РФ, а также с точки зрения коммуникаций, положения русских граждан. В целом сегодня Армения является надежным стратегическим союзником России в Закавказском регионе.

В отношениях с Азербайджаном наиболее чувствительным для России остается вопрос об использовании Каспийского шельфа и транзите каспийской нефти. Россия была заинтересована в совместном использовании шельфа, а Азербайджан настоял на его разделе. До 2000-х гг. Россия была монополистом в транзите азербайджанской нефти. В настоящее время реализован проект транспортировки нефти по маршруту Баку — Тбилиси — Джейхан. Тем самым Азербайджан расширил свои возможности поставок нефти другим странам.

Наибольшие проблемы в кавказском субрегионе были связаны с политикой Грузии, стремившейся избавиться от российского военного присутствия и вступить в НАТО. Особенно обострились отношения между Российской Федерацией и Грузией после попытки последней силовым путем восстановить контроль над Южной Осетией. Это привело к вооруженному конфликту Грузии и России в августе 2008 г. и признанию Россией независимости Абхазии и Южной Осетии. Эти события кардинально изменили геополитическую ситуацию на Кавказе. В результате чего появились два новых независимых государства и стратегических союзника России, тем самым произошло усиление геополитического, экономического и военного присутствия России в этом регионе. С другой стороны, российско-грузинские отношения переживают тяжелый кризис, Грузия разорвала дипломатические отношения с Россией и вышла из состава СНГ.

Большое значение в современной геополитике имеют страны Центральной Азии — Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Этот регион имеет исключительно выгодное геостратегическое положение в центре Азии, между ведущими евразийскими державами, на перекрестке важнейших путей из Европы на Дальний, Ближний Восток и Южную Азию. Здесь сосредоточены значительные запасы природных ресурсов, прежде всего нефти и газа, проходят маршруты их транспортировки. Здесь также сосредоточены значительные людские ресурсы.

Следует также отметить, что этот полиэтничный регион представляет собой главный ареал исламской цивилизации на постсоветском пространстве. Сегодня и в перспективе Центральная Азия является одним из приоритетных объектов геополитики ведущих мировых и региональных держав — США, России, Китая, Турции, Ирана. Главный предмет геополитической конкуренции здесь связан с освоением и транспортировкой нефти и газа. Производителями и экспортерами энергоресурсов тут являются Казахстан, Туркменистан, Узбекистан. Сегодня российский маршрут транзита нефти и газа уже далеко не единственный: в 2010 г. открыт газопровод Туркменистан — Китай, а также существует проект газопровода «Набукко» через территорию Азербайджана, Грузии и Турции.

С точки зрения интересов России особое значение имеет политика Казахстана. Эта страна имеет самую протяженную сухопутную границу с Россией, здесь проживает значительное число русских, казахстанская экономика носит либеральный характер и очень динамично развивается. В Казахстане находится важнейший объект космической инфраструктуры России — космодром Байконур, который она использует на правах аренды. Отношения России и Казахстана в настоящее время и в перспективе можно охарактеризовать как стратегическое партнерство. Казахстан является одним из наиболее активных участников интеграционных объединений с Россией (Евразийское экономическое сообщество, Таможенный союз, ОДКБ).

Отношения России с Узбекистаном имеют в целом положительную динамику: страны участвуют в ОДКБ, ШОС, был заключен Договор о стратегическом партнерстве, предполагающий поставку военной техники из России в Узбекистан, предоставление друг другу максимально благоприятных условий участия в инвестиционных и приватизационных проектах и участие российских компаний в добыче нефти на территории Узбекистана.

Более сложный характер имеют отношения с Туркменией, которая провозгласила нейтралитет, ввела визовый режим, отменила институт двойного гражданства, что в первую очередь затронуло интересы русских граждан этой страны. Возможно, в связи со сменой политического руководства в

Туркмении произойдут и изменения российско-туркменских взаимоотношений.

Киргизия и Таджикистан не обладают какими-либо значительными запасами ценных природных ресурсов, экономически они гораздо слабее своих соседей и более зависимы от экономического сотрудничества с Россией. В большей степени они заинтересованы и в военно-политической поддержке России для укрепления своей государственности в условиях относительной слабости государственных институтов. Сегодня и в будущем в Таджикистане будет сохраняться российское военное присутствие. В Таджикистане находится российская военная база. Киргизия, пройдя через вооруженные конфликты и политическую нестабильность, также заинтересована в военно-политическом сотрудничестве с Россией как в рамках Договора о коллективной безопасности, других региональных объединений, так и в рамках двусторонних отношений. Здесь открыта на постоянной основе российская военно-воздушная база, предназначенная для обеспечения российского воинского контингента в Таджикистане.

В целом центральноазиатский регион имеет исключительно большое значение для обеспечения национальной безопасности России с точки зрения противодействия распространению исламского экстремизма и международного терроризма, противодействия контрабанде оружия и наркотиков. Большое значение для России будет иметь обеспечение ее прочных позиций в освоении и транспортировке энергоресурсов из Центральной Азии, в конкуренции за влияние в этом регионе с ведущими региональными державами.

Одной из важных геополитических проблем постсоветского пространства является окончательное урегулирование конфликтов: нагорнокарабахского, приднестровского, абхазского, южноосетинского. Результатом их стало появление так называемых «самопровозглашенных, или непризнанных постсоветских государств»: Нагорнокарабахской республики, провозглашенной армянским населением на территории бывшей Нагорнокарабахской автономной области Азербайджана, Приднестровской Молдавской республики — на территории Молдовы; Абхазии и Южной Осетии — на территории Грузии. Во всех этих случаях имеет место однотипная проблема: противоречие между правом народов на самоопределение и принципом территориальной целостности государства.

Естественно, что стороны конфликта по-разному трактуют соотношение этих принципов международного права.

Теоретически можно представить несколько сценариев решения этих проблем. Сценарий первый — самоопределение. Он предполагает проведение референдума на территориях непризнанных государств под международным контролем при условии возвращения беженцев и гарантии права на самоопределение живущим здесь национальным меньшинствам. Поскольку результат таких референдумов предскажем, то маловероятно, чтобы государства, на территории которых существуют непризнанные республики, на это согласились.

Сценарий второй — компромиссный. Он предполагает создание федерации, конфедерации или «общего государства». Здесь проблема заключается в самом понимании этой общей государственности: или же она предполагает восстановление вертикального властного контроля основного государства над своей отколовшейся частью, или она создается заново на равноправной основе между непризнанным государством и тем государством, от которого оно отделилось.

Сценарий третий можно условно назвать тайваньским. При этом возможно неопределенно долгое существование непризнанных государств в состоянии фактической независимости без юридического признания.

Безусловно, Россия заинтересована в окончательном, полном политическом урегулировании всех конфликтов на постсоветском пространстве с учетом интересов всех заинтересованных государств и народов. При этом для России важно, чтобы урегулирование конфликтов было достигнуто самими заинтересованными сторонами в результате переговоров. После попытки Грузии с помощью военной силы восстановить контроль над Южной Осетией Россия 26 августа 2008 г. признала независимость Абхазии и Южной Осетии и стала выстраивать с ними полноценные межгосударственные отношения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Внешняя политика и безопасность современной России: хрестоматия: в 4 т. М.: РОСПЭН, 2002. Т. 4. С. 12—18.

² См.: Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 07.08.2011).

И. Г. НАПАЛКОВА А. С. СОЛДАТОВА

ПРИКЛАДНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМИ СИСТЕМАМИ¹

Ключевые слова: территориальная система, прикладное исследование, контент-анализ, когнитивное картирование, экспертный опрос, SWOT-анализ

Key words: territorial system, applied research, content-analysis, cognitive mapping, expert inquiry, SWOT-analysis

Особое влияние на природу и характер российской государственности оказывала специфика политико-территориальной организации. В настоящее время процессы глобализации и регионализации, взаимосвязанные и противоречивые, приводят не только к изменениям социально-экономического характера, но и оказывают существенное влияние на трансформацию национального пространства, что актуализирует научный поиск и концептуальную разработку методологии исследования сложных территориальных систем в целом и механизмов их управления в частности.

НАПАЛКОВА Ирина Геннадьевна, докторант кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета.

СОЛДАТОВА Анна Сергеевна, научный сотрудник научно-образовательного центра «Политический анализ территориальных систем» Мордовского государственного университета.

Анализ работ, посвященных изучению процессов территориально-государственного развития, показывает, что во многих из них рассматриваются отдельные аспекты проблемы: общие управленческие принципы, управление отдельными регионами, экономическое районирование, динамика социально-экономического пространства, формирование и развитие центров макрорегионального влияния, воздействие общества на властные структуры и др. Это не позволяет сделать комплексный анализ. Перевод проблематики территориальных различий и разнообразия в русло научных исследований, объясняющих политический процесс и имеющих прогностическую ценность, возможен на основе политологии, так как именно политологический анализ территориального управления дает интегральный срез проблемы и синтезирует подходы, выработанные в других науках². При этом важно сочетание как теоретического, так и прикладного уровня. Теоретическое исследование дает возможность рассмотреть фундаментальные проблемы без временных ограничений, проследить эволюцию предмета анализа, вести сравнение с опытом других стран.

Использование прикладных методов в политологическом исследовании позволяет найти решение актуальных проблем, встающих перед субъектами политических процессов в жестко заданных временных рамках; получить обширную и актуальную информацию, научно обоснованные данные о политических явлениях, процессах, событиях, имеющих прогностический характер; возможно не только описание структурных элементов того или иного явления, но и выявление причин, лежащих в его основе и обуславливающих характер, распространенность, остроту и другие свойственные ему черты. При этом изучается не один какой-либо фактор, а их совокупность, из которой далее выделяют основные и неосновные, временные и устойчивые, контролируемые и неконтролируемые, управляемые и неуправляемые факторы³.

Из широкого спектра прикладных методов анализа при исследовании территориальных систем наиболее часто применяются экспертные методы (интервьюирование, брейнсторминг, метод Дельфи, сценарийтехника), социально-политическое моделирование, контент-анализ и др.

Сложные территориальные системы могут обладать свойствами динамичности (способностью к целенаправленным

и произвольным изменениям), управляемости (возможностью перевести систему из одного состояния в другое), мультистабильности (действием нескольких одновременно устойчивых синхронных режимов), перекликающейся с многомодовостью (возможные варианты изменений многочисленны), поэтому их также можно рассмотреть через призму пространственно-развитых систем (И. Н.), под которыми принято понимать объекты, состоящие из большого числа взаимодействующих между собой элементов⁴.

При использовании подхода задачей комплексного регионально-ориентированного исследования управления территориальными системами будут анализ структурно-объектного содержания территории (совокупность социально-экономического, административного, политико-правового, национально-культурного, природно-ресурсного и других потенциалов); изучение непосредственных и опосредованных связей явлений и процессов (политических, экономических, социальных, демографических), протекающих в сложных территориальных системах, и особенностей управления ими; установление причин протекания процессов на конкретной территории и его влияния на всю систему; прогноз направлений дальнейшего развития, определение возможных барьеров и точек роста; выработка предложений и рекомендаций для заинтересованных структур по оптимизации механизмов управления.

В рамках исследовательского проекта «Динамика центрально-периферийной конфигурации современной России и политические механизмы оптимизации территориального управления» № 14.740.11.0239, выполняемого коллективом НОЦ «Политический анализ территориальных систем» Мордовского государственного университета в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 годы, разработана программа комплексного прикладного политологического исследования «Политические механизмы территориального управления в современной России». Цель исследования — анализ политических механизмов территориального управления в современной России и методов их оптимизации в условиях модернизации структуры центрально-периферийной конфигурации.

Заданный предмет анализа определил построение его методологической основы, базой которой стали:

— *системный анализ*, в рамках которого объект исследования предстает как модификация целостной сложноорганизованной политико-территориальной системы. Общую теоретико-методологическую основу при этом составили подходы Р. Даля и Д. Истона к системному политическому анализу, а также подход Э. Шилза, в соответствии с которым общество рассматривается с точки зрения взаимодействия центра и периферии, и «структурное» определение федерализма Инсбрукской школы и др.⁵;

— *системная модель С. Л. Оптнера*, позволяющая выявить механизм и пределы изменения организации (т. е. развития) системы в условиях инвариантности фундаментальной структуры (при этом понятие «фундаментальная структура» призвано обозначить внутреннее инвариантное отношение во всех изменениях организации данной системы во времени). Сама же система рассматривается под динамическим углом зрения, поэтому основополагающая категория модели — процесс. Основной процесс является также критерием выделения системы из среды или сложной системы, а также выявления внутренних и внешних связей системы. При анализе сложных систем он выступает также критерием их разложения на подсистемы⁶;

— *цивилизационный подход и концепции модернизации*, раскрывающие (хотя и совершенно с различных точек зрения) процессы зарождения сложных территориальных систем и их возможной динамики.

В исследовании также используются специальные методы научного исследования: институциональный, в соответствии с которым анализируется организационный аспект федеративных систем, институциональные формы взаимоотношений центра и периферии; формально-юридический — для анализа государственно-правового устройства сложных территориальных систем (уяснение содержания исследуемого нормативного материала, его описания, обобщения и передачи); историко-генетический, предполагающий изучение проблемы в ее последовательном временном развитии, начиная с особенностей происхождения; сравнительный, применяющийся при сопоставлении различных типов территориальных систем.

Набор прикладных методов исследования включает контент-анализ, когнитивное картирование, опрос экспертов, SWOT-анализ. Для изучения механизмов территориального

управления в современной России необходимо иметь представление о том, как центр-периферийные отношения отражены в СМИ, на каких вопросах делается акцент, какие аспекты считаются малозначимыми или умалчиваются. Для этого был выбран метод контент-анализа, который, во-первых, не искажает результаты обработки информации за счет взаимодействия с общественным или субъективным фоном проводимого исследования⁷; во-вторых, дает представление об объектах, которые исследователь непосредственно не наблюдает; в-третьих, позволяет обработать обширный по объему и несистематизированный текстовый материал и на основе этого расширить представление о реальных политических процессах.

В качестве объектов контент-анализа выступают статьи ряда печатных изданий, которые должны быть представлены практически во всех самых крупных общенациональных изданиях, а исследуемые газеты и журналы являются публикаторами различных сил и ориентаций в российском обществе. Целесообразно исследовать издания на предмет освещения проблем по ряду категорий, задающих концептуальную «сетку» всего анализа: позиция центра (федеральной элиты); позиция регионов — субъектов Федерации (региональных элит); проблемы региональной политики как составляющей государственной политики; проблемы во взаимоотношениях центра и регионов; частота упоминания регионов, их оценка; проблемы межрегионального взаимодействия; сферы и направления совершенствования управления регионами; каналы оптимизации территориального управления; механизмы оптимизации территориального управления.

Когнитивное картирование как метод прикладного политологического исследования позволяет выявить в политических текстах структуру рассуждений и на этой основе делать выводы об особенностях мышления автора текста и его видении политической ситуации. Обычно когнитивное картирование реализуется в политических текстах и речах политиков, так как оно позволяет определить факторы, которые политики учитывают при принятии решений. При изучении особенностей взаимодействия центра и периферии в современной России важно то, как лица, принимающие решения, рассматривают и оценивают ситуацию.

В ходе исследования предполагается проанализировать мнения политиков по важнейшим аспектам взаимодействия центра и регионов, высказанные ими на страницах печатных СМИ (их перечень должен соответствовать изданиям, выбранным для контент-анализа). В качестве индикаторов исследования выступают характер публикации (интервью, авторская статья, аналитическая статья); проблема (политико-территориальная организация России, реформа федеративных отношений, вертикальные коммуникации, горизонтальные коммуникации, новые механизмы региональной политики); отношение к проблеме («местническо-этнократическое», «открытое», иное). Правильно составленная когнитивная карта с тщательно изученным операционным кодом текстов и речей политика помогает увидеть дальнейшие перспективы исследуемой проблемы.

Способом определения проблем центрально-периферийной конфигурации современной России, а также методов оптимизации механизмов территориального управления стал экспертный опрос. Как правило, он нацелен на уточнение гипотез, разработку прогноза и пополнение интерпретации определенных социальных явлений и процессов. В прикладных политологических исследованиях экспертные оценки чаще всего используются в ситуациях, когда есть нехватка достоверной информации, необходимой для анализа, или когда эта информация является вероятностной и не верифицируется традиционными аналитическими средствами.

Необходимость применения опроса экспертов продиктована специфическими характеристиками изучаемого объекта, которые могут анализировать только профессионалы. Метод позволяет выявить важнейшие проблемы в центрально-периферийной конструкции территориальной системы, обозначить пути их решения, определить место и роль политических механизмов в системе государственного управления территориями.

Экспертами должны выступать ведущие специалисты в сфере территориальной организации современного российского государства. Это представители властных структур, научного сообщества, общественных организаций, СМИ, высших учебных заведений России, региональных отделений Российской ассоциации политической науки, Российской академии наук, Администрации Президента РФ, Федерального

государственного учреждения «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации» и др.

Использование SWOT-анализа обусловлено тем, что он позволяет выделить сильные и слабые стороны системы территориального управления, свести внешние и внутренние угрозы в единую систему показателей для определения оптимального пути реформирования механизмов управления и выработки эффективной стратегии регионального развития и тем самым обеспечить комплексность исследовательскому процессу.

В качестве индикаторов анализа можно выделить историческую специфику формирования центрально-периферийной конфигурации России и эволюцию политических механизмов территориального управления; ключевые характеристики центрально-периферийной конфигурации России как федерации (институциональный, функциональный, коммуникативный, идеологический уровни); экономическое развитие регионов России (ВВП, объемы инвестиций, индекс потребительских цен, уровень безработицы и др.); социально-демографические процессы (численность населения, коэффициент рождаемости, продолжительность жизни, естественная убыль, миграционная динамика); международную среду и факторы обеспечения национальной безопасности; правовое обеспечение федеративных отношений (конституционно-правовое закрепление способа территориальной организации государства, федеративных отношений). Перечисленные индикаторы не являются исчерпывающими. В ходе исследования могут выявиться дополнительные объекты анализа.

Возможности и угрозы, выявленные в процессе анализа, следует разделить на три группы по приоритетности, необходимости концентрации усилий и средств, тщательности мониторинга (высокая, средняя и низкая вероятность реализации / вероятность использования возможностей).

Предложенная методика является одним из предварительных этапов составления рекомендаций органам государственной власти, так как данные, полученные в результате ситуационного анализа, служат базисными элементами при разработке стратегических целей и задач управления.

Совокупность примененных методов позволяет, во-первых, изучить сложные территориальные системы как комплекс взаимосвязанных элементов, а не отдельных сегментар-

ных пространств и рассмотреть политические механизмы управления как взаимообразный, взаимообусловленный процесс, включающий влияние центра на регионы и обратное воздействие территориальных сообществ на государственную власть; во-вторых, проанализировать, как отношения «центр — периферия» отражены в СМИ, как видят существующие проблемы и методы их решения российские политики, как оценивают существующее положение дел представители научного сообщества и общественных организаций, какие сильные и слабые стороны, внешние и внутренние угрозы несут в себе механизмы территориального управления.

Полученные результаты позволят сформулировать перспективы реорганизации пространственной конструкции России, что найдет свое отражение в рекомендациях органам государственной власти по оптимизации политических механизмов территориального управления.

Можно выделить ряд проблем применения прикладных методов в исследовании управления территориальными системами.

Во-первых, это проблемы, связанные с анализируемой междисциплинарной предметной областью. Изучение отдельных подсистем или ограниченного набора их функций может привести к получению неполной, неточной или искаженной информации и поставить под сомнение достоверность исследования и выводов. Также сложность политологического анализа во многом вызывается многозначностью ряда категорий, разночтением определений и формулировок.

Во-вторых, это проблемы, связанные с выбором и применением собственно прикладных методов. Использование только количественных или только качественных методов не дает полной картины. Достаточно редко применяются эвристические (ассоциативные, мозгового штурма), статистические (регрессионный, главных компонентов, ковариационный, корреляционный, факторный) и детерминированные (инфлюентный анализ) методы анализа, которые активно применяют при исследовании других управленческих систем.

В-третьих, это проблемы перевода методологии на уровень методики, совмещение исследовательской и практической функций в конкретных методах прикладного исследования.

В-четвертых, проведение прикладного исследования, как и в любой другой области, требует решения ряда проблем

не только научного, но и технического, социально-экономического и организационного характера.

В-пятых, это коммерциализация политологических исследований (рост числа заинтересованных в получении определенным образом интерпретированной социально-политической информации и возможность лоббирования посредством нее персональных интересов, а также использование экспертного знания для выстраивания PR- и GR-стратегий).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 годы. Проект 14.740.11.0239 «Динамика центрально-периферийной конфигурации современной России и политические механизмы оптимизации территориального управления».

² См.: Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. 2-е изд. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2007. 399 с.; Усягин А.В. Территориальное управление в политической системе Российской Федерации: дис. ... д-ра полит. наук. Н. Новгород, 2006. 270 с.

³ См.: Общая и прикладная политология: учеб. пособие / под общ. ред. В.И. Жукова, Б.И. Краснова. М.: МГСУ, Союз, 1997. С. 732—734; Симонов К.В. Политический анализ: учеб. пособие. М.: Логос, 2002. 152 с. URL: http://www.radall.ru/lib_page_readall_112165.html (дата обращения: 24.04.2011).

⁴ См.: Некрасов А.М. Фазовая мультистабильность в диффузионно связанных нелинейных осцилляторах: дис. ... канд. физ.-мат. наук. Саратов, 2007. 160 с.; Прохоров М.Д. Нелинейные динамические модели пространственно-развитых систем (решетки связанных отображений, системы с запаздыванием): автореф. дис. ... д-ра физ.-мат. наук. М., 2008. 35 с.

⁵ См.: Даль Р.А. Современный политический анализ // Актуальные проблемы современной зарубежной политической науки: реф. сб. М., 1991. Вып. 4. С. 51—96; Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С. 341—359; *Föderalismus als Mittel permanenter Konfliktregelung* / Hrsgn. von F. Esterbauer et. al. Wien: Braumueller, 1977. 285 p.

⁶ См.: Оптнер С.Л. Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем. М.: Сов. радио, 1969. 216 с.; Бахлов И.В. От империи к федерации: историко-политологический анализ трансформации имперских систем в федеративные. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2004. 656 с.

⁷ См.: Боришполец К.П. Методы политических исследований: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект-Пресс, 2005. С. 51.

Поступила 30.05.11.

А. А. ДЕНИСОВА

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНОМ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

Ключевые слова: система управления регионом, экономика знаний, элементы системы управления, трансформация системы управления, оценка эффективности деятельности исполнительных органов государственной власти

Key words: region management system, economy of the knowledge, management system elements, management system transformation, evaluation of state power bodies activities efficiency

В условиях проводимой административной реформы на региональном уровне реализация мероприятий, направленных на совершенствование системы управления на основе информатизации, зачастую сводится к выполнению соответствующих федеральных целевых программ и технической автоматизации, а исследование степени ее развития ограничивается, как правило, анализом развития средств связи. Внедрение в органы исполнительной власти информационных систем для улучшения тех или иных элементов системы управления требует проведения комплексной модернизации системы управления.

Система управления в общем виде может быть представлена как совокупность взаимосвязанных управляемой и управляющей подсистем, взаимодействующих между собой и внешней средой с помощью материально-технических и информационных средств и участвующих в процессе функционирования по обеспечению предназначения организации и достижению поставленных целей¹.

Управляемая подсистема представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов, обеспечивающих производственный процесс создания продукции и услуг для достижения определенных целей

ДЕНИСОВА Анастасия Александровна, ассистент кафедры экономической информатики и управления Волгоградского государственного университета.

системы. Производственный процесс следует понимать широко, включая процессы производства продуктов и изделий, сооружений, а также процессы осуществления образовательных, финансовых, научно-исследовательских и прочих услуг.

Другая основополагающая подсистема системы управления — управляющая, называемая субъектом управления. Это совокупность взаимосвязанных элементов и подсистем управления, взаимодействующих между собой и участвующих в процессе воздействия на объекты управления и внешнюю среду для достижения основной и других целей системы. Воздействия осуществляются на основе прямых и обратных связей. Субъект управления характеризуется целостностью и упорядоченностью всех элементов и подсистем².

В процессе исследования систем управления необходимо четко представлять особенности социально-экономических систем и их элементов. Главным и наиболее активным элементом таковых выступает человек, так как в их основе лежит совокупность общественных, коллективных и личных интересов. При этом понятие «интересы» включает все их виды: идеологические, политические, экономические, социальные и др.³

Особенностями социально-экономических систем являются, во-первых, жизнеустойчивость, динамичность, способность к самоуправлению и самоорганизации. Кроме того, любой элемент системы является структурообразующей частью какой-либо системы. Например, предприятие является элементом отрасли как системы. В то же время само предприятие выступает в качестве системы, так как состоит из различных служб, являющихся ее элементами. Во-вторых, элементу присуще одно или несколько свойств, и каждое из них будет использоваться в системе или являться потенциально возможным для использования. Свойства элементов определяют их место во внутренней организации системы. В-третьих, важную роль в определении особенностей элемента играет его функциональная специфичность. Любое изменение одного из элементов вызовет изменение характера связи между элементами, а также изменение элементов, на которые оказано воздействие. В этих случаях вступает в действие механизм саморегулирования системы⁴. В-четвертых, структура системы основана на упорядоченной взаимосвязи элементов и на вхождении одной системы в

другую, что обусловлено иерархическим принципом организации сложных многоуровневых систем, какой является социально-экономическая система.

Система управления регионом представляет собой множество взаимосвязанных элементов, составляющих единое целое и реализующих процесс регионального управления для достижения поставленных целей⁵. Она представляет собой мезоуровень, т. е. является средним звеном между макро- и микроуровнем, поэтому обладает определенными особенностями: является подсистемой народного хозяйства государства, поэтому ее нельзя рассматривать изолированно; в ней действуют три взаимосвязанных подсистемы: государственная, подсистема муниципальных образований, а также подсистема юридических и физических лиц; в отличие от систем управления предприятием (микроуровень) она не может быть ликвидирована. Особенностью ее функционирования в неблагоприятных условиях является невозможность расширенного воспроизводства экономических, демографических и природных процессов.

Традиционно в системе управления регионом выделяют четыре основных составляющих. Это механизм управления (цели, функции, принципы и методы, которые характеризуют фундаментальные основы системы управления); структура системы управления — это управляющая система в статике, характеризующая строение системы управления, расположение и соотношение входящих в нее органов и звеньев управления; процессы управления — логическая последовательность управленческих действий, сочетающихся и взаимодействующих между собой операций, этапов, стадий и процедур и предоставляющих единство действий работников аппарата управления, которые основаны на процессе разделения труда и определенной технологии; совершенствование управления — улучшение, рационализация с учетом конкретных условий функционирования⁶.

В условиях модернизации национальной экономики к системам управления регионом предъявляются новые требования, трансформируются общие подходы к их развитию. С формированием экономики знаний в системе общественного производства возникают новые процессы: развитие нематериальной сферы и нематериальной деятельности; производство, распределение и использование знаний со-

ставляют основу новой экономики, а ее инфраструктурой становится всемирная информационная сеть.

Условия хозяйствования заставляют совершенствовать региональные системы управления, адаптируя старые элементы и формируя новые. Одними из них выступают «электронное правительство», «электронные общественные приемные», «многофункциональные центры». Это связано с решением правительственной комиссии по внедрению информационных технологий в деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления. Эти требования к системам управления ведут к изменениям в организационной структуре и механизме управления⁷.

Новые компоненты выполняют функции аккумуляции, хранения, обработки, передачи и распространения информации, необходимой для принятия управленческих решений; создания условий для оперативного получения необходимой информации хозяйственными субъектами; ускорения социально-экономических процессов за счет использования информационно-телекоммуникационных технологий и средств связи; уменьшения информационной неопределенности за счет получения необходимой дополнительной информации из официальных источников; координации субъектов управления, т. е. проявление самостоятельности субъектами управления, в рамках создаваемого информационного пространства⁸.

Таким образом, трансформация систем управления регионом должна рассматриваться в тесной взаимосвязи с информационной составляющей, что позволит эффективнее реализовывать функции управления: анализ, мониторинг, сопровождение, планирование и прогнозирование, а также консалтинг экономического роста региона и многие другие управленческие функции. Определить, насколько эффективно выполняются перечисленные функции управления, позволяет оценка деятельности органов исполнительной власти. Она необходима органам власти и обществу для повышения системности, обоснованности управленческих решений и повышения эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ.

Для проведения такой оценки в различных регионах РФ разработаны собственные методики: «Регламент системы индикативного управления экономикой Республики Татарстан», «Методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ», «Методика оценки и

мониторинга эффективности деятельности исполнительных органов государственной власти Калининградской области» и др. Всех их объединяет наличие в системе показателей блоков комплексной оценки уровня социально-экономического положения региона; оценки на основе показателей эффективности расходования бюджетных средств; оценки реализации реформ, признанных актуальными на федеральном уровне (реформы в сферах образования, здравоохранения и др.); оценки уровня выполнения полномочий на региональном уровне; оценки эффективности деятельности органов государственной и муниципальной власти населением с использованием опросных и социальных показателей; оценки открытости деятельности исполнительных органов государственной власти (ИОГВ).

К достоинствам рассмотренных методик следует отнести определение целевых установок, к выполнению которых в отчетном периоде должны стремиться ИОГВ; группировку показателей по основным направлениям деятельности ИОГВ, что позволяет проводить детальный анализ деятельности по отдельным направлениям; возможность проведения территориальных сравнительных оценок и определения направлений повышения эффективности деятельности ИОГВ.

В то же время для этих методик характерны и недостатки: подмена критерия эффективности критерием результативности; в большинстве методик отсутствуют интегральные показатели или, если они есть, то показатели при их формировании имеют одинаковый вес, что не соответствует реальности; односторонность оценки, так как значение интегрального показателя зависит только от одного направления деятельности (чаще всего от социально-экономического развития региона); зависимость оценки эффективности работы одного ИОГВ от эффективности работы другого ИОГВ, так как значение интегрального показателя одного муниципального образования зависит от уровня социально-экономического развития других муниципальных образований; слишком большой перечень показателей (150 и более), что делает методику оценки очень громоздкой.

С учетом вышесказанного мы предлагаем несколько иной подход к оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти. Предлагаемая система показателей должна включать в себя три блока: показатели, характеризующие результаты деятельности управления регионом (основные

социально-экономические показатели развития региона, результаты отрасли); показатели, характеризующие качество управления регионом (включая показатели общественного мнения, количественные оценки эффективности использования бюджетных средств, инвестиционной привлекательности региона); показатели, характеризующие деятельность органов государственной власти (реализация основных функций управления, степень развития институциональной сферы региона, состояние информационной инфраструктуры региона); показатели характеризующие использование ИТ в деятельности органов исполнительной власти.

Таким образом, предлагаемая система оценок должна быть прозрачной и доступной для проведения расчетов или получения оценок, не должна содержать большое количество показателей, чтобы исключить излишнюю громоздкость, должна содержать интегрированные показатели. Другое требование к такой системе состоит в необходимости обеспечения полной совместимости и сопоставимости показателей для разных условий их измерения, а также применения этих индикаторов в различных регионах страны. Иными словами, система должна быть инвариантна по отношению к оцениваемым объектам и условиям проведения этих оценок.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Мишин В.М. Исследование систем управления: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 30.

² Там же. С. 33.

³ См.: Макашева З.М. Исследование систем управления: учеб. пособие. М.: КНОРУС, 2009. С. 15.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ См.: Малин А.С. Региональное управление: учеб. пособие. М.: ГУ ВШЭ, 2006. С. 26.

⁶ См.: Макашева З.М. Исследование систем управления ... С. 20.

⁷ См.: Петрова Е.А. Совершенствование систем государственного управления на основе внедрения концепции электронного правительства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 18. С. 22—30.

⁸ См.: Ее же. Воспроизводство информации в региональной хозяйственной системе: теория, методология и практика. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 69.

Поступила 16.05.11.

Д. В. ЕРМОЛАЕВ

УРОВЕНЬ КОРРУПЦИОННОЙ ПОРАЖЕННОСТИ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: ПРОБЛЕМЫ РАСЧЕТОВ И МЕТОДЫ ОЦЕНКИ

Ключевые слова: преступность в экономической сфере, коррупционная пораженность, взяточничество, государственная служба, эффективность государственного управления

Key words: criminality in the economic sphere, corruption, bribery, state service, state management efficiency

Коррупция (подкуп государственных служащих заинтересованными структурами, отдельными гражданами) в современной России представляет собой сложное явление, затрагивающее многочисленные сферы жизни общества: экономику, социальные отношения, политику, право, духовное состояние социума. Многие специалисты при анализе этого явления считают, что увеличение экономических преступлений способно существенно дестабилизировать ситуацию в отдельно взятом регионе и стране в целом.

Переходные процессы в РФ сопровождались ухудшением криминальной ситуации в стране. Российская действительность демонстрирует увеличение и разнообразие преступлений в экономической сфере. С 1990 г. и до настоящего времени количество зарегистрированных присвоений и растрат увеличилось более чем на 30 %, их удельный вес в структуре преступлений против собственности увеличился в 13 раз и составляет около 58 %. В 1997 г. было выявлено 43 415 фактов присвоения и растраты, в 1999 г. — 48 447, в 2003 г. — 49 002, в 2009 г. — 67 266¹.

ЕРМОЛАЕВ Денис Витальевич, аспирант кафедры таможенного дела и управления, мировой экономики и политики Юго-Западного государственного университета (г. Курск).

Более заметной стала коррупционная преступность. В 2008 г. следственными органами Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации были «рассмотрены почти 49 тысяч сообщений о совершении преступлений коррупционной направленности в органах государственной власти и местного самоуправления. Возбуждено свыше 10 тысяч уголовных дел этой категории, более 5 тысяч из них окончены»².

Однако, как показывает практика, проблемы коррупции продолжают быть актуальными и носить чрезвычайно острый характер для всех сфер жизни российского общества. В связи с этим актуализируется проблема оценки реальных масштабов коррупционной пораженности экономики и сферы государственного управления в регионах России. Дело в том, что до настоящего момента в РФ существует ведомственная статистика количества выявленных фактов взяточничества и осужденных за данное преступление. Однако эта статистика далеко не удовлетворительна в силу своей неполноты и значительных искажений. Отсутствие реальной картины уровня коррупционной пораженности на уровне регионов осложняет не только борьбу с этим явлением, но и не способствует выявлению детерминант и сфер наибольшего распространения коррупции³.

Сохраняется проблема оценки реального уровня коррупционной пораженности региона как одного из показателей дисфункциональности власти. Проблема носит преимущественно методологический характер, так как реальное количество совершаемых коррупционных сделок на конкретной территории в тот или иной период времени вряд ли можно установить достоверно. В то же время разработка результирующих индексов распространенности коррупции позволяет осуществить оценку эффективности государственного управления в регионе по властной составляющей. Мы предлагаем ряд индексов.

Индекс коррупционной пораженности территории рассчитывается следующим образом:

$$I_{кп} = \frac{K_{сн} * 100000}{N}, \quad (1)$$

где $I_{кп}$ — индекс коррупционной пораженности территории; $K_{сн}$ — число лиц, выявленных в связи с совершенным

коррупционным преступлением; 100000 — единая расчетная база; N — численность населения, проживающего на данной территории в анализируемый период.

Индекс коррупционной пораженности территории показывает, насколько население территории вовлечено в необходимость совершения коррупционных сделок и страдает от данного преступления.

Индекс коррупционной пораженности органов государственной власти и управления на территории в анализируемый отрезок времени рассчитывается следующим образом:

$$I_{кпв} = \frac{K_{кзс}}{Ч_{сов}}, \quad (2)$$

где $I_{кпв}$ — индекс коррупционной пораженности соответствующего органа власти и управления; $K_{кзс}$ — число служащих, выявленных в связи с совершением преступления коррупционной направленности; $Ч_{сов}$ — численность служащих соответствующего органа власти.

Индекс коррупционной пораженности органов государственной власти и управления позволяет определить сферы властного регулирования, служащие которых оказываются в наибольшей степени на конкретной территории в анализируемый отрезок времени вовлечены в совершение преступлений коррупционной направленности.

Индекс коррупционной виктимности населения региона рассчитывается следующим образом:

$$I_{впр} = \frac{K_{нв}}{Ч_{нр}}, \quad (3)$$

где $K_{впр}$ — индекс коррупционной виктимности населения региона; $K_{нв}$ — число юридических и физических лиц, подвергшихся вымогательству со стороны государственных служащих; $Ч_{нр}$ — численность населения региона в анализируемый период.

Индекс коррупционной виктимности населения региона — это удельный вес физических и юридических лиц в общей численности населения территории, которые подверглись вымогательству государственных служащих с целью получения последними незаконных привилегий.

Проведенные расчеты коррупционной пораженности регионов позволили распределить территории ЦФО по трем

кластерам: регионы с наименьшим, со средним и высоким уровнем коррупционной пораженности.

Кластер 1. Наименьший $I_{кп}$ (0,2—0,99) — Курская (0,2), Тульская (0,29), Тамбовская (0,32), Костромская (0,34), Московская (0,61), Ярославская (0,79), Орловская (0,85), Рязанская (0,89), Смоленская (0,94), Воронежская (0,97) области.

Кластер 2. Средний $I_{кп}$ (1,0—1,99) — Тверская (1,27), Белгородская (1,47), Владимирская (1,93) области.

Кластер 3. Высокий $I_{кп}$ (2,00—11,0) — Ивановская (2,04), Брянская (2,98), Липецкая (4,61), Калужская (10,43) области.

Итак, результаты кластерного анализа регионов ЦФО по уровню коррупционной пораженности оказались следующими. В 2009 г. наименьший $I_{кп}$ был зафиксирован в 10 регионах, средний уровень $I_{кп}$ — в 3, высокий $I_{кп}$ — в 4.

Предлагаемые методики позволяют дать комплексную оценку коррупционной пораженности территории. Это позволит разработать научно обоснованные и эффективные меры противодействия этому деструктивному явлению.

Таким образом, можно сколько угодно упразднить и преобразовывать министерства и ведомства, поднимать зарплату чиновникам, сокращать государственный аппарат и ликвидировать дублирование функций, но если не установить жесткий и системный финансовый и иной государственный контроль над должностными лицами с точки зрения повышения эффективности управления страной и борьбы с коррупцией, то данные мероприятия будут бесполезными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Власть: криминологические и правовые проблемы // Российская криминологическая ассоциация. М., 2000. С. 371; Состояние преступности в России за 1999, 2002, 2003 годы. М.: ГИЦ МВД России, 2000, 2003, 2004. С. 4; Сведения о состоянии преступности в РФ за январь — декабрь 2009 г. URL: <http://www.mvd.ru/content/11/10000231/10000447> (дата обращения: 18.06.2011).

² Информация о коллегии следственного комитета при Прокуратуре РФ «Об итогах работы за 2008 год и задачах на 2009 год» URL: <http://www.sledcom.ru/actual/2525> (дата обращения: 18.06.2011).

³ См.: Кирпичников А. Взятка и коррупция в России. СПб., 1997. 352 с.; Лунев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997. 480 с.

Поступила 22.06.11.

С. Г. БУСАЛОВА **ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАСХОДОВ РЕСПУБЛИКАНСКОГО БЮДЖЕТА**

Ключевые слова: эффективность, бюджетные расходы, региональный бюджет, ведомственный план

Key words: efficiency, budget expenditures, regional budget, departmental plan

Утвержденные субфедеральные программы повышения эффективности бюджетных расходов требуют детализации в рамках формирования ведомственных планов повышения эффективности бюджетных расходов. Необходимость в их разработке продиктована концепцией бюджетирования, ориентированного на результат.

Разработке ведомственного плана должен предшествовать анализ ситуации, сложившейся в сфере работы ведомства. Ведомственный план должен содержать обоснование мероприятий по повышению эффективности бюджетных расходов, оценку их влияния на качество исполнения республиканским органом исполнительной власти государственных функций, оказания государственных услуг (выполнения работ); расчетов оценки плановой экономии бюджетных ассигнований в результате реализации мероприятий по повышению эффективности бюджетных расходов; иных количественных и качественных эффектов, ожидаемых в результате реализации мероприятий ведомственного плана; расчетов затрат на реализацию мероприятий с предложениями по использованию плановой экономии на реализацию мероприятий по повышению эффективности бюджетных расходов и качества финансового менеджмента, сроков их реализации.

Проект ведомственного плана в Республике Мордовия направляется республиканским органом исполнительной власти в межведомственную рабочую группу по оперативному управлению, созданную для реализации Программы повышения эффективности бюджетных расходов с приложением графика реализации ведомственного плана. После

БУСАЛОВА Светлана Геннадьевна, доцент кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

получения положительного заключения (одобрения) ведомственного плана он утверждается республиканским органом исполнительной власти.

При разработке проектов ведомственных планов республиканским органам исполнительной власти следует учитывать, что разработка их проектов осуществляется в рамках бюджетных ассигнований на исполнение действующих расходных обязательств. Республиканским органам исполнительной власти рекомендуется формировать ведомственный план, а также график его реализации по следующим направлениям: оптимизация расходных обязательств республики; внедрение программно-целевых методов государственного управления; повышение качества и эффективности исполнения государственных функций; повышение эффективности управления государственным имуществом; повышение качества и эффективности оказания государственных услуг (выполнения работ); оптимизация численности и совершенствование системы материального стимулирования государственных служащих республики; оптимизация государственных закупок; создание и совершенствование процедур внутреннего контроля; иные мероприятия по повышению эффективности бюджетных расходов.

График реализации ведомственных планов повышения эффективности расходов целесообразнее формировать на основе типовой формы, представленной в таблице.

Таблица

График реализации ведомственного плана повышения эффективности бюджетных расходов

№ п/п	Мероприятие	Результат	Срок реализации	Ответственный исполнитель	Оценка планируемой экономии бюджетных средств в результате реализации мероприятий
1	2	3	4	5	6
Группа мероприятий					
1.1					
...					

В графе 2 графика указывается мероприятие республиканского органа исполнительной власти, планируемое к реализации в целях повышения эффективности бюджетных расходов. В графе 3 отмечается ожидаемый результат, пла-

нируемый к достижению по итогам реализации мероприятия. При этом в качестве ожидаемого результата может быть названа как экономия бюджетных ассигнований, так и повышение качества исполнения государственных функций, оказания государственных услуг (выполнения работ).

Если мероприятия по повышению эффективности бюджетных расходов и качества финансового менеджмента требуют для реализации расходов, то в качестве ожидаемого результата указывается разность между величиной этих расходов и общей величиной достигаемой экономии в результате их реализации. Если мероприятия по повышению эффективности направлены на повышение качества исполнения государственных функций (государственных услуг), то в текстовой части ведомственного плана приводится количественная и качественная оценка эффектов, достигаемых в результате реализации мероприятия. В графе 4 указывается срок реализации мероприятия с уточнением до месяца (квартала) соответствующего года, в котором планируется завершить реализацию мероприятия. В графе 5 указываются фамилия, имя и отчество заместителя руководителя республиканского органа исполнительной власти и (или) руководителя структурного подразделения республиканского органа исполнительной власти, ответственного за реализацию мероприятия. В случае указания в качестве ожидаемого результата экономии бюджетных ассигнований в графе 7 ставится оценка плановой экономии в соответствующем году в тысячах рублей с точностью до первого десятичного знака.

При реализации ведомственных планов республиканским органам исполнительной власти следует учитывать, что их реализация осуществляется в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных сводной бюджетной росписью бюджета Мордовии и (или) бюджетными росписями главных распорядителей средств бюджета (ГРБС) республики.

Современная система расходования бюджетных средств республиканского бюджета Мордовии должна базироваться на необходимости внедрения в кратчайшие сроки технологии государственных заданий и общей схемы формирования и обработки информации о произведенных бюджетных расходах. Современные информационные продукты — необходимая часть этой цепи, что указывает на стремление не только к

эффективности произведенных расходов, но и к экономии временного промежутка для ее достижения¹.

На удаленных рабочих местах в учреждениях на основе параметров заданий, доводимых от ГРБС, формируются отчетные формы по показателям исполнения государственного (муниципального) задания, которые содержат обоснование норматива затрат для каждой услуги, расходов на выполнение работ для оказания услуг и содержание имущества.

Сформированные исходные данные для расчета норматива затрат и отчетные данные мониторинга исполнения задания формируют централизованный информационный ресурс распорядителей бюджетных средств (РБС). Далее данные о корректировке распределения объемов бюджетных ассигнований направляются в составе Сведений об объемах бюджетных ассигнований РБС непосредственно ГРБС.

В качестве отдельного мероприятия по повышению эффективности бюджетных расходов предлагается ряд действий по совершенствованию механизма управления размещением заказов для государственных и муниципальных нужд, являющихся одним из важнейших элементов государственного регулирования расходования бюджетных средств. Это объясняется тем, что основная часть расходов субъектов бюджетного планирования приходится на размещение государственного заказа, т. е. на поставки товаров, оказание услуг и выполнение работ, необходимых для осуществления государственных функций. В связи с этим сложно переоценить важность эффективного законодательного регулирования в сфере госзакупок.

Основными направлениями развития системы госзакупок республиканского бюджета Мордовии, на наш взгляд, следует считать:

— ориентацию на последовательное сокращение сферы нерегламентированных закупок (включая закупки госкорпораций и естественных монополий, регулирование которых в настоящее время является предметом обсуждения в правительстве);

— расширение спектра используемых способов закупки и возможность адаптации заключенных контрактов к изменяющимся внешним условиям;

— необходимость расширения полномочий госзаказчиков с предоставлением им более широких прав по выбору про-

цедур закупок. Для предотвращения рисков коррупционного поведения целесообразно наделение такими правами госзаказчиков более высокого уровня (в первую очередь в лице ГРБС). В дальнейшем с учетом оценок конечной эффективности ранее проводившихся закупок возможно распространение таких прав на иные крупные организации;

— построение многоуровневой системы мониторинга и контроля, которая должна опираться на логически выстроенную публичную систему сбора информации о закупках и должна быть основой для оценки конечной эффективности госзакупок, а также для выявления возможных злоупотреблений в сфере госзакупок².

В рамках этого подхода построение реально работающей системы сбора и анализа информации о госзакупках является отправной точкой в переходе системы регулирования госзакупок на качественно новую стадию развития, когда государство сможет не только контролировать соблюдение процедур, но и увидеть весь закупочный цикл и оценить результаты проводимых закупок. При проектировании такой системы для обеспечения ее дальнейшего эффективного функционирования уже на уровне постановки задачи необходим ряд шагов.

Во-первых, следует провести разделение информационных потоков по стандартизированной (массовой) и нестандартизованной продукции со структуризацией этих массивов данных по группам товаров, работ и услуг (на основе принятых классификаций продукции и услуг). На этой базе для стандартизированной (массовой) продукции станет возможным сравнение цен и других условий поставки в разрезе отдельных ГРБС, государственных заказчиков, разных способов закупки и т. д. Такой подход также сделает возможным проверку обоснованности стартовых цен закупок со стороны главных распорядителей бюджетных средств и контролирующих органов. Для нестандартизованной продукции сравнения цен и других условий закупок в большинстве случаев напрямую будут невозможны. Однако аккумуляция этой информации даст возможность сделать дальнейший анализ условий закупок с привлечением экспертов, не аффилированных с заказчиком, проводившим закупку.

Во-вторых, необходимо разделение массивов информации о закупках на общедоступную информацию (для граждан,

общественных организаций, потенциальных поставщиков, заинтересованных государственных заказчиков и т. д.); информацию, доступную только для государственных заказчиков (по их собственным закупкам, а также по закупкам других заказчиков в объемах, достаточных для корректного анализа рынка, сопоставления результатов аналогичных закупок и т. д.); информацию, доступную для вышестоящих органов (ГРБС по закупкам подведомственных организаций); информацию, доступную для контролирующих инстанций (по всем закупкам).

Общедоступная часть информации о государственных закупках, реализуемая через единый официальный портал, должна давать внешнему пользователю возможность получения информации о новых торгах и ценах, сложившихся на предшествующих торгах. Закрытая часть информационной системы должна позволять ГРБС и контролирующему органу отслеживать ход реализации закупок на всех стадиях закупочного цикла (от планирования закупок до исполнения контрактов). С учетом того, что многие ГРБС уже имеют у себя такие системы, единую систему необходимо строить как распределенную и учитывающую специфические потребности отдельных ГРБС³. Построение подобной информационной системы позволит сделать качественно новый шаг в развитии механизмов контроля и станет основой эффективного выявления возможных злоупотреблений в рамках государственных закупок.

Для решения вышеперечисленных задач потребуется время, но это даст наиболее существенную отдачу в средне- и долгосрочной перспективе. Поэтому одновременно необходима реализация первоочередных мер к размещению заказа по отношению к технически сложной, инновационной и уникальной продукции и услуг, включая НИР и НИОКР.

В профессиональном сообществе обсуждаются формы и степень, в которой целесообразно предусмотреть установление квалификационных требований к участникам размещения заказа с четким разграничением квалификационных требований на стадии допуска и оценки заявок участников; установление аналогичных квалификационных требований к субподрядчикам / соисполнителям и требований к продукции, поставляемой субподрядчиками / соисполнителями; расширение способов размещения заказа, в том числе путем

проведения многоэтапного конкурса с возможностью квалификационных требований и конкурентными переговорами; право заказчика запрашивать разъяснения и дополнительную информацию от участника по представленной заявке, проверять заявленные участниками данные, отклонять заявки на всех их стадиях рассмотрения; право заказчика устанавливать способы аттестации поставляемой продукции, в том числе проверку качества продукции и технической совместимости на стадии допуска участников; особенности оценки заявок, в том числе выбор победителя на основе комплексного показателя «наиболее экономически выгодное предложение», который должен учитывать проверенные заказчиком данные и стоимость владения в целом с учетом сопутствующих работ, стоимости эксплуатации, ремонтно-пригодности, срока службы и т. д.; возможность внесения обоснованных изменений в государственный контракт по мере его исполнения, в том числе в части уточнения технического задания и стоимостных характеристик⁴.

Оценка эффективности бюджетных расходов может выражаться через казначейский контроль результативности бюджетных расходов, совершенствование которого необходимо в связи с повышенными потенциальными возможностями обеспечения результативности использования бюджетных средств по сравнению с другими видами государственного финансового контроля. Эти возможности связаны с необходимостью санкционирования бюджетных расходов органами казначейства, что трансформирует казначейский контроль в текущий оперативный контроль, позволяющий своевременно обнаружить и предотвратить возможное расходование бюджетных средств с низкой результативностью.

Для повышения эффективности бюджетных расходов следует использовать систему статистического анализа, которая бы учитывала корреляционное и регрессионное взаимодействие факторов, их зависимость.

Идея состоит в том, что при формировании бюджета «сверху вниз» бюджетный процесс начинается с определения бюджетно-политических целей (приоритетов), которые затем декомпозируются с применением программно-целевого метода распределения расходов. Соответственно, формируются и системы индикаторов результативности. При этом макроэкономические результаты подвергаются декомпозиции

и для их достижения необходимо обеспечить получение заданных значений индикаторов микроэкономического уровня. Тогда для обеспечения эффективного контроля необходимо связывать каждый бюджетный расход с некоторым индикатором результативности, и при санкционировании расходов в соответствующих документах должна присутствовать информация о том, на какой индикатор (или индикаторы) результативности микроэкономического уровня может повлиять данный расход. Тогда, если одновременно с расходованием осуществлять мониторинг соответствующих индикаторов, который может производиться органами государственной статистики, то в органах казначейства может быть сформирована база данных, содержащая информацию о связи расходов и индикаторов микроэкономического уровня.

Предложенная система позволит повысить результативность бюджетных расходов и эффективность бюджетного процесса регионального уровня.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Эффективность бюджетных расходов. Автоматизированная система повышения эффективности бюджетных расходов. URL: <http://www.parus.ru/index.php?page=409> (дата обращения: 29.06.2011).

² См.: Колнооченко Е.И. Система госзаказа: развитие законодательства и основные новации на ближайшую перспективу // Бюджет. 2010. № 7. URL: <http://bujet.ru/article/83993.php> (дата обращения: 28.06.2011).

³ См.: Госграница: специфика госзаказа. Бюджет. 2010. № 1. URL: <http://bujet.ru/article/69210.php> (дата обращения: 29.06.2011).

⁴ См.: Петров В.А. Как повысить результативность бюджетных расходов // Бюджет. 2010. № 4. С. 12—14.

Поступила 07.07.11.

М. М. ГУДОВ,
А. М. ГУДОВ,
О. П. ФЕДОТКИНА

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ И РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

Ключевые слова: коммерческий банк, регион, реальный сектор экономики, инновационное развитие, инвестиции, кредит

Key words: commercial bank, region, real sector of economy, innovative development, investments, credit

Основным признаком инновационной экономики является эффективное функционирование системы финансово-банковских институтов во взаимодействии с реальным сектором экономики для обеспечения его ресурсами. Следовательно, ключевой задачей в условиях инновационного развития экономики становится организация конструктивного взаимодействия реального и банковского секторов экономики. Этот процесс имеет ряд предпосылок, а именно: необходимость структурной перестройки национальной экономики; потребность в создании эффективной системы инвестирования; наличие в экономике значительного объема временно свободных финансовых ресурсов, не используемых в инвестиционном процессе. При этом большое значение имеет обоснование взаимодействия кредитно-банковского сектора и хозяйствующих субъектов экономики, соответствующее специфике рыночных отношений и раскрывающее возможности коммерческих банков как финансовых посредников с реальным сектором экономики, а также направленное на достижение устойчивого экономического роста.

С позиции системного анализа основные функциональные направления взаимодействия банков и реального сектора экономики заключаются в том, что, во-первых, развитая бан-

ГУДОВ Михаил Михайлович, профессор кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

ГУДОВ Андрей Михайлович, аспирант кафедры менеджмента Мордовского государственного университета.

ФЕДОТКИНА Ольга Петровна, доцент кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

ковская система управляет системой платежей. Во-вторых, наряду с другими финансовыми посредниками банковская система трансформирует сбережения в инвестиции. Эффективность осуществления процесса инвестирования средств в значительной степени зависит от способности банковской системы направлять денежные фонды тем заемщикам, которые найдут способы их оптимального использования. В-третьих, банковская система, доминантой в которой является денежно-кредитная политика Центрального банка, регулирует количество денег, находящихся в рыночной экономике¹. Кроме того, банковская система является проводником финансовой политики государства, направленной на регулирование развития экономики и достижение социальных целей.

Особенности и формы взаимодействия банков и реального сектора как субъектов рыночной экономики с точки зрения составляющих ее элементов неизменны: субъектами (объектами) взаимодействия являются хозяйствующие субъекты и кредитно-банковские институты, между которыми происходит обмен денежными средствами. Взаимодействие может варьироваться по отдельным характеристикам элементов. Наличие разных характеристик, влияющих на дифференциацию элементов взаимодействия, сказывается на возникновении особых форм взаимодействия.

Современная трактовка взаимодействия реального и финансового секторов экономики исходит из того, что финансово-банковский сектор является важным элементом рыночной экономики, а информационная природа рыночного финансирования определила институциональную обусловленность этого процесса. В свою очередь развитие кредитно-банковских учреждений не может осуществляться без реального сектора. При этом взаимодействие реального и банковского секторов экономики зависит от того, насколько успешно институциональная система аккумулирует информацию, необходимую для рыночного финансирования.

Решение проблемы противоречия реального сектора между потребностями его развития и имеющимися ресурсами, а также противоречия кредитно-банковского сектора между наличием свободных денежных ресурсов и потребностью их выгодного размещения состоит в активизации взаимодействия участников друг с другом.

Вовлечение банков в процесс финансового обеспечения предприятий реального сектора экономики, а также возможность повышения эффективности взаимодействия бюджетных средств и банковских капиталов базируются на использовании опыта коммерческих банков, потенциале банковских продуктов, разработке новых форм и способов сочетания принципов бюджетного и банковского финансирования, применении современных технологий для создания информационных баз, их обмена и обработки.

Развитие национальной банковской системы России в настоящее время обусловлено сложными и противоречивыми процессами, происходящими в мировой финансовой системе. Во-первых, открытые банковские системы с высоким уровнем присутствия иностранных банков сталкиваются с проблемой сокращения темпов и объемов кредитования. Во-вторых, развитие национальных банковских систем обусловлено процессом консолидации мелких банков с их более крупными конкурентами. В-третьих, кредитные организации сталкиваются с проблемой долгосрочной ликвидности из-за сокращения возможности получения кредита на внешних рынках заемного капитала: процентные ставки по зарубежным заимствованиям выросли, а требования к заемщикам ужесточились. В-четвертых, недостаточная капитальная база региональных коммерческих банков, растущие операционные издержки, неустойчивость пассивов, сопутствующая высоким темпам роста активов, а также аккумуляция рискового потенциала и подверженность риску потери ликвидности ставят перед региональными коммерческими банками задачу поиска портфельных и стратегических инвесторов.

Также проблемными остаются отношения между банковским и реальным сектором экономики регионов: инновационная деятельность субъектов экономики ограничивается источниками финансирования, способными создать условия для эффективных инвестиций. Крупные банки в силу своего размера и институциональной сложности не имеют достаточной гибкости для обслуживания индивидуальных клиентов. Более мелкие банки, изначально созданные как банки развития своего региона, концентрируя средства населения и предприятий для финансирования инвестиционных проектов, имеют свои ниши, обслуживая население, малые и средние предприятия и другие экономические субъекты.

Решение проблемы заключается в развитии региональными банковскими институтами инвестиционной деятельности во взаимосвязи с инновационным развитием реального сектора экономики региона.

Двумя основными финансовыми ограничениями в инвестиционной деятельности региональных банков Республики Мордовия являются несовпадение сроков погашения активов и пассивов, а также низкие темпы накопления капитала. Эти ограничения на рост присутствуют у всех банков РФ. Также причиной, сдерживающей развитие банковского сектора Мордовии, помимо макроэкономических факторов, является неэффективная инвестиционная деятельность банковского сектора, выражающаяся в отсутствии доступа реального сектора экономики к необходимым финансово-кредитным ресурсам. В то же время результаты проведенного SWOT-анализа показали, что коммерческие банки республики имеют потенциальные возможности для активизации инвестиционных и инновационных процессов в регионе.

Преимущества и возможности коммерческих банков Мордовии позволяют не только сделать анализ деятельности кредитных организаций, но и использовать их при разработке основных направлений инновационного развития региона, ориентиров деятельности банковского сектора региона, учитывая сильные стороны и возможности нивелирования слабых сторон и угроз внешней среды.

Направление воздействия может быть положительным и отрицательным в зависимости от специфических условий и параметров финансового климата. Существует ряд индикаторов финансового климата: средняя ставка процента, инфляция, налогообложение, финансовый мультипликатор, потенциал национального финансового рынка и сила национальной валюты. Они оказывают влияние на взаимодействие реальной и финансовой сферы. Благоприятный финансовый климат способствует их эффективной взаимосвязи, позволяет реализовать экономические интересы участников каждого сектора. Неблагоприятный финансовый климат является сдерживающим фактором, что проявляется в распространении и преобладании спекулятивных и краткосрочных тенденций в реальном и финансовом секторах экономики.

К числу основных мероприятий, направленных на создание благоприятного финансово-инвестиционного климата

и преодоление существующих противоречий во взаимодействии банковского и реального секторов экономики, можно отнести следующее:

— одной из стратегических задач кредитных организаций должно стать быстрое освоение методов инновационного банковского менеджмента и финансового инжиниринга, в том числе таких, как проектное финансирование и синдицированное кредитование, лизинг, факторинг, франчайзинг и др. Также важен качественный мониторинг реализации инновационных программ. Прогнозирование и стратегический мониторинг реализации проектов должны подкрепляться разработкой и внедрением механизмов мотивации всех участников процесса;

— взаимодействие посредством участия в капитале позволит снизить транзакционные издержки и достичь оптимального баланса интересов субъектов реальной и финансовой сферы. Анализ отношений собственности, возникающих при кредитовании, показывает, что эффективность ссудной сделки как экономического института достигается за счет спецификации отдельных правомочий между кредитором и заемщиком. Это позволяет и кредитору, и заемщику прийти к единому соглашению по поводу приемлемых условий по срокам, процентной ставке и объемам кредитования. Закрепление отдельных правомочий между инвестором и эмитентом позволяет инвестору принять рациональное решение о вложении свободных денежных средств с учетом риска и доходности, а эмитенту — получить достаточный объем финансовых ресурсов под приемлемый процент. Это достигается за счет диверсификации рисков, гарантии доходности, безопасности участников эмиссионной сделки.

Эффективным путем взаимодействия может стать интеграция банковского и промышленного капиталов, которая позволит банкам повысить качество кредитного портфеля, уменьшить риски и будет стимулировать развитие реального сектора российской экономики, все еще находящегося в крайне инертном состоянии развития;

— повышению эффективности взаимодействия банков и реального сектора экономики в реализации инновационных проектов и программ будет способствовать развитие инвестиционно-финансовой инфраструктуры, включая создание широкой сети специализированных оценочных, страховых

и аудиторских компаний, венчурных фондов, институтов коллективного инвестирования, рейтинговых агентств;

— предоставление банками персонализированных услуг на основе адаптации политики кредитной организации к динамично изменяющимся потребностям клиентов с учетом их финансового потенциала и ряда специфических проблем. Эта форма взаимодействия имеет цель сформировать долгосрочную и устойчивую клиентскую базу, повысить качество информационного обеспечения, обеспечить доступность банковских продуктов, развить инвестиционные и консалтинговые услуги, создать инфраструктуру рынка пластиковых карт;

— упрощение доступа предприятий к различным формам кредитных ресурсов, а именно: развитие вексельного кредитования, дисконтирование, внедрение механизмов финансирования инновационного процесса.

Таким образом, вопросы развития системы взаимодействия кредитно-банковского и реального секторов экономики, выбора ее модели и определения приоритетных направлений развития по-прежнему актуальны. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, внедрение инноваций сдерживается из-за отсутствия оптимального взаимодействия банковского и реального секторов экономики, что выражается в неразвитости финансовых механизмов для перехода на качественно новый инновационный уровень развития. С другой стороны, отсутствует механизм взаимосвязи изменений в финансово-банковской системе и реальном секторе экономики, т. е. роль институциональных и финансовых условий инвестиционного процесса в условиях перехода на этап инновационного развития. В связи с этим необходимы становятся нормализация их взаимоотношений, определение перспективных направлений развития, оценка возможных и необходимых экономических и социальных издержек перехода к новому инновационному этапу развития.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Алленых М.А. Банковская система как институт рыночной экономики // Банковские услуги. 2007. № 8. С. 2—8.

Поступила 18.05.11.

С. П. БУРЛАНКОВ Н. В. КОРЮКОВ

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ РЫНКА СВЕТОТЕХНИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: рынок, светотехническая продукция, производство, компактные люминесцентные лампы, светодиодные лампы, энергосбережение, инвестиционный проект

Key words: market, lighting engineering products, production, compact fluorescent lamps, LED lamps, energy-saving, investment project

В условиях наметившихся изменений в отечественной экономике, связанных с переходом от экспортно-сырьевого к инновационному пути развития, расширением возможностей внешнеэкономической деятельности, проблема исследования тенденций развития отраслевых рынков, и в первую очередь индустриальных, является весьма своевременной и важной.

Светотехника — одна из ведущих отраслей промышленности России, которая в настоящее время демонстрирует высокий научно-технический потенциал в создании новых, в том числе энергосберегающих, источников света, световых приборов, электронных систем управления и регулирования,

БУРЛАНКОВ Степан Петрович, начальник управления послевузовского образования, профессор кафедры технического сервиса машин Мордовского государственного университета, доктор экономических наук.

КОРЮКОВ Николай Владимирович, аспирант кафедры технического сервиса машин Мордовского государственного университета.

систем освещения и современного дизайна. Важное значение для успешного развития светотехники имеет формирование цивилизованного рынка светотехнической продукции.

Рассматривая многообразие определений экономической сущности рынка, следует отметить, что понятие рынка представлено у разных авторов либо как механизм, структура и методы регулирования торговли и система договорных отношений, либо как взаимодействие или обмен, организованный по законам товарного производства и обращения и, наконец, как совокупность социально-экономических отношений, возникающих в процессе производства, обращения и распределения продукции (товаров, работ, услуг)¹.

Под рынком светотехнической продукции, на наш взгляд, следует понимать совокупность социально-экономических отношений между производителями, торгующими организациями и покупателями (конечными потребителями), возникающих по поводу производства, обмена и распределения светотехнических изделий, с использованием товарно-денежной формы.

Светотехническая продукция в основном является товаром массового спроса и применения. Классифицируя светотехническую продукцию по способу, месту и целям применения, можно выделить следующие ее группы: для индустриального / промышленного использования; применения в жилых помещениях и офисах; использования на открытых пространствах, в том числе на улице, а также по специальному (узкоспециализированному) назначению.

Другая классификация предполагает разделение продукции в зависимости от выполняемой функции на следующие группы: светильники и световые устройства, лампы и источники света, пускорегулирующие аппараты (ПРА) и прочая светотехническая арматура.

Внутри каждой группы существует разделение на виды. Так, разделение в группе «Светильники и световые устройства» происходит по назначению (промышленный, бытовой, уличный и др.), а также по виду используемого в этом продукте источника света. Последний подразделяется на обычные и люминесцентные лампы накаливания, галогенные, ртутные, газоразрядные лампы и т. д.²

В Российской Федерации Республика Мордовия (РМ) является одним из крупнейших производителей светотехни-

ческой продукции³. Удельный вес Мордовии в производстве электроламп по стране по итогам I квартала 2011 г. составил 44 %, в производстве осветительных приборов — 17 %.

Следует отметить высокую концентрацию производства светотехнической продукции. С одной стороны, это объясняется специфичностью применяемых технологий и оборудования, с другой — потребностью в большом количестве квалифицированного персонала.

По состоянию на 2010 г. общий объем российского рынка светотехнической продукции, включая импортные товары, составляет примерно 2 млрд долл. в год. Компании, присутствующие на российском рынке энергосберегающей светотехнической продукции, можно разделить на производственные, торговые и инжиниринговые. Производственные компании имеют собственные производственные мощности. У торговых нет собственного производства, они занимаются исключительно продажей комплектующих и готовых изделий. К этой группе игроков можно отнести торговые представительства иностранных компаний, например, Philips. Инжиниринговые компании не продают готовую продукцию, но предлагают услуги по дизайну, монтажу и внедрению систем освещения. Инжиниринговые компании могут иметь простейшие сборочные производства. Так, некоторые российские предприятия производят компактные люминесцентные лампы путем их сборки из импортных комплектующих.

Следует отметить, что отечественная продукция удовлетворяет примерно 50 % общей потребности в светотехнических изделиях (источники света, светильники, источники питания, комплектующие и т. д.). Большую часть российской продукции составляют неэффективные устаревшие изделия (лампы накаливания, люминесцентные лампы первого и второго поколений, электромагнитные пускорегулирующие аппараты (ЭмПРА) и т. д.)⁴.

Одним из важных факторов, определяющих рыночную ситуацию в отрасли, является импорт из Китая большого количества низкокачественных товаров. Китайский импорт преобладает в основном на рынке светотехнической продукции «В2С» (бытового сектора). Привлекательность и относительно низкий уровень насыщения российского рынка обуславливают высокую заинтересованность мировых лидеров в области производства светотехники и развития в России

своего бизнеса. Сегодня активно расширяют свое присутствие на российском рынке крупные светотехнические корпорации, которые представлены в основном компаниями-дистрибьюторами: General Electric, Osram, Philips, JVB, Tridonic. Из них только Osram имеет свои производственные мощности в России. Также следует отметить, что ни одна фирма не обеспечивает на российском рынке весь ассортимент.

Сейчас особенно актуальны вопросы энергосбережения, поскольку Россия имеет высокий уровень энергоёмкости экономики, превышающий в несколько раз аналогичные показатели в развитых странах Европы, США и Японии. Для решения этой проблемы разрабатываются программы энергоэффективности, и на первый план выходят энергосберегающие приборы, оборудование и технологии. Таким образом, вторым фактором, влияющим на формирование и развитие рынка светотехнической продукции, является законодательная база, созданная с учетом Федерального закона от 23 ноября 2009 г. № 261 «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», целью которого является создание правовых, экономических и организационных основ стимулирования энергосбережения и повышения энергетической эффективности.

В соответствии с требованиями этого закона в рамках госпрограммы РФ «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности на период до 2020 года» разработана Республиканская целевая программа «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности в Республике Мордовия» на 2011—2015 годы. В число основных мероприятий, направленных на ее реализацию, входит пилотный проект «Новый свет», предусматривающий замену ламп накаливания на энергосберегающие источники освещения (компактные люминесцентные лампы (КЛЛ) и светодиодные LED-лампы), а также развитие регионального производства в этой сфере.

В течение последних лет в светотехнической отрасли России наметилась тенденция активизации инвестиционной деятельности, в том числе с участием иностранного капитала. Многие предприятия осуществляют инвестиционные проекты по переоснащению действующих производств на выпуск энергосберегающих ламп.

Имеется перечень инвестиционных проектов, планируемых к реализации на электротехнических предприятиях Мордовии в соответствии с Республиканской целевой программой³. В ее рамках планируется реализовать 10 инвестиционных проектов по производству энергоэффективных источников света и осветительных приборов на их основе на 6 предприятиях региона (ГУП РМ «НИИИС им. А. Н. Лодыгина», ГУП РМ «Лисма», ЗАО «Ксенон», ОАО «Орбита», ОАО «Электровыпрямитель», ОАО «Саранский завод точных приборов»). На финансирование этих инвестиционных проектов планируется направить 2 531 772 тыс. руб. (в ценах 2010 г.), из которых 327 760 тыс. руб. — собственные средства предприятий, 2 204 012 тыс. руб. — привлеченные средства.

Первоочередное значение для формирования современного инновационного рынка светотехнической продукции будет иметь интеграция отечественных предприятий в сложившуюся систему мировых производителей светотехники. На мировом рынке более заметной стала роль крупных производителей, обладающих конкурентными преимуществами в разработке новой техники, внедрении новых технологий, активном продвижении и укреплении брендов в создании эффективной дистрибьюторской сети.

В условиях наличия необходимого технологического и кадрового потенциала создание производства энергосберегающей светотехнической продукции в Мордовии является наиболее актуальным. Так, ОАО «Саранский завод точных приборов» уже осуществляет промышленную сборку компактных люминесцентных ламп под торговой маркой «Мастер Света» для торговой фирмы «Световые приборы». «Мастер Света» — российская торговая марка, созданная для обеспечения отечественного покупателя качественной и доступной по цене электротехнической продукцией. Сейчас товары под этой торговой маркой известны потребителям в России и в странах ближнего зарубежья (Украина, Беларусь, Казахстан). Доля энергосберегающих ламп (КЛЛ) ОАО «Саранский завод точных приборов» на российском рынке составляет около 30 %. При этом следует отметить, что в перспективе альтернативы компактным люминесцентным лампам при переходе от ламп накаливания к энергоэффективным осветительным приборам нет.

Компактные люминесцентные лампы производства ведущих зарубежных фирм Osram, Philips, General Electric имеют высокие показатели световой отдачи (70—80 лм/Вт) и срока службы лампы (8—10 тыс. ч) при их значительно меньшей цене по сравнению со светодиодными лампами. Однако структура рынка энергосберегающей светотехники в перспективе зависит в основном от интенсивности развития светодиодных технологий. Их активное развитие даст быстрый рост эффективности светодиодов (на текущем технологическом уровне светодиоды задействуют только около 30 % своих возможностей) и увеличит объемы их производства. Однако светодиоды не смогут полноценно конкурировать с другими видами общего освещения, если не будет заметного снижения цен.

По прогнозам Министерства промышленности и торговли РФ, общий объем ожидаемого производства в пересчете на 100 Вт лампы накаливания к 2015 г. составит ориентировочно по компактным люминесцентным лампам 142 млн шт. в год, светодиодным лампам — 142 млн шт. в год, прочим — 53 млн шт. в год (натриевые, металлогалогенные и натриевые лампы высокого давления). Предварительная оценочная стоимость у производителя люминесцентной лампы составит от 50 до 80 руб. за 1 шт., светодиодной — 150 руб., бытового светодиодного светильника — 1 500—3 000 руб.⁶

Среди важных особенностей современного светотехнического рынка России можно назвать активную реализацию программы энергосбережения на федеральном и региональном уровне и, как следствие, повышающийся спрос на энергосберегающую продукцию; повышение уровня конкуренции между продукцией, произведенной в России и за рубежом; восприимчивость российского светотехнического рынка к основным тенденциям развития европейского рынка; постепенное изменение покупательских предпочтений от более дешевого продукта к более дорогому, но более качественному, с высоким КПД, экономичному в обслуживании и обладающему высокими эстетическими характеристиками; высокий уровень таможенных пошлин на ввозимую светотехническую продукцию, сырье и материалы для производства; трудности обеспечения эффективной логистики из-за большой территории страны и недостаточной развитости транспортной инфраструктуры.

Оценивая перспективы развития отечественного рынка светотехнической продукции, необходимо признать, что, несмотря на усиление конкуренции и влияния внешних факторов, российские компании имеют широкие возможности. Так, несомненным конкурентным преимуществом является низкая стоимость транспортных перевозок сравнительно недорогой крупногабаритной продукции. Кроме того, существует возможность дальнейшего развития этого рынка, которая пока мало используется. Речь идет о расширении услуг, оказываемых потребителю. Осветительная техника переходит на новый уровень, становится более сложной. Поэтому помощь в выборе осветительных средств, проектировании современных систем освещения, создании оптимальной световой среды, полезной для здоровья человека, в световом дизайне, соблюдении принципов энергосбережения приобретает все большее значение для потребителя. Комплексный подход ко всей системе освещения будет во многом определять место фирм, работающих на светотехническом рынке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика: в 2 т. М.: Республика, 1992. Т. 1. С. 61; Валикоев В.З. Общая экономическая теория. М.: Изд-во ОМЕГА-Л; Новосибирск: Сиб. соглашение, 2006. С. 224; Армстронг Г., Вонг В., Котлер Ф., Сондерс Дж. Основы маркетинга. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2007. С. 48.

² См.: Голембиовский С.А. Российский рынок светотехнической товарной продукции бытового и офисного назначения. Взгляд изнутри // Светотехника. 1997. № 4. С. 39—43.

³ См.: Сайт Единого архива экономических и социологических данных. URL: <http://sophist.hse.ru> (дата обращения: 20.05.2011).

⁴ См.: Циссис Ж., Айзенберг Ю.Б., Шевченко А.С. Формирование светотехнического рынка России для повышения эффективности освещения // Светотехника. 2009. № 6. С. 43.

⁵ См.: Республиканская целевая программа «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности в Республике Мордовия» на 2011—2015 годы (утверждена Постановлением Правительства РМ от 26 июля 2010 г. № 305).

⁶ См.: Круглый стол «Пути повышения энергоэффективности российской экономики» в Совете Федерации Российской Федерации. URL: <http://www.minpromtorg.gov.ru/ministry/plans/gov/4> (дата обращения: 25.05.2011).

В. Б. СОКОЛОВ

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ
СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫМИ
РЕСУРСАМИ РЕГИОНА**

Ключевые слова: «Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации», стратегическое управление продовольственными ресурсами, агропромышленный комплекс, продовольственная безопасность, «Агро-300»

Key words: «Doctrine of Food Supply Security of the Russian Federation», food resources strategic management, agri-industrial complex, food security, «Agro-300»

Радикальная перестройка системы управления экономикой, формирование рыночных отношений, непродуманная реорганизация сельскохозяйственных предприятий поставили аграрный сектор регионов страны в тяжелое экономическое положение. Потеря управляемости народным хозяйством особенно негативно сказалась на агропромышленном комплексе как наиболее сложной системе, функционирование которой происходит под влиянием закономерностей экономического, социального и биологического характера. В значительной степени такое положение связано с отсутствием или недостаточным обоснованием стратегии развития, несоответствием управляющей и управляемой подсистем.

Экономический кризис предприятий АПК обусловлен макроэкономической ситуацией и комплексом факторов, связанных с неприспособленностью производственно-финансовой деятельности большинства хозяйствующих субъектов к рыночным отношениям. Несовершенство механизма экономических связей партнеров по АПК, низкий технологический уровень производства и переработки продукции, ее

СОКОЛОВ Владислав Борисович, аспирант кафедры информационных систем в экономике и управлении Мордовского государственного университета.

неконкурентоспособность, недостаточное количество готовых продуктов питания в структуре товарной продукции и ряд других негативных обстоятельств и тенденций привели к снижению уровня продовольственной независимости страны.

В последние годы проблемам стабилизации и восстановления экономического роста в аграрном секторе, обеспечению продовольственной безопасности страны уделяется большое внимание. Так, 30 января 2010 г. Указом Президента РФ № 120 была утверждена «Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации», которая представляет собой совокупность официальных взглядов на цели, задачи, основные направления государственной политики по обеспечению продовольственной безопасности страны. В ней развиваются положения Государственной стратегии экономической безопасности РФ, одобренной Указом Президента РФ от 29 апреля 1996 г. № 608, а также Концепции национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 17 декабря 1994 № 1300 (в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24); учтены положения Морской доктрины РФ на период до 2020 г., утвержденной Президентом РФ 27 июля 2001 г. Доктрина является основой для разработки нормативных правовых актов в сфере обеспечения продовольственной безопасности РФ, развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов.

Продовольственная безопасность — составная часть национальной безопасности страны и сохранения ее государственности и суверенитета; важнейшая составляющая демографической политики и системы жизнеобеспечения; необходимое условие для обеспечения здоровья, физической активности, долголетия и высокого качества жизни населения страны. Стратегической целью продовольственной безопасности РФ является обеспечение населения страны безопасной и качественной сельскохозяйственной и рыбной продукцией, сырьем и продовольствием. Гарантией ее достижения служат стабильность внутреннего производства, наличие необходимых резервов и запасов.

Основными задачами обеспечения продовольственной безопасности РФ вне зависимости от изменений внешних и внутренних условий являются достижение и поддержание физической и экономической доступности для каждого гражданина страны безопасных и качественных пищевых

продуктов в объемах и ассортименте в соответствии с установленными рациональными нормами потребления, необходимыми для активного и здорового образа жизни; устойчивое развитие отечественного производства основных видов продовольствия, достаточное для обеспечения продовольственной независимости страны; обеспечение безопасности и качества потребляемых пищевых продуктов; предотвращение внутренних и внешних угроз продовольственной безопасности, минимизация их негативных последствий за счет постоянной готовности системы обеспечения граждан пищевыми продуктами при стихийных бедствиях и других чрезвычайных ситуациях и формирования стратегических запасов качественных и безопасных пищевых продуктов¹.

В связи с вышеизложенным мы считаем, что необходима разработка эффективной системы продовольственного обеспечения, в частности, системы стратегического управления продовольственными ресурсами, региональной продовольственной стратегии. В системе формирования и использования продовольственных ресурсов особое место занимают вопросы продовольственной безопасности. Продовольственную безопасность страны характеризует ряд стратегических показателей: уровень и качество питания населения, физическая и экономическая доступность продовольствия, уровень производственного потенциала системы продовольственного обеспечения, независимость продовольственного обеспечения региона от импорта, устойчивость системы продовольственного обеспечения региона, размеры оперативных и стратегических продовольственных ресурсов.

В формировании основных продовольственных ресурсов Республики Мордовия доминирует собственное производство. Сельскохозяйственное производство выступает главным производителем продуктов питания в регионе. Общие ресурсы зерна в республике в 2009 г. увеличились по сравнению с 2008 г. на 24,6 % и составили 2 254,5 тыс. т.²

В 2009 г. по сравнению с 2008 г. при увеличении расхода зерна на семена снизилась доля расхода зерна на переработку на 6,6 %, доля вывоза и потерь в структуре использования зерновых ресурсов увеличилась на 5,9 % и снизилась на 1,7 % соответственно. Общие ресурсы продуктов животноводства в 2009 г. по сравнению с 2008 г. изменились в большую сторону: по яйцам — на 16,9 %, молоку — на 3,3 %, мясу — на 0,6 %.

Ресурсы продуктов животноводства в 2009 г. и их использование характеризуются данными, приведенными в таблице.

Таблица
Ресурсы продуктов животноводства и их использование в 2009 г., тыс. т

Показатель	Мясо и мясoproductы		Молоко и молочные продукты		Яйца, млн шт.	
	всего	в % к ресурсам	всего	в % к ресурсам	всего	в % к ресурсам
Ресурсы	110,1	100,0	476,3	100,0	952,7	100,0
В том числе:						
— запасы на начало года	6,4	5,8	21,4	4,5	10	1
— текущее поступление	103,7	94,2	454,9	95,5	942,7	99,0
В том числе за счет:						
— производства	75,4	68,5	440,4	92,5	942,2	99
— ввоза	28,3	25,7	14,5	3,0	0,5	0,0
Использовано на:						
— личное потребление	56,4	51,3	241,6	50,8	244,6	25,8
— производственное потребление	0,1	0,0	48,5	10,2	74,7	7,8
Вывоз	45,3	41,1	171,6	36,0	616,7	64,7
Потери	0,0	0,0	0,1	0,0	1,0	0,1
Запасы на конец года	8,3	7,5	14,5	3,0	15,7	1,6

Посевные площади сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий республики в 2009 г. составили 749,0 тыс. га, что составляет 76,1 % от размера посевных площадей 1995 г. По сравнению с 2008 г. они увеличились на 32,1 тыс. га, или на 4,5 %. Валовой сбор зерна (в весе после доработки) в республике 2009 г. составил 1 308,4 тыс. т, что на 12,0 % больше, чем в 2008 г. Увеличение урожая в 2009 г. связано с благоприятными погодными условиями и повышением урожайности на 0,8 %. Производство сахарной свеклы (одной из основных технических культур) также увеличилось на 14,6 %, картофеля и овощей — на 11,8 и 3,4 % соответственно. Их урожайность составила 384,5, 141,4 и 130,0 ц/га соответственно.

Основными производителями зерна и технических культур остаются сельскохозяйственные предприятия. Их доля в производстве зерна и сахарной свеклы (фабричной) в 2009 г. составила 89,2 и 98,4 % соответственно. Производство

картофеля сосредоточено в основном в хозяйствах населения, на долю которых в 2009 г. пришлось 92,7 % общего объема производства этой культуры (в 2008 г. — 95,1 %). Наибольшая часть овощей (73,2 %) была также произведена населением (в 2008 г. — 72,3 %).

Поголовье крупного рогатого скота (КРС) в хозяйствах всех категорий на 1 января 2010 г. составило 295,4 тыс. голов, в том числе коров — 102,0 тыс. голов. Свиной было 294,2 тыс. голов, овец и коз — 41,1 тыс. голов. По сравнению с 2008 г. поголовье КРС увеличилось на 0,2 %. Поголовье коров сократилось на 0,7 %, а свиной, овец и коз увеличилось на 7,2 и 4,6 % соответственно. По сравнению с 1995 г. сокращение поголовья КРС составило 36,2 %, овец и коз — 70,0 %. Поголовье свиной увеличилось на 50,2 %. В хозяйствах населения в 2009 г. по сравнению с 2008 г. отмечалось снижение численности КРС на 0,3 %, в том числе коров — на 3,8 %. Поголовье свиной и овец увеличилось на 1,9 и 5,5 % соответственно.

В 2009 г. падеж КРС, свиной, овец и коз в сельскохозяйственных организациях составил 2,3, 10,0, 5,9 % соответственно к обороту стада (в 2008 г. падеж КРС составил 2,7 %, свиной — 10,8 %, овец — 4,7 %). Приплод поросят в сельскохозяйственных организациях (в расчете на 100 голов маточного поголовья) увеличился по сравнению с 2008 г. на 19,2 % и составил 2 345 поросят, телят — на 3,9 % (80 голов). Приплод ягнят снизился на 11,6 % и составил 76 голов. В 2009 г. производство молока увеличилось на 2,1 % по сравнению с уровнем 2008 г., скота и птицы — на 5,9 %, яиц — на 17,5 %.

Важным условием стабилизации продовольственного рынка и улучшения обеспечения населения продуктами питания является преимущественное развитие свиноводства и птицеводства. В структуре производства мяса в 2009 г. по сравнению с 2005 г. произошло увеличение удельного веса свиной и мяса птицы на 5,7 и 5,8 % соответственно. В хозяйствах населения в 2009 г. производство свинины составляло 47,5 % производимых объемов, в сельскохозяйственных предприятиях — 51,5 %, в КФХ — 1,0 %. В сельскохозяйственных организациях в 2009 г. увеличилось производство мяса (скот и птица на убой), молока и яиц на 15,8, 8,4 и 20,8 % соответственно. На долю сельскохозяйственных предприятий

в общем объеме производства продукции животноводства в 2009 г. приходилось 63,3 % мяса, 58,5 % молока, 87,7 % яиц. Надои молока на 1 корову в сельскохозяйственных предприятиях увеличились на 9,9 % по сравнению с 2008 г., составив 4 260 кг. Яйценоскость кур-несушек осталась на уровне 2008 г. и составила 311 яиц в год.

В системе стратегического управления формирования и использования продовольственных ресурсов региона важное значение имеет конкурентоспособность сельскохозяйственных предприятий. Вопросы повышения конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции становятся актуальными в связи с развитием процесса вступления России во Всемирную торговую организацию (ВТО). При этом необходимо исходить из того, что России предстоит восстанавливать объем агропромышленного производства, форсировать его развитие для преодоления многолетнего отставания материально-технической базы АПК от других стран. В связи с этим уровень государственной поддержки АПК должен быть не ниже, чем в странах, находящихся с Россией в идентичных природных условиях, что также необходимо учитывать при осуществлении стратегического управления.

Ориентация в стратегическом развитии рыночной экономики на упрощенные монетаристские модели в течение последних десяти лет не только не сформировала на макроуровне необходимые предпосылки для преодоления затянувшегося кризиса реального сектора экономики, но и ограничила возможности экономического роста и развития основного первичного хозяйствующего звена — предприятия. На уровне предприятий накопилось множество проблем, препятствующих их эффективной работе в рыночных условиях: неэффективность системы управления предприятием, обусловленная отсутствием стратегии в деятельности предприятия и ориентацией на краткосрочные результаты в ущерб долгосрочным; недостаточное знание конъюнктуры рынка; низкий уровень квалификации руководителей и специалистов, снижение трудовой мотивации работников, падение престижа рабочих профессий; низкий уровень ответственности руководителей перед учредителями за последствия принимаемых решений, сохранность и эффективное использование имущества, а также финансово-хозяйственные результаты деятельности предприятий (несмотря на наличие в законо-

дательных актах ряда положений, позволяющих акционерам контролировать деятельность исполнительных органов, действенный механизм разграничения функций, полномочий и ответственности между учредителями и управляющими еще не отлажен; неэффективность финансового менеджмента и управления издержками производства); высокие расходы предприятий на содержание объектов социально-культурного назначения и жилищно-коммунального хозяйства.

Сельскохозяйственным предприятиям, как и другим коммерческим организациям России, все сложнее становится осуществлять стратегическую деятельность в связи с постоянной конкурентной борьбой. Активно развивающаяся жесткая конкуренция заставляет руководителей предприятий концентрировать внимание на сложнейших и практически незнакомых аспектах осуществления стратегического управления. В этих условиях исключительно важным становится управление, которое обеспечило бы надежную адаптацию предприятия к быстро меняющейся окружающей среде. Опыт стратегического управления в аграрных предприятиях весьма беден и очень мало освещен в печати. Однако он есть. И в тех предприятиях, где стратегическому управлению уделяли в начале периода радикальных экономических реформ должное внимание, наблюдаются определенные успехи в производстве. Всероссийский институт аграрных проблем и информатики РАСХН и РосАгроФонд определяли рейтинги коллективных сельскохозяйственных организаций России. Они выявили 300 наиболее крупных и эффективных хозяйств, которые позже объединились в клуб «Агро-300»³.

Авторы рейтингов уверены, что сельское хозяйство России, несмотря на трудности развития и неравные с другими отраслями экономики условия получения рыночных доходов, является эффективной, выгодной сферой приложения капитала и при разумном квалифицированном подходе к организации бизнеса может приносить немалую прибыль.

Всего составляет одиннадцать рейтингов: десять отраслевых (по сто лучших производителей той или иной продукции — зерна, подсолнечника, сахарной свеклы, картофеля, овощей открытого грунта, молока, говядины, свинины, яиц и мяса птицы) и один — главный, общеэкономический, в который входят 300 лучших хозяйств России без учета специализации, так называемый «клуб „Агро-300“». В обще-

экономическом и десяти отраслевых клубах (без повторного счета) состоят 839 сельскохозяйственных организаций. Они находятся в 64 субъектах РФ. Наибольшее количество хозяйств в рейтингах из Краснодарского (83) и Ставропольского краев (51), а также Ростовской (53), Московской (48), Белгородской (38), Ленинградской (36) и Волгоградской (30) областей. Более 20 хозяйств в рейтинги включено из Новосибирской и Воронежской областей, Республики Татарстан.

Главные факторы успеха членов клуба — стратегическая ориентация руководителя, высокая предпринимательская активность руководителя и специалистов, соблюдение трудовой и технологической дисциплины, интеграция производства, переработки и реализации продукции, что позволило приспособиться к рынку, сохранить трудовые коллективы.

Стратегическое поведение организаций в условиях кризиса возможно признать адаптивным, так как все группы мер сводятся к поддержанию в стабильном состоянии параметров эффективности функционирования (отдачи ресурсов), что достигалось сокращением объемов ресурсов и поиском мер по повышению эффективности их использования. Для того чтобы выжить в конкурентной среде, предприятию следует обладать определенными навыками, которые дадут ему возможность обойти конкурентов, получить преимущество по сравнению с ними и при продолжительной работе достичь лучших результатов, чем они. В связи с этим во время резких изменений в экономике и политике выживание и успех предприятий больше, чем когда-либо, зависят от адекватности и своевременности принимаемых решений. В первую очередь это относится к стратегическому управлению, которое требует особого внимания руководства как на стадии анализа и принятия решения, так и на стадии его реализации и контроля.

При подготовке стратегии заранее допускается возможность ее корректировки. Плановый процесс осуществляется снизу вверх, в результате чего удается добиться проявления предпринимательского стиля поведения персонала. На первом месте находится практический эксперимент, испытание нового. Перед управляющими ставится задача активного поиска новых коммерческих и технических возможностей, формирования среды, а не приспособления к ней. Стратегическое управление становится искусством:

в условиях неопределенности менеджеры восполняют недостаток информации для принятия стратегических решений логическими предположениями и интуитивными суждениями. Целеполагание в рамках нового подхода приобретает форму «видения», планирование отодвигается на второй план. «Видение» выступает инструментом объединения интересов различных подразделений и уровней управления. Сокращается формальная плановая работа на верхних уровнях управления, что позволяет уменьшить документооборот предприятия, сократить объем методических рекомендаций по стратегическому планированию, сконцентрировать полномочия по разработке планов на уровне операционных подразделений и совместить функции подготовки и управления реализацией планов.

Возможность использования структурных форм организации системы стратегического управления на предприятиях России определяется организационными структурами и ресурсными особенностями отечественных предприятий. Функциональное построение российских организаций обуславливает более высокую эффективность использования централизованной модели и модели стратегических хозяйственных центров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Указ Президента РФ «Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации» (утвержден 30 января 2010 г. № 120).

² См. здесь и далее: Продовольственный рынок Республики Мордовия. 2010: стат. сб. / Мордовиястат. Саранск, 2010. 68 с.

³ См.: Рейтинги наиболее крупных и эффективных производителей сельскохозяйственной продукции в России. М.: РосАгроФонд, 2008. 44 с.

Поступила 15.06.11.

А. Р. БОГДАНОВ

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПТИЦЕВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Ключевые слова: птицеводство, мясное производство, яичное производство, отрасль, хозяйство, переработка, животноводство, АПК, федеральный округ

Key words: poultry production, meat production, eggs production, branch, farm, processing, cattle breeding, agri-industrial complex, federal district

Успешная реализация программ социально-экономического развития страны в значительной степени зависит от повышения эффективности агропромышленного производства как важнейшего направления всей экономической стратегии государства, а производство конечных продуктов агропромышленного комплекса — от развития продуктовых подкомплексов. Относительная целостность производственно-экономической системы, функционирующей на основе взаимосвязи звеньев по производству, переработке и реализации яиц, мяса птицы и продуктов их переработки, позволяет в качестве структурного элемента АПК выделить птицепродуктовый подкомплекс. Региональный птицепродуктовый подкомплекс представляет собой сложное интегрированное формирование, призванное обеспечить население жизненно важными продуктами питания, а перерабатывающие отрасли — сырьем.

Современное отечественное птицеводство характеризуется высокой степенью концентрации поголовья, максимальной механизацией и автоматизацией производственных процессов. Однако увеличение количества специализированных предприятий продолжается, а вместе с ним растет и поголовье птицы. Сейчас уже не являются редкостью фабрики с мил-

БОГДАНОВ Анвар Равильевич, аспирант Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

лионным и большим числом кур-несушек или количеством птицемест для выращивания бройлеров.

Прирост производства мяса птицы в хозяйствах всех категорий в РФ в 2009 г. увеличился в 2,85 раза по сравнению с 2001 г., или на 1 669,4 тыс. т. Наибольший прирост за 2001—2009 гг. можно наблюдать в Центральном (в 4,31 раза, или на 722,6 тыс. т) и Дальневосточном (в 4,36 раза, или на 33,9 тыс. т) федеральных округах. Наименьший прирост наблюдался в Приволжском (2,16 раза, или на 231,1 тыс. т) и Южном (в 2,41 раза, или на 248,5 тыс. т) федеральных округах. Прирост мяса птицы в сельхозпредприятиях России полностью достигнут за счет производства мяса бройлеров, на долю которого в структуре мяса птицы приходится 87 %, 11 % технологического мяса кур и 2 % мяса водоплавающей птицы и индеек. Приволжский федеральный округ (ПФО) по производству мяса птицы занимает второе место. За 2001—2009 гг. оно увеличилось в 2,16 раза, или на 231,1 тыс. т.¹

Производство яиц в 2009 г. во всех субъектах ПФО было сравнительно больше, чем в 2001 г. Наибольший рост наблюдается в Пензенской (в 4,38 раза), Нижегородской (2,93 раза), Оренбургской (в 2,85 раза) областях; республиках Татарстан (в 2,53 раза) и Мордовия (в 2,48 раза). В 2009 г. Мордовия по производству мяса птицы занимала восьмое место. Главными лидерами ПФО по этому показателю являются Республика Татарстан (96,3 тыс. т), Пензенская область (52,1 тыс. т) и Республика Башкортостан (44,4 тыс. т).

В яичном птицеводстве основной мировой тенденцией развития стала индустриализация отрасли, включающая несколько направлений: масштаб производства, использование закрытых помещений с регулируемым микроклиматом, автоматизация технологических процессов. Это вызвало необходимость кардинальной модернизации комбикормовой и перерабатывающей промышленности и создания в птицеводстве вертикальной интеграции. Сейчас в мире производится 74 % продукции птицеводства с применением индустриальных систем (в свиноводстве — 50 %, в получении говядины — 43 %). Получение яиц является одним из самых технологичных процессов в животноводстве с детерминированными производственными результатами и оптимизированными для их максимального достижения параметрами производственного процесса, что снижает себестоимость продукции,

увеличивает рентабельность и объем получаемой прибыли, ускоряет окупаемость инвестиционных затрат.

Производство яиц в сельскохозяйственных организациях имеет постоянный прирост. Так, в 2008 г. в России было произведено на 13 % яиц больше, чем в 2001 г. Однако следует отметить, что уровень 1990 г. пока не достигнут и составляет 76 %. Наибольшего успеха в 2008 г. достигли предприятия Дальневосточного федерального округа (ДФО) (рост в 2008 г. по сравнению с 2001 г. составил около 50 %). Однако если сравнивать показатели округа с данными 1990 г., то можно увидеть, что объем произведенных в 2008 г. яиц составляет всего 40 %. Наименьший прирост в 2008 г. по отношению к 2001 г. наблюдается в Центральном федеральном округе (ЦФО) — менее 1 %. Относительно 1990 г. этот показатель составляет 62 %. Близки к показателям начала 90-х гг. XX в. Приволжский и Уральский федеральные округа — 93 и 96 % соответственно².

Значительного прогресса в приросте этого вида продукции в 2009 г. достигли птицеводческие предприятия ПФО (20 % прироста) и ДФО (37 %). При этом наибольшие объемы производства по итогам анализируемого периода выявлены также в ПФО (10 345,8 млн т) и ЦФО (8 232,5 млн т).

Производство яиц в 2009 г. практически во всех субъектах ПФО было сравнительно больше по сравнению с 2001 г. Наибольший рост наблюдался в Республике Мордовия (в 2,6 раза), Оренбургской области (в 1,75 раза), Республике Удмуртия (в 1,6 раза). По производству яиц лидирующие позиции в ПФО занимают Нижегородская область (1 362,8 млн шт.), Республика Башкортостан (1 289,7 млн шт.) и Оренбургская область (1 071,9 млн шт.).

Экономическая ситуация на сырьевом и продовольственных рынках страны, меры Правительства РФ по поддержке отечественного производителя (инвестиционная и таможенно-тарифная политика) позволяют надеяться, что прирост производства мяса птицы в 2011 г. составит 300—320 т, яиц — более 2 млрд. шт. Основная прибавка мяса птицы ожидается в Белгородской, Новгородской, Ростовской, Воронежской, Челябинской, Ульяновской областях; Краснодарском, Ставропольском, Алтайском краях; республиках Татарстан, Марий Эл, Мордовия и др. Больше яиц планируют получить в Ленинградской, Ярославской, Воронежской,

Ростовской, Новосибирской, Рязанской, Волгоградской областях; в республиках Татарстан, Мордовия; Пермском крае. Однако за последние 2—3 года из-за наращивания объемов производства мяса птицы часть яичных предприятий перепрофилировались на мясное направление. Именно поэтому прекращено или значительно сокращено производство пищевых яиц в Курской, Орловской, Тверской, Псковской, Кемеровской областях, а также в Красноярском крае.

Явных конкурентных преимуществ у российского птицеводства не так много. Относительно дешевые энергоносители (например, природный газ, который в большинстве случаев используется для обогрева птицы), невысокая заработная плата персонала, емкий рынок продукции птицеводства — факторы, дающие некоторое преимущество российским птицеводам. К факторам, которые могут помешать выполнению основных показателей, можно отнести дестабилизацию рынка мяса птицы и существенное снижение цен производителей на эту продукцию. В 2009 г. эти негативные процессы происходили из-за неравномерности импортных поставок аналогичной продукции, снижения доходов населения, увеличения в октябре — декабре этого года поставок мяса птицы и свинины от населения и фермерских хозяйств. Цена производителей на яйца, наращивание объемов производства которых необходимо в настоящее время, не достигла уровня 2008 г. Из-за невысокой покупательной способности населения остается стабильной ситуация по поставке яйцепродуктов из-за рубежа.

Анализ ситуации показывает, что для продолжения устойчивых положительных трендов в развитии товарного производства, дальнейшего повышения конкурентоспособности продукции необходимо создание собственной племенной базы³. Ее основой должны стать селекционно-генетические центры. Только завершив этот этап структурной модернизации и построив развитую систему полного цикла, отечественное производство сможет стать независимым и конкурентоспособным на внутреннем и внешних рынках. Отсутствие собственной высокопродуктивной племенной базы вынуждает предприятия постоянно приобретать зарубежный племенной материал и при этом попадать в технологическую и генетическую зависимость.

К недостаткам отрасли птицеводства можно отнести и проблемы с мотивацией персонала, низкий уровень управленческого мышления, медленное внедрение инноваций. Кроме того, в России невозможно повсеместно кормить птицу полнорационными кормами, оборудование изношено примерно в 45 % хозяйств. Экономическое благополучие птицеводческих предприятий во многом зависит от своевременной диагностики и проведения профилактики инфекционных заболеваний. Наиболее опасными считаются ньюкаслская болезнь и грипп птиц, так как они имеют высокую контагиозность и наносят значительный экономический ущерб.

Одним из ключевых факторов, определивших развитие отрасли в последние годы, стало применение эффективных мер таможенно-тарифного регулирования. Это позволило привлечь долгосрочные инвестиции в мясное животноводство и в значительной степени повлияло на технологическую модернизацию отрасли. В течение последних лет происходило замещение ввозимой импортной продукции отечественным производством. Так, доля импорта мяса птицы в объеме потребления за 10 лет сократилась с 61,0 до 28,0 %, а по мясу в целом — с 36,5 до 31,0 %. В дальнейшем уровень тарифной защиты должен быть достаточным для поддержания финансовой устойчивости производителей и обеспечивать рентабельное производство мяса с экономической обоснованной себестоимостью.

Одним из главных препятствий для развития отрасли является дефицит квалифицированных кадров на всех этапах обучения, производства и управления. Крупным агрохолдингам приходится привлекать зарубежных управленцев и консультантов, а используемые технологии в основном приобретаются за границей. Выпускники сельскохозяйственных высших и средних учебных заведений зачастую не обладают достаточным набором современных знаний и практических навыков. Между тем требований к подготовке фермеров, рядовых работников и руководителей предприятий, аграрных экономистов, финансистов, инженеров, генетиков, селекционеров, специалистов IT-технологий, без которых невозможно конкурентоспособное производство, в мире и в России становится все больше.

Таким образом, развитие производства мяса птицы и яиц должно осуществляться с учетом прогнозируемой структуры

потребления различных видов мяса в России и за рубежом, с учетом условий социально-экономического развития и реальных доходов населения. Анализ себестоимости и уровень издержек производства в отрасли подтверждают возможность для многих предприятий их минимизировать. Для этого необходимо повысить качество продукции и выстраивать ассортиментную линейку выпускаемой продукции, учитывая экономический и потребительский спрос населения.

Формирование рыночных механизмов регулирования рынка птицеводческой продукции оказалось сложным и продолжительным процессом. Сегодня в птицеводстве рыночные инструменты управления хозяйственной деятельности используются недостаточно эффективно, хотя именно здесь мы видим основной источник повышения конкурентоспособности для птицеводческих предприятий. В первую очередь это формирование эффективной логистической системы рынка птицеводческой продукции, соответствующей принципам рыночной экономики. По мнению многих ученых, в ближайшем будущем конкурировать между собой будут не отдельные предприятия, а логистические цепи, позволяющие обеспечивать намеченный уровень обслуживания потребителей при минимальных общих издержках.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Центральная база статистических данных // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi> (дата обращения: 06.06.2011).

² См.: Бобылев Г.А. Российское птицеводство: анализ, тенденции, прогнозы // Птица и птицепродукты. 2010. № 3. С. 12—16.

³ Там же.

Поступила 20.09.11.

С. Б. СКВОРЦОВ

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ВЫПУСКАЕМОЙ ПРОДУКЦИИ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: качество, менеджмент качества, расходы, затраты, стандарт, ИСО 9000, потребитель, конкуренция

Key words: quality, quality management, expenditures, expenses, standard, ISO 9000, consumer, competition

Проблема качества продукции носит универсальный характер. Рыночная экономика предъявляет принципиальные требования к качеству выпускаемой продукции, которое стало основным рычагом экономического развития организаций и государства в целом. Во многих странах достижение высокого качества продукции, отвечающей требованиям потребителя, является основным элементом экономической стратегии и важным фактором рыночного и финансового успеха.

Происходящий в России переход к рынку заставляет по-новому взглянуть на проблему качества и конкурентоспособности продукции. Если не сегодня, то завтра развитой конкурентный рынок будет диктовать уровень и динамику развития качества продукции. В связи с этим перед производителями продукции возникают задачи планирования и управления качеством, учета затрат, выбора более экономичного варианта достижения его определенного уровня и наилучшего способа организации процесса обеспечения качества¹.

Обеспечение устойчивого развития экономики Республики Мордовия и интегрирования ее в общегосударственную и мировую экономику за счет повышения конкурентоспособности продукции, выпускаемой предприятиями республики, являются ключевыми задачами в реализации интересов

СКВОРЦОВ Сергей Борисович, аспирант кафедры технического сервиса машин Мордовского государственного университета.

Мордовии. В связи с этим основное внимание должно быть сосредоточено на повышении качества продукции, интенсификации процессов импортозамещения, наращивании производственного потенциала предприятий за счет внедрения прогрессивных технологий и выпуска новых видов высококачественной продукции для расширения ее доли на внутреннем и международном рынках.

Наличие на предприятиях системы менеджмента качества, построенной на базе международных стандартов, позволяет предприятиям устранить непроизводственные потери, стать конкурентоспособными на внутреннем и внешнем рынках. Ни одна организация не может принять участие в международном тендере без подтверждения наличия у нее системы менеджмента качества, соответствующей требованиям международных стандартов ИСО 9000. Заказчики требуют от предприятий-изготовителей гарантии стабильного обеспечения качества и безопасности продукции².

В связи с этим принято Постановление Правительства РФ «О некоторых мерах, направленных на совершенствование систем обеспечения качества продукции и услуг» от 2 февраля 1998 г. № 113 с поправками от 2 августа 2005 г. № 486, которое устанавливает в качестве важнейшей задачи федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ осуществление всемерной поддержки предприятий, внедряющих системы управления качеством на основе государственных стандартов серии ГОСТ Р ИСО 9000.

В Мордовии разработана и утверждена Постановлением Правительства РМ от 14 августа 2006 г. № 361 (ред. от 17 марта 2008 г.) Концепция политики Республики Мордовия в области качества и конкурентоспособности продукции и услуг. Основной ее целью является достижение устойчивого экономического роста на основе прогрессивных структурных преобразований, повышения конкурентоспособности продукции (услуг) предприятий и организаций республики, направленных на повышение качества жизни населения. Таким образом, в комплексе мер, принимаемых Правительством РМ по выходу экономики республики на передовые позиции, основная ставка сделана на повышение качества выпускаемой продукции за счет внедрения эффективных систем менеджмента качества.

Сложившиеся экономические условия обострили кризис управления производством, а формирование новой конкурентной среды заставило руководителей промышленных предприятий обратить внимание на качество и эффективность производимых товаров. Системный подход к менеджменту качества является главным достижением в области повышения качества. Качество продукции всегда имело большое значение, а в настоящее время оно становится решающим фактором, определяющим желание потребителя приобрести продукцию. В связи с этим необходимо рассмотреть тенденции, оказывающие влияние на требования к качеству продукции³.

Первая тенденция — повышение требований к качеству продукции со стороны потребителя — возникла в условиях коренного изменения рынка, на котором в настоящее время господствует не конкуренция цен, а не менее ожесточенная конкуренция уровней качества продукции. Рынок наполнен продукцией в широком ассортименте, а недостаток товаров больше не вызывает необходимости закупки продукции, уровень качества которой является лишь удовлетворительным. В области тяжелого и сложного оборудования на размещение заказов влияют не планы, а возможности обеспечить высокое качество продукции.

Вторая тенденция — изменения технической основы проектирования новых видов продукции — оказала огромное влияние на требования к качеству, предъявляемые предприятием. До последнего времени во многих отраслях хозяйственной деятельности была зависимость от так называемой «последовательности выполнения работы при проектировании и изготовлении нового технологического оборудования и новой продукции». В соответствии с этим порядком сначала надо было затратить время на проведение научно-исследовательских и проектно-конструкторских работ для создания концепции нового оборудования или новой продукции, а затем и на изготовление опытных образцов и тщательное проведение испытаний для обеспечения выполнения всех предъявляемых требований. При таком подходе можно было относительно легко определить проблему качества продукции, так как переход от одного этапа к другому зависел от соответствия эксплуатационных свойств предъявляемым требованиям. В настоящее время в связи с быстро проис-

ходящими изменениями на рынке в большинстве программ проектно-конструкторских работ не тратится время на выполнение работ по такой последовательной системе. Вместо нее все чаще наблюдается параллельное выполнение работ, началом которого являются научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, продолжающиеся и в период изготовления, и в период испытаний опытных образцов. Такая параллельность выдвигает совершенно иной комплекс эксплуатационных требований для обеспечения идеального качества продукции при рациональной величине затрат и создает в экономической деятельности проблему качества в совершенно иных масштабах.

Третья тенденция — сложность современного технологического оборудования. Несоблюдение требований к качеству при разработке таких серьезных новшеств, как применение технологического оборудования с программным управлением, планирование при помощи компьютерной техники, использование автоматизированных технологических линий и т. д., быстрее, чем когда бы то ни было, приводит к ухудшению качества продукции и увеличивает время простоя, так как автоматизированное оборудование не может работать из-за плохого качества деталей.

Четвертая тенденция — экономические факторы, определяющие уровень качества продукции, являются результатом первых трех тенденций и относятся к затратам на достижение и обеспечение качества продукции, которое стало многотысячной статьей расходов. Затраты на повышение и обеспечение качества продукции по своей величине во многих отраслях хозяйственной деятельности сопоставляются с общей величиной прямых трудозатрат⁴.

Для решения проблемы повышения качества продукции многие отечественные предприятия приняли решение о внедрении системы менеджмента качества, основанной на процессном подходе, регламентированном последней версией стандартов серии ИСО 9000. Следует отметить, что стандартизация системы управления на предприятии воспринимается ее создателями не как подход к эффективному функционированию, развитию и совершенствованию систем менеджмента качества, а как их сертификация.

В настоящее время ученые и практики за рубежом связывают современные методы менеджмента качества с методологией TQM — всеобщим (всеохватывающим, тотальным)

менеджментом качества, когда основным критерием оценки деятельности организации является качество. Важнейшие принципы TQM — ориентация на потребителей, вовлеченность персонала в работу по качеству, постоянное его улучшение, приоритет предупреждающих действий перед корректирующими, комплексное решение задач обеспечения качества на всех этапах жизненного цикла продукции, достоверность данных о качестве. Однако зачастую внедрение систем менеджмента качества не приносит желаемого результата. В связи с этим российские предприятия отстают от своих зарубежных конкурентов в применении современных методов управления качеством.

Опыт показывает, что внедрение международных стандартов ограничивается не только высокими требованиями к организации материально-технического снабжения, финансирования, программного обеспечения, но и препятствиями социально-психологического характера, вызванными стереотипами старого мышления. Предприятия, внедряющие стандарты, сталкиваются с непониманием необходимости осуществления этой работы. Условия, принципы и требования, закрепленные в уже переработанных стандартах, выполняются не в полном объеме, что противоречит системному подходу в решении задач качества. Причины невыполнения состоят в нестабильности производственных, сбытовых, экономических процессов, происходящих на предприятиях. Большую трудность представляют организация маркетинговой деятельности и осуществление прогноза необходимого уровня качества изделия⁵.

Наряду с этим при внедрении программ качества у предприятий возникают и другие проблемы: отсутствие полной приверженности стандартам качества со стороны менеджеров, сосредоточенность на краткосрочных целях, скептицизм из-за недостаточной концентрации на качестве.

Процесс обеспечения высокого уровня продукции с помощью систем управления качеством может вызвать и другие проблемы. При попытке достичь безусловного соответствия требованиям системы качества есть риск свести персонал предприятия до уровня робота. Предприятие, ценящее только соответствие, чаще всего далеко не способно развить такой тип поведения, который бы приводил к выпуску товара высшего качества, инновациям и творчеству, необходимым для постоянного совершенствования технологического про-

цесса. Так как выполнение работы измеряется и оценивается по определенным стандартам, то любое отклонение должно быть своевременно выявлено, предложены корректирующие действия. Это предполагает исключительно рациональное поведение, независимо от объективности оценки.

Следует отметить, что на многих предприятиях улучшение в области качества предполагает значительные изменения в поведении персонала. Но и здесь возникают определенные барьеры, стоящие на пути достижения высокого качества: системы и процедуры, культура, структура организации, мнение руководства⁶.

В Республике Мордовия большинство промышленных предприятий разработало, внедрило и сертифицировало систему менеджмента качества. ОАО «Электровыпрямитель» — крупная российская электротехническая компания с большим опытом в области разработок и производства силовых полупроводниковых приборов и оборудования для нужд многих отраслей промышленности, энергетики и транспорта. Предприятие в основном разрабатывает и производит высокоэффективные полупроводниковые приборы силовой электроники, энергосберегающее преобразовательное оборудование. Приборы и оборудование, выпускаемые на предприятии, надежно работают в России и за рубежом уже более 40 лет.

На ОАО «Электровыпрямитель» разработаны и поддерживаются в рабочем состоянии системы менеджмента качества на разработку, производство и поставку элементов тиристоров, диодов, силовых полупроводниковых приборов, интегрированных силовых модулей, сборок и преобразователей на их основе (сертифицировано в ФГУ «Мордовский ЦСМ» в соответствии с требованиями стандарта ГОСТ Р ИСО 9001:2008); на преобразователи для подвижного состава (сертифицировано в РС ФЖТ в соответствии с требованиями стандарта ГОСТ Р ИСО 9001:2001).

ООО «ВКМ-Сталь» получило сертификат соответствия системы менеджмента качества ИСО 9001:2000 в 2007 г., что стало признанием на международном уровне и открыло перспективы выхода на европейский рынок вагоностроения. В настоящее время на предприятии ведется реконструкция действующего производства, продолжают внедряться современные технологии, идет техническое перевооружение

производства. Завершаются монтаж оборудования и пусконаладка основного технологического оборудования в цехе крупного вагонного литья, проектная мощность которого составит 30 тыс. т крупного вагонного литья в год. Реализация этого проекта позволит исключить зависимость российской промышленности от поставок литья из Чехии, Украины, Китая и обеспечить замещение импорта этой продукцией. Соответственно, независимость от поставщиков литья даст спокойный производственный цикл вагоностроения. Предприятие в дальнейшем сможет занять достойное место на вагоностроительном рынке страны.

Инновационный фактор стал основой развития ОАО «МордовАгроМаш». Именно качество позволяет предприятию быть лидером машиностроительной отрасли республики и успешно осваивать рынок сельскохозяйственной техники внутри страны и за рубежом. Спрос продукции обеспечивается за счет качества выпускаемых машин и механизмов. Практически вся продукция отмечена дипломами и медалями всероссийских и международных выставок.

Предприятие постоянно наращивает объемы производства. Это связано с тем, что идет постоянный поиск и внедрение в производство инновационной продукции, а также происходит повышение качества продукции за счет оснащения завода новейшим технологическим оборудованием. Так, с 2002 г. внедряется ряд технологических решений, направленных на значительное увеличение ассортимента выпускаемой продукции: разработаны четыре модифицированных кормораздатчика, начат выпуск тракторного прицепа и полуприцепов, освоено производство универсальной сеялки и т. д. Не останавливаясь на достигнутом, в 2010 г. ОАО «МордоАгроМаш» освоило выпуск и производит большегрузные прицепы и полуприцепы, не уступающие по своим характеристикам мировым аналогам. Также предприятие производит сельскохозяйственную технику совместно с компаниями KRONE, KUHN, KLAAS. Это позволяет не терять конкурентное преимущество и осваивать новые технологии, ориентируя производство на повышение качества продукции и расширение функциональности сельхозмашин.

Таким образом, успех и реализация потенциала предприятия зависят от адекватного восприятия происходящего всеми участниками процесса производства. Только пред-

приятия, выпускающие продукцию определенного качества, могут в современных условиях удовлетворять потребительский спрос, гарантировать высокую эффективность процесса воспроизводства. Рынок сбыта, являясь макроэкономическим регулятором и индикатором, обеспечит эволюционное развитие процессов внедрения программ качества, а их динамика будет зависеть от эффективности деятельности предприятий.

Надежность многих изделий может быть выявлена в условиях их потребления. Научно обоснованная система наблюдения за эксплуатацией изделий позволяет выявить дефекты, связанные с нарушениями технологического процесса. Сочетание технических и организационных подходов позволит существенно повысить качество продукции и конкурентоспособность предприятия⁷.

Следовательно, предприятия республики должны ставить перед собой главную цель — обеспечение рынков России современной продукцией. Свою важнейшую задачу они должны видеть в достижении и поддержании качества продукции на уровне, обеспечивающем постоянное удовлетворение установленных или предполагаемых требований потребителя. В условиях рыночной экономики качественная продукция — залог долгого и успешного функционирования предприятия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Экономика предприятия: учебник / под ред. Н.А. Сафронова. М.: «ЮристЪ», 1998. С. 238.

² См.: Постановление Правительства РМ «О концепции политики Республики Мордовия в области качества и конкурентоспособности продукции и услуг» от 14 августа 2006 г. № 361 (ред. от 17 марта 2008 г.).

³ См.: Бастрыкин Д.В. и др. Управление качеством на промышленном предприятии / под науч. ред. Б.И. Герасимова. М.: «Издательство Машиностроение-1», 2006. С. 18.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ См.: Экономика предприятия ... С. 246—247.

⁶ См.: Управление качеством (книга 4): учеб. пособие. Жуковский: МИМ ЛИНК, 2006. С. 53.

⁷ См.: Баева Л.С., Пашеева Т.Ю. Модернизация производства как решающий фактор повышения конкурентоспособности продукции // Вестн. МГТУ. Т. 13. 2010. № 1. С. 50.

Поступила 23.09.11.

М. В. АНТОНОВА ПРИВЛЕЧЕНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО РЕГИОНА

Ключевые слова: предпринимательство, инвестиции, агропромышленный комплекс, государственная поддержка, антикризисная программа

Key words: entrepreneurship, investments, agri-industrial complex, stat support, anti-crisis programme

Инфраструктура поддержки малого предпринимательства — это совокупность государственных, негосударственных, общественных, образовательных, коммерческих организаций, обеспечивающая необходимые условия жизнедеятельности (оперативное оказание услуг) и процесс воспроизводства малого бизнеса в целом. К объектам инфраструктуры поддержки малого предпринимательства можно отнести общественные организации предпринимателей, содействующие объединению их усилий для решения возникающих проблем; торгово-промышленные палаты; образовательные структуры, осуществляющие повышение квалификации предпринимателей и обучение персонала предприятий; информационные агентства и специализированные печатные издания; фонды поддержки малого предпринимательства; организации микрофинансирования и структуры, специализирующиеся на оказании иных финансовых услуг субъектам малого предпринимательства; консалтинговые фирмы, оказывающие разные услуги предпринимателям; специализированные государственные структуры; технопарки и бизнес-инкубаторы.

В Республике Мордовия поддержку малого и среднего предпринимательства осуществляют Министерство торговли и предпринимательства РМ, Комитет Государственного собрания РМ по экономической политике, предпринимательству и собственности, Государственное учреждение «Бизнес-инкубатор Республики Мордовия», Автономная некоммерческая организация «Гарантийный фонд кредитного обеспечения

АНТОНОВА Марина Владимировна, доцент кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

Республики Мордовия», Автономное учреждение «Региональный центр микрофинансирования Республики Мордовия», Государственное учреждение «Мордовский республиканский молодежный центр».

Существуют также организации, содействующие развитию предпринимательства. Это ООО «Инновационно-технологический центр Республики Мордовия», целью которого является оказание субъектам инновационной деятельности содействия в выборе и реализации инновационных проектов, развитии их инновационной деятельности, защите и представлении их интересов в органах государственной власти и управления, федеральных и иных фондах и их представительствах, охране интеллектуальной собственности; Фонд содействия развитию венчурных инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере, осуществляющий финансирование инновационных проектов субъектов малого предпринимательства; бизнес-центры в поселках Атяшево и Чамзинка, которые оказывают предпринимателям Атяшевского, Ардатовского, Дубенского, Большеберезниковского, Чамзинского муниципальных районов различные виды услуг: правовые консультации, разработка инвестиционных проектов, ведение статистической отчетности, консультирование в сфере бухгалтерского учета и налогообложения, оформление и регистрация трудовых договоров, разработка учредительных документов, подбор и установка компьютеров и оргтехники и др.

В Мордовии действуют общественные объединения предпринимателей, которые оказывают поддержку предпринимательству. Среди них можно отметить Совет предпринимателей при Главе республики, который является постоянно действующим совещательно-рекомендательным органом, призванным способствовать реализации государственной политики в области становления и укрепления предпринимательского сектора экономики республики и эффективному взаимодействию государственных и предпринимательских структур; Мордовское региональное отделение Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ»; Торгово-промышленную палату Республики Мордовия, которая была создана с целью улучшения продвижения товаров и услуг на региональном рынке и оказания помощи промышленным предприятиям.

В 2009—2010 гг. по результатам конкурсных отборов Министерством торговли и предпринимательства Республики Мордовия предоставлены гранты в размере 150 тыс. руб. на развитие собственного дела 83 индивидуальным предпринимателям из числа бывших безработных граждан, в том числе 4 крестьянско-фермерским хозяйствам; 13 сельскохозяйственным производственным кооперативам; 3 обществам с ограниченной ответственностью. Безработные, получившие субсидии на организацию собственного дела, используют возможности микрокредитования. Финансовая поддержка направлена индивидуальными предпринимателями на развитие бизнеса в области животноводства, торговли и предоставления услуг.

Реализация Программы поддержки предпринимательской инициативы безработных граждан способствовала более слаженной и конструктивной совместной работе органов службы занятости населения и администраций муниципальных районов республики на местах. Была отработана технология, согласно которой приоритетные направления деятельности по предпринимательству в каждом районе определяли экспертные комиссии или рабочие группы, созданные при местных администрациях. Главы сельских поселений занимались подбором граждан, желающих открыть собственное дело. Специалисты службы занятости Мордовии и депутаты районных советов информировали граждан о возможности принять участие в программе самозанятости.

Реализация мероприятий программы обеспечивает проведение государственной политики, направленной на защиту населения от безработицы, а также способствует расширению возможностей самостоятельной занятости безработных граждан за счет создания постоянных рабочих мест в сфере малого предпринимательства.

Основные направления поддержки малого и среднего предпринимательства в Мордовии определены Комплексной программой развития и государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в Республике Мордовия на 2011—2015 гг., утвержденной Постановлением Правительства РМ от 20 декабря 2010 г. № 498. Программа имеет несколько разделов: развитие механизмов финансовой поддержки; развитие инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства; информационное, консуль-

тационное, имущественное обеспечение малого и среднего бизнеса, повышение квалификации кадров; формирование благоприятной социальной среды для малого и среднего предпринимательства.

Реализация ее мероприятий к концу 2015 г. позволит создать благоприятные условия для эффективного количественного роста и развития малого и среднего предпринимательства, в том числе на муниципальном уровне, и обеспечить экономический рост предпринимательского сектора республики; сформировать новые объекты инфраструктуры поддержки и развития малого и среднего бизнеса на муниципальном уровне; привлечь дополнительные инвестиции на развитие и поддержку малого и среднего бизнеса республики; обеспечить рост доли рынка, занимаемой конкурентоспособными товарами и социально значимыми услугами, производимыми субъектами малого и среднего предпринимательства Мордовии; создать благоприятный общественный климат и повысить престиж предпринимательской деятельности.

Преодоление социально-экономического кризиса в агропромышленном комплексе напрямую зависит от эффективности развития малого бизнеса. Активизация предпринимательства на селе оказывает существенное влияние на политическую, экономическую и социальную стабильность общества, поскольку она способствует насыщению потребительского рынка товарами, расширению конкуренции, росту занятости, социальному развитию села, преодолению деградации и разрушительных процессов сельских территорий.

Поддержка предпринимательской инициативы безработных граждан является альтернативой трудоустройству на постоянные рабочие места и становится все более актуальной. В Мордовии поддержка предпринимателей оказывается в рамках таких республиканских целевых программ, как Республиканская целевая программа содействия занятости населения Республики Мордовия на 2009—2011 годы, Программа дополнительных мероприятий, направленных на снижение напряженности на рынке труда. Последняя в республике действует с 2009 г. Приоритетное место в ней отведено содействию самозанятости безработных граждан и стимулированию создания безработными гражданами, открывшими собственное дело, новых рабочих мест для трудоустройства безработных граждан. Поддержка предпринимательства

осуществляется на основе тесного взаимодействия службы занятости с администрациями муниципальных районов и сельских поселений, обучающими организациями и др.

Служба занятости оказывает информационно-консультационные услуги, организует обучение безработных и граждан, находящихся под риском увольнения, профессиям, способствующим занятию предпринимательством (с 2009 г. 4 224 безработных прошли обучение основам предпринимательской деятельности), а также предоставляет финансовую помощь безработным на открытие собственного дела в размере 58,8 тыс. руб. С 2009 по 2011 г. участниками Программы поддержки предпринимательства стали 12 843 чел. (в 2009 г. — 800 чел., в 2010 г. — 5 256 чел., в 2011 г. — 6 787 чел). Всего на развитие предпринимательства было привлечено 755,2 млн руб.

Общая численность открывших собственное дело составила 8 480 чел. Среди организовавших собственное дело 58,6 % проживают в сельской местности. Именно поэтому среди сфер деятельности на первом месте стоит сельское хозяйство (63,9 %). Безработные также отдают предпочтение предоставлению персональных и социальных услуг населению, транспорту и торговле.

Около 8 тыс. чел. зарегистрировались в качестве индивидуальных предпринимателей, в том числе они создали 47 крестьянско-фермерских хозяйств, организовали 35 сельскохозяйственных кооперативов, 56 обществ с ограниченной ответственностью.

Многие предприниматели развивают и создают дополнительные рабочие места для трудоустройства безработных граждан, получая финансовую поддержку от службы занятости. С 2009 по 2011 г. созданы 4 363 рабочих места для трудоустройства безработных граждан в области предоставления персональных и социальных услуг (36,1 %), сельском хозяйстве (28,9 %), торгово-закупочной деятельности (25,8 %), сфере предоставления транспортных услуг (9,2 %).

Как показывает практика, для многих безработных, решивших открыть свое дело, субсидия от службы занятости в сумме 58,8 тыс. руб. — это своеобразный стартовый капитал. Предприниматели могут воспользоваться услугами целого ряда объектов инфраструктуры поддержки бизнеса.

В июне 2011 г. в Мордовии проходил II Всероссийский форум сельских поселений. В его работе принял участие Председатель Правительства РФ В. В. Путин. Говоря о важности форума, он отметил, что российская глубинка — это четверть населения страны. От качества работы местной сельской власти зависят «социальное благополучие и в значительной степени жизненный уровень этих миллионов людей»¹. В своем выступлении В. В. Путин призвал местные органы власти помочь сельским жителям расширить производство, прочно встать на ноги, причем не только в сельхозпроизводстве, но и секторе услуг.

В 2012 г. стартует новая федеральная программа поддержки начинающих фермеров. Каждый, кто хочет начать собственное дело на селе, получит от государства грант на создание своего хозяйства, льготный инвестиционный кредит и единовременную помощь на бытовое обустройство. По словам премьер-министра, надо поддерживать деловую инициативу людей, это обязательно окупится и ростом доходов граждан, и пополнением бюджетов сельских поселений².

С каждым годом при поддержке службы занятости число предпринимателей увеличивается, однако в сельской глубинке остается еще очень много трудоспособного населения для привлечения к участию в малом бизнесе, т. е. потенциал для малого бизнеса на селе огромен.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ II Всероссийский форум сельских поселений. URL: //prem:er.gov.ru/events/news/155471 (дата обращения: 15.06.2011).

² Там же.

Поступила 23.06.11.

В. Н. ВАСИНА И. В. МАРАКУЛИНА

СЕГМЕНТИРОВАНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ МОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ РЕГИОНА

Ключевые слова: маркетинговые исследования, сегментирование, потребители молочной продукции

Key words: marketing research, segmentation, dairy products consumers

Высокая питательная ценность молока и молочных продуктов занимает важное место в структуре питания населения страны. Российская Федерация обеспечивает себя молоком и молочными продуктами не в полную меру. За 2006—2010 гг. самообеспечение молоком и молочными продуктами не превышало 83,8 %¹. При этом целевой показатель по самообеспечению на рынке молока и молокопродуктов (в пересчете на молоко) составляет не менее 90 %². Производство молока в 2010 г. в расчете на душу населения существенно отличалось в разных федеральных округах. Так, в Приволжском федеральном округе производство молока в расчете на человека составляет 346 кг, в Сибирском —

ВАСИНА Вероника Николаевна, старший преподаватель кафедры информационных технологий и систем в экономике Вятской государственной сельскохозяйственной академии (г. Киров).

МАРАКУЛИНА Ирина Викторовна, доцент кафедры маркетинга и стратегического планирования Вятской государственной сельскохозяйственной академии, кандидат экономических наук (г. Киров).

288 кг, в Северо-Западном, Центральном и Уральском — от 130 до 171 кг.

Несмотря на увеличение производства молока в отдельных федеральных округах, потребление населением страны молока и молокопродуктов становится больше, но пока находится ниже рекомендуемой рациональной нормы, которая составляет 390 кг на человека в год. Выше общероссийского уровня потребление молочной продукции отмечено в 32 регионах. Самое высокое потребление в Приволжском федеральном округе — 285 кг. Отличаются высоким среднедушевым потреблением Северо-Западный (272 кг) и Сибирский (264 кг) округа³.

В Кировской области, по данным продовольственных балансов, потребление молочной продукции также находится выше среднего по стране уровня, но имеет тенденцию к снижению (таблица). В динамике за пять лет уменьшаются показатели производства молока и молочной продукции, объемы вывоза молока за пределы области при одновременном увеличении количества ввозимой продукции. При этом производство молока на душу населения в регионе на 30—40 % превышает потребление.

Таблица

Производство и потребление молока и молочных продуктов в Кировской области⁴

Показатель	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Производство молока и молочной продукции, тыс. т	585,5	550,8	508,4	503,4	505,2
Производство молока на душу населения, кг	410	390	363	362	363
Производственное потребление молока и молочной продукции, тыс. т	88,2	81,5	69,9	69,9	68,3
Личное потребление молока и молочной продукции, тыс. т	410,0	396,2	380,0	378,6	377,0
Потребление молока на душу населения, кг	286	279	270	271	281
Ввоз молока и молочной продукции, тыс. т	18,4	20,3	26,3	26,3	29,2
Вывоз молока и молочной продукции, тыс. т	111,0	92,9	85,9	82,2	89,0

Таким образом, сохраняется ситуация, отмеченная в более ранних исследованиях. «Емкость областного рынка

молока и молочных продуктов является недостаточной для продукции, произведенной в регионе. <...> Предприятиям по производству молочной продукции Кировской области для завоевания сильных конкурентных позиций на рынке, наряду с другими, крайне важно использовать резервы развития, связанные с маркетингом»⁵. В связи с этим актуально исследование предпочтений и поведения потребителей молока и молочной продукции Кировской области, а также не менее значимо сегментирование рынка для обеспечения максимального соответствия маркетинговых программ требованиям целевой аудитории.

В мае 2011 г. нами проведен анкетный опрос потребителей молочной продукции Кировской области. Поскольку молочную продукцию употребляет практически все население, объем выборки был определен на основе статистической формулы⁶ при уровне доверительной вероятности полученных результатов 95 %, допустимой ошибке ± 5 % и составил 384 чел. В опросе приняли участие потребители всех возрастных групп от 18 до 65 лет, преимущественно это были женщины (80 % опрошенных), поскольку в семьях именно они традиционно совершают покупки молочной продукции. Более 80 % респондентов регулярно покупают молочную продукцию, в том числе не реже одного раза в неделю приобретают питьевое молоко 81,6 %, кисломолочную продукцию — 83,5 %. По биопродукции этот показатель значительно ниже и составляет 52 % участвовавших в исследовании потребителей.

Результаты опроса обработаны в программе «КонСи — Сегментирование и рынки». Исходная база данных для анализа включала в себя информацию по 36 переменным. При использовании большого количества исходных переменных кластеры, как правило, не имеют четкой структуры, что затрудняет их интерпретацию. Поэтому был проведен факторный анализ с использованием метода главных компонент, позволивший при заданном уровне значимости более 0,5 объединить статистически значимые характеристики объектов в три фактора и заменить ими большое количество исходных переменных.

Первый фактор — *регулярность и объем покупки*. Его действие обусловлено переменными регулярности покупок, частотой покупки, разовой суммой покупки, количеством

приобретаемой продукции. Действие фактора «Склонность к известному вкусу» обусловлена влиянием переменных, отражающих желаемый уровень внешнего вида упаковки, лучшего соотношения «цена — качество», гармоничности вкусовых свойств, запаха, а также известности марки продукции. Третий фактор основан на влиянии лишь трех переменных, описывающих число потребителей в семье по группам молочной продукции. Соответственно, он получил название «Количество потребителей в семье».

С учетом полученных факторов все объекты исследования в результате выполнения процедуры кластерного анализа были разделены на три сегмента (рисунок).

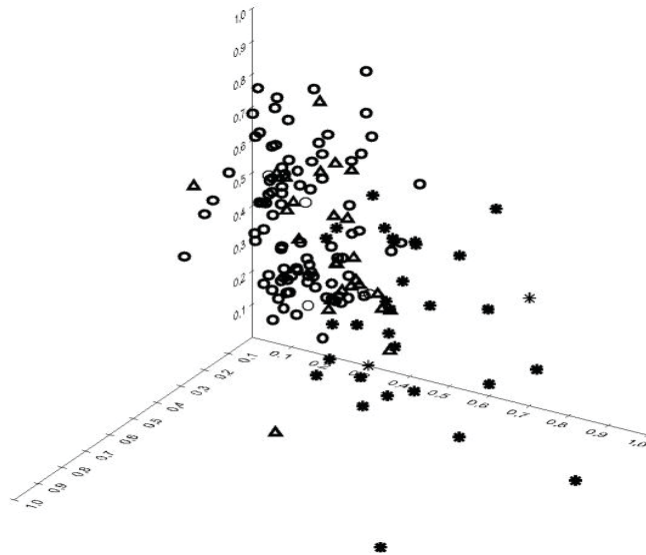

Рисунок. Графическое представление результатов кластерного анализа при исследовании потребителей молочной продукции

Для проверки корректности полученного деления потребителей на кластеры дана оценка влияния различных переменных на результаты кластеризации с помощью модели однофакторного дисперсионного анализа⁷. Также были сопоставлены профили полученных сегментов по средним значениям изучаемых переменных, дана характеристика потребителей каждого сегмента.

Сегмент 1 включает в себя респондентов в возрасте от 18 до 45 лет, причем доля мужчин составляет выше среднего значения по выборке (28 и 20 % соответственно). Большинство потребителей, вошедших в сегмент, приобретают молочную продукцию для себя и детей, поэтому средний размер и сумма покупки здесь выше, чем в других сегментах. Кроме того, в этой группе удельный вес домохозяек выше среднего значения, поэтому можно назвать полученный сегмент «Молодые родители». По данным опроса, представители молодежного сегмента наименее требовательны к характеристикам молочной продукции, за исключением качественного состава продукта и отсутствия искусственных добавок. Также молодежь отдает предпочтение молочным продуктам с низким уровнем жирности.

Сегмент 2 самый многочисленный (62 % респондентов). Он имеет максимальные средние значения по переменным возраста и дохода, хотя в нем представлены все возрастные группы и категории дохода. Представители этого сегмента покупают молочную продукцию на небольшую сумму, но делают это часто. Большинство респондентов приобретают питьевое молоко ежедневно, кисломолочную продукцию — 2—3 раза в неделю. Реже приобретается биопродукция — в среднем один раз в неделю, причем преимущественно для детей, а не для взрослых членов семьи, и по относительно высокой цене. При ответе на вопрос о желаемом уровне характеристик молочных продуктов респонденты, вошедшие в сегмент, поставили максимально высокие оценки по всем исследуемым переменным, поэтому сегмент получил название «Требовательные покупатели». При выборе продукта у них на первом месте стоит свежесть молочной продукции. Кроме того, помимо вкусовых и качественных характеристик, представители этого сегмента предъявляют относительно высокие требования к внешнему виду упаковки, известности марки продукта и предпочитают молочную продукцию со средним и высоким уровнем жирности.

Сегмент 3 представлен группой потребителей, с наименьшей регулярностью совершающих покупки молочной продукции. Средняя сумма покупки и количество приобретаемой продукции также имеют минимальное значение. Большинство потребителей, вошедших в сегмент, приобретают молочную продукцию только для себя. Поскольку в эту группу вошли

только респонденты в возрасте 18—25 лет и старше 55 лет, то можно сделать вывод, что это преимущественно одинокие люди. Поэтому сегмент получил название «Одиночки». Как и представители второго сегмента, они на первое место при выборе покупки ставят свежесть продукции.

Прежде чем перейти к оценке привлекательности и выбору целевого рынка, необходимо изучить конкурентную ситуацию и особенности восприятия конкурирующих марок молочной продукции потребителями каждого из полученных сегментов. Кроме того, для разработки эффективной маркетинговой программы целесообразно исследовать степень влияния маркетинговых инструментов на представителей разных сегментов.

Таким образом, проведенное исследование позволило установить существование на рынке Кировской области трех различных по предпочтениям сегментов покупателей, описать профили этих сегментов и определить направления дальнейших исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Россия в цифрах. 2011: краткий стат. сб. / Росстат. М., 2011. С. 282.

² См.: Скрынник Е.Б. Увеличение производства мяса и молока — вение времени // Экономика сельского хозяйства. 2010. № 4. С. 13—20.

³ См.: Центральная база статистических данных Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi> (дата обращения: 08.10.2011).

⁴ См.: Бурцева Т.А., Кузнецова А.В., Миронова Н.А., Березина Е.А. Карта восприятия производителей молочной продукции на рынке Кировской области // Регионология. 2008. № 4. С. 186—192.

⁵ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кировской области. URL: http://kirovstat.kirov.ru/bgd/KirovII_09/IssWWW.exe/Stg/i109_6.htm (дата обращения: 08.10.2011).

⁶ См.: Голубков Е.П. Маркетинговые исследования: теория, методология и практика. М.: Изд-во «Финпресс», 1998. С. 222.

⁷ См.: Костерин А.Г. Практика сегментирования рынка. СПб.: Питер, 2002. С. 163.

Поступила 17.08.11.

С. А. СЕДАШКИНА

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: земли сельскохозяйственного назначения, землепользование, мониторинг земель, государственный земельный контроль, мелиорация

Key words: agricultural lands, land utilisation, lands monitoring, state land control, melioration

Российская Федерация, крупнейшее государство в мире, обладает богатыми земельными ресурсами, среди которых главную роль играют земли сельскохозяйственного назначения. Однако современное аграрное землепользование в стране нельзя назвать эффективным и рациональным с экономической и экологической точек зрения.

Для эффективного управления земельными ресурсами используется государственный мониторинг земель, призванный предоставлять пространственно обобщенные, регионально систематизированные и сопоставимые данные о земле. Органы, ведущие мониторинг, не принимают решений, обязывающих природопользователей совершать те или иные действия по устранению выявленных правонарушений. Такие решения принимают наделенные соответствующими полномочиями государственные органы, ведущие контроль за использованием земель и их охраной. Так, вопросами осуществления государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения в России занимается Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. Функции государственного земельного контроля разделены между тремя федеральными органами — Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии, Федеральной службой по

СЕДАШКИНА Светлана Александровна, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Мордовского государственного университета.

надзору в сфере природопользования, Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору¹.

За последние годы работа по мониторингу, почвенному и геоботаническому обследованию земель из-за отсутствия финансирования практически свернута во многих регионах РФ. Имеющиеся в государственном фонде материалы по изучению состояния и использования земель нуждаются в полном обновлении. Отсутствие необходимых данных затрудняет составление проектов мероприятий по улучшению земель.

В то же время анализ имеющихся данных показывает, что практически во всех субъектах РФ продолжается тенденция ухудшения состояния земель. Среди опасных негативных процессов на территории РФ интенсивно развиваются эрозия, дефляция, заболачивание, засоление, опустынивание, подтопление, зарастание сельскохозяйственных угодий кустарником и мелколесьем и другие процессы, ведущие к потере плодородия сельскохозяйственных угодий и выводу их из хозяйственного оборота. Водной эрозии подвержены 17,8 % площади сельскохозяйственных угодий, ветровой — 8,4 %. Переувлажненные и заболоченные земли занимают 12,3 % сельскохозяйственных угодий, засоленные и солонцеватые — 20,1 %.

Значительные площади земель выбывают из оборота в результате разработки полезных ископаемых, проведения геолого-разведочных, строительных и других видов работ. Наряду с этим также продолжают сокращаться общие площади сельскохозяйственных угодий, уменьшаются площади орошаемых и осушенных земель, ухудшается их мелиоративное состояние и хозяйственное использование, становится более заметным отрицательный баланс гумуса на пашне².

Эти тенденции характерны и для Республики Мордовия. В районах республики, где преобладают серые лесные и дерново-подзолистые почвы, из-за бесхозяйственного использования земель и иных негативных воздействий продолжается снижение плодородия почвы на землях сельскохозяйственного назначения. Проводимые в районах мероприятия по предотвращению негативных процессов не соответствуют степени и размерам их проявления. К деградации почв приводят и низкий уровень агротехники, интенсивный вынос питательных веществ сорняками, недостаточные объемы применяемых минеральных удобрений (44,6 тыс. т в дей-

ствующем веществе в 2010 г.) и органических удобрений (612,4 тыс. т в 2010 г.).

Одним из самых неблагоприятных факторов, влияющих на качество почв республики, является эрозия почв. Более 50 % почв Мордовии по своему составу являются серыми лесными и дерново-подзолистыми, они характеризуются слабой эрозионной устойчивостью. Около половины площадей пашни расположено на склонах крутизной 2—4 град. По имеющимся данным, площади эрозионно опасных сельскохозяйственных угодий составляют 1 295,2 тыс. га, из них эродированы 307,8 тыс. га (19,6 %). Согласно учетным данным, 9,7 тыс. га (0,61 %) сельскохозяйственных угодий отнесены к землям, подверженным водной и ветровой эрозии. Этим процессом охвачены 5,9 тыс. га пашни, 0,2 тыс. га сенокосов, 3,6 тыс. га пастбищ. К дефляционно опасным землям отнесены 104,2 тыс. га (6,6 %) сельскохозяйственных угодий, из них к дефлированным — 56,7 тыс. га (3,6 %), в том числе пашни — 36,7 тыс. га (3,4 %). По сведениям, полученным в предыдущие годы, в республике 141,6 тыс. га (9,0 %) сельскохозяйственных угодий находятся в условиях избыточного увлажнения, из них кормовые угодья составляют 101 тыс. га (6,4 %), пахотные земли — 39,9 тыс. га (2,5 %). Заболоченные земли занимают 14,7 тыс. га, или 0,9 %. Площадь переувлажненных и заболоченных земель в течение 2010 г. не изменилась, так как работы по осушению земель не проводились.

В то же время в последние годы в Мордовии отмечалось поднятие уровня грунтовых вод не только на сельскохозяйственных угодьях, но и на землях городов и поселков. Процесс поднятия грунтовых вод влияет на изменение ландшафта, смену травостоя и приводит сельскохозяйственных угодья в непригодное (для основного использования) состояние. Причиной переувлажнения сельскохозяйственных угодий является невыполнение обязательных мероприятий по защите земель.

В республике нет крупных искусственных водоемов, оказывающих влияние на подтопление территорий. Существующая сеть прудов и искусственных водоемов, предназначенных для орошения и рыборазведения, не оказывает существенного влияния на процесс подтопления. Процесс подтопления сельскохозяйственных угодий наблюдается в период таяния снегов, когда из-за отсутствия достаточного

количества водопропускных труб вдоль полотна автомобильных дорог скапливается вода, которая наносит ущерб посевам сельскохозяйственных культур. Ежегодно таких земель выявляется на площади от 200 до 500 га.

По данным ФГУ Управления «Мордовмелиоводхоз», в рамках Республиканской программы повышения плодородия земель в 2010 г. культуртехнические работы на землях, не требующих осушения, проведены лишь на площади 1 328 га. Из республиканского бюджета на эти цели направлены 1 183,0 тыс. руб., средств хозяйств — 249,4 тыс. руб. Такой объем проводимых работ для земель республики отнюдь не достаточен.

Всего в сельскохозяйственном обороте в 2010 г. использовались 161,2 тыс. га сбитых земель (сенокосы и пастбища), что составляет 34,9 % от общей площади кормовых угодий. Кочками покрыты 10,8 тыс. га (2,3 %) сенокосов и пастбищ.

На территории республики, по данным государственного учета земель, на 1 января 2011 г. числятся 73,5 тыс. га мелиорируемых земель, из них 29,2 тыс. га — осушенных, 44,3 тыс. га — орошаемых. Осушаемые земли нуждаются в проведении дополнительных мероприятий по переустройству и восстановлению осушительных сетей, регулированию водисточников, капитальному ремонту магистральных и проводных каналов и сооружений.

Актуальной проблемой в республике является зарастание продуктивных сельскохозяйственных угодий кустарником и мелколесьем. Общая площадь заросших кормовых угодий на 1 января 2010 г. составляет 38,5 тыс. га (2,4 %). Одновременно идет зарастание необрабатываемой пашни. Причины — несвоевременное принятие мер по проведению культурно-технических работ и невостребованность низкопродуктивной пашни³. Вышеизложенное свидетельствует о необходимости и недостаточном проведении мелиоративных работ.

Федеральный закон «О мелиорации земель» от 10 января 1996 г. № 4-ФЗ предусматривал осуществление мелиоративных работ за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ, собственников, владельцев и пользователей мелиорируемых (мелиорированных) земель, кредитов банков и других не запрещенных законом источников. В настоящее время осуществление мероприятий по обеспечению плодородия земель сельскохозяйственного назначения является расходным полномочием субъектов РФ.

Отдельные мероприятия по обеспечению плодородия земель сельскохозяйственного назначения могут финансироваться из федерального бюджета в рамках федеральных целевых программ. Комплекс мер по поддержанию почвенного плодородия реализуется в рамках Федеральной целевой программы «Сохранение и восстановление плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения и агроландшафтов как национального достояния России на 2006—2010 годы и на период до 2013 года», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 99 (ФЦП «Плодородие»)⁴.

В рамках ФЦП «Плодородие» средства федерального бюджета выделяются только на субсидирование компенсации части затрат на приобретение средств химизации под ограниченный перечень культур. Такие агрохимические мероприятия, как известкование кислых почв, фосфоритование почв с низким естественным плодородием, гипсование солонцовых почв, внесение органических удобрений, должны в соответствии с законодательством выполняться за счет средств субъектов РФ и внебюджетных источников. Однако в связи с сокращением средств бюджетов субъектов РФ на мероприятия по сохранению и повышению плодородия почв, а также из-за отсутствия финансовых средств у сельскохозяйственных товаропроизводителей агрохимические мероприятия ежегодно выполняются в недостаточных объемах. Отрасль мелиорации очень сильно сократилась, а ее техническая база пришла в негодность. Выделяемые в последние годы средства бюджета являются достаточными только для того, чтобы поддерживать эксплуатационные системы в рабочем состоянии. Реконструкция мелиоративных объектов ведется в очень небольших объемах, а строительство новых не осуществляется.

Увеличение финансирования работ по мониторингу и мелиорации земель является одним из важнейших, но не единственным шагом на пути реформирования системы управления землями сельскохозяйственного назначения. Необходимо ужесточить ответственность за нерациональное использование земель сельскохозяйственного назначения, упростить порядок изъятия неиспользуемых и ненадлежаще используемых земельных участков. Для недопущения неконтролируемого перевода земель сельскохозяйственного

назначения в земли иных категорий возможно предусмотреть в законодательстве норму, устанавливающую запрет на изменение категории земель в течение трех лет с момента приобретения сельскохозяйственного земельного участка.

Следует также отметить, что данные, полученные по результатам космической съемки и наземных наблюдений, значительно отличаются от данных официальных статистических исследований. В связи с этим требуется проведение мероприятий для уточнения полученных результатов по их достоверности. Целесообразно формирование единого банка данных статистических исследований, который может быть использован в деятельности органов государственной и муниципальной власти и в интересах землепользователей.

Для продолжения реализации мероприятий по сохранению и восстановлению плодородия земель в 2014—2020 гг. Минсельхозом РФ разрабатываются проекты государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 годы» и концепции Федеральной целевой программы «Развитие мелиорации сельскохозяйственных земель России на период до 2020 года»⁵. На основе последней будет реализовываться соответствующая государственная программа. Аналогичные программы должны быть подготовлены и на уровне субъектов Федерации.

При этом в новой госпрограмме предлагается расширить формат механизмов и направлений государственной поддержки, обеспечивающих решение задач по качественному обновлению мелиоративного фонда страны и сохранению плодородия почв. Прежде всего это относится к расширению направлений поддержки в системе мелиорации на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном и внутрихозяйственном).

Эффективность новой государственной программы покажет время. Однако уже сейчас с полной ответственностью можно заявить, что решить вопрос по формированию рационального и эффективного землепользования в аграрной сфере можно только при условии комплексного подхода к этой проблеме, активного использования финансовых, нормативных и административных рычагов управления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Постановление Правительства РФ «О государственном земельном контроле» от 15 ноября 2006 г. № 689 // Собр. законодательства РФ. 2006. № 47. Ст. 4919.

² См.: Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2010. 100 с.

³ См.: Региональный доклад о состоянии и использовании земель Республики Мордовия в 2010 году // Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии, Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Республике Мордовия / редкол.: Ю.А. Макаров, А.Н. Фролов, А.М. Тюрин, А.Н. Пивкин, М.А. Ишенина и др. Саранск. 2011. URL: <http://to13.rosreestr.ru/blanks/documents/2108326> (дата обращения: 12.08.2011).

⁴ См.: Постановление Правительства РФ «О федеральной целевой программе „Сохранение и восстановление плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения и агроландшафтов как национального достояния России на 2006—2010 годы и на период до 2013 года“» от 20 февраля 2006 г. № 99 // Собр. законодательства РФ. 2006. № 10. Ст. 1101.

⁵ См.: Проект государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 годы. URL: <http://www.mex.ru/documents/document/show/16834.342.htm> (дата обращения: 01.09.2011).

Поступила 08.09.11.

Д. А. МАССЕРОВ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЕМ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: энергосбережение, программы энергосбережения, механизм управления энергосбережением, промышленное производство, энергоресурсы, регион

Key words: energy-saving, energy-saving programmes, energy-saving management mechanism, industrial production, energy resources, region

Увеличение стоимости затрат на сырье и энергию приводит к падению конкурентоспособности продукции промышленности России по сравнению с импортными аналогами. С учетом высокой доли затрат на энергию в структуре затрат на промышленную продукцию проблема ресурсосбережения определяется по большей части как вопрос энергосбережения. При этом актуализируется разработка, соответствующая современному периоду развития промышленности экономического и организационного механизма ресурсосбережения.

Повышение экологичности и эффективности производства в рамках отдельного промышленного предприятия и всей отрасли означает стабильность или увеличение производства на единицу затрат. Таким образом, если хозяйственный механизм усиливает заинтересованность предприятий в снижении энергетических затрат и платы за выбросы вредных веществ, то его можно оценить как эффективный, ресурсосберегающий и энергосберегающий.

Критерием эффективности хозяйственного механизма может служить степень стимулирования снижения энергетических и экологических затрат в процессе производства необходимого обществу количества потребительных стоимо-

МАССЕРОВ Дмитрий Александрович, доцент кафедры экологии и природопользования Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

стей. Поскольку затраты материальных ресурсов могут быть выражены через энергетические ресурсы и доминируют в структуре затрат, то эффективность хозяйственного механизма должна проявляться в снижении удельных затрат энергетических ресурсов, выражающихся в энергоемкости валового национального продукта, национального дохода или в других показателях энергоемкости.

Переход к рыночной экономике не создал предпосылок к формированию механизма ресурсосбережения на всех уровнях управления промышленностью. Ряд проблем теоретического, методического и практического характера остался нерешенным, в том числе обоснование методики формирования механизма ресурсо- и энергосбережения, действующего на различных уровнях управления промышленным производством; разработка классификации факторов, оказывающих влияние на уровень и динамику ресурсо- и энергосбережения в промышленности, учитывающую внутреннюю и внешнюю экономическую среду промышленного предприятия, и т. д.

В ходе разработки механизма энергосбережения в промышленности необходимо дифференцировать современные методы и формы его реализации по сферам производственной деятельности, в том числе по отраслям промышленности, уровням управления, территориальным формированиям, временным периодам. Подобная классификация позволяет на основе учета факторов, в наибольшей степени влияющих на показатели энергоемкости различного уровня, создать систему управления энергосбережением в промышленности. Большое значение в данном случае имеют государственное программирование, структурная перестройка промышленного производства, субвенции, налоговые льготы, льготное кредитование, амортизация и др.

Значительную роль в реализации государственной энергосберегающей политики играют государственные программы поддержки промышленного сектора. Прежде всего это относится к программам технического развития, разрабатываемым правительственными органами совместно с крупнейшими национальными и транснациональными промышленными корпорациями. В частности, эти программы относятся к энергетическим отраслям, ускоренному развитию наукоемких промышленных производств с относительно низким удельным

потреблением энергетических ресурсов, созданию и внедрению малоотходных и безотходных технологий, комплексному использованию сырья и увеличению использования отходов производств для утилизации энергии.

За рубежом большие масштабы приняли различные формы государственного регулирования, использующие в качестве стимулов налоговые и амортизационные льготы, субсидии и льготные кредиты. Особую роль играет экономическое стимулирование потребителей энергоресурсов — промышленных предприятий. Экономичное, рациональное использование топлива и энергии, а также воды ведет к уменьшению бюджетных затрат на топливо- и энергообеспечение объектов промышленности.

Одной из форм государственного регулирования материало- и энергопотребления в промышленности в условиях рыночных отношений может стать поощрительная амортизационная политика, осуществляемая при создании и использовании высокоэффективных энергоэкономных технологий и оборудования. Ускоренная амортизация в данном случае способствует энергосбережению с двух точек зрения. Во-первых, это позволяет списывать стоимость основных производственных фондов (как правило, составляющих большую часть основного капитала) по более высоким нормам амортизации, создавая возможность быстрее оборота капитала и ускорения технического перевооружения. Во-вторых, это означает налоговые субсидии. К концу амортизационного срока промышленного оборудования потери сырья увеличатся на 15—20 %. Таким образом, ускорение списания оборудования позволит сократить не только затраты топливно-энергетических ресурсов изношенного оборудования, но и снизить прямые потери сырья.

На Западе широкое распространение получило государственное регулирование энергосбережения посредством налоговой политики, как правило, с применением налоговых скидок с сумм, направляемых на проведение НИОКР по энергосбережению. В США, Японии и западноевропейских странах есть государственные органы, с помощью которых усиливается или ослабляется вмешательство государства, изменяются приоритеты определенных элементов хозяйственного механизма энергосбережения и отдельных его направлений.

Целесообразно создание подобного органа в регионах России. К процессу выработки решений о приоритетных направлениях энергосбережения и соответствующих мероприятиях должны привлекаться ведущие в этой области предприятия, акционерные общества, НИИ и КБ. В функции структур, принимающих участие в выработке и реализации мер государственного регулирования энергосбережения в регионе, должны входить выбор приоритетных направлений энергосбережения на основе прогнозирования, темпов роста и отраслевой структуры промышленности и всего народного хозяйства, направлений и темпов роста научно-технического прогресса, текущей и прогнозируемой экологической ситуации в регионе; разработка форм и методов регулирования энергопотребления (ресурсосбережения) по приоритетным направлениям; разработка соответствующих рекомендаций; оценка эффективности предлагаемых мероприятий и ресурсов, необходимых для их осуществления; подготовка соответствующей нормативной базы.

Для стимулирования инвестиций, в том числе иностранных, в энергосбережении необходимо создать правовые условия для их привлечения, а также устранить информационный барьер в этой сфере между странами и регионами. Международные институты и государства, помимо проведения разумной энергосберегающей политики в регионах страны, решают и общечеловеческие проблемы обеспечения энергоресурсами, сдерживания эмиссии парниковых газов и глобального потепления. Следовательно, возможность совместного решения глобальных проблем развития цивилизации является сегодня одним из благоприятных факторов привлечения зарубежных инвестиций в энергосбережение России.

Таким образом, источниками инвестиций для реализации программ энергосбережения могут быть средства международных и зарубежных организаций, фондов и государств, бюджетов разных уровней, внебюджетных фондов и организаций, хозяйствующих субъектов РФ. При этом стимулированию энергосбережения может способствовать также применение традиционных способов экономического поощрения: льготы, в том числе налоговые, для предприятий, выпускающих продукцию, соответствующую мировым стандартам по показателю энергоемкости; амортизационные

льготы по налогу на прибыль, таможенным пошлинам на энергосберегающее оборудование; льготные кредиты; отсрочки выплат по кредитам; налоговые кредиты по энергосберегающим проектам, в том числе с участием иностранного инвестора. Возможность заниматься внешнеэкономической деятельностью становится новым позитивным фактором решения регионами экономических и социальных проблем.

Система административных методов стимулирования энергосбережения находится в стадии формирования и требует значительных корректировок. Кроме того, использование административных методов ограничено экономическими и финансовыми возможностями. В этой ситуации необходимо использование методов административного и экономического воздействия на осуществление и интенсивность реализации энергосберегающих мероприятий. В настоящее время при реализации программ энергосбережения все большее значение, на наш взгляд, следует придавать экономическим рычагам.

Для успешного проведения энергосберегающей политики в промышленности Республики Мордовия (РМ) необходимо разработать организационно-экономический механизм и создать нормативно-правовую, производственную и кадровую базы, которые позволили бы сделать энергосбережение не только выгодным, но и относительно простым.

Экономия энергоресурсов в производственной и непроизводственной сферах в Мордовии осуществляется далеко не в полной мере. Это объясняется неустойчивым финансовым положением большинства предприятий, неподготовленностью соответствующих служб, персонала к осуществлению мер энергосберегающей политики. К важнейшим задачам в этой сфере следует отнести системы нормативов потребления энергоресурсов, льгот и штрафов для потребителей и производителей энергии, энергосберегающего оборудования, приборов учета и контроля; систему контроля за использованием энергоресурсов в регионе; отработку методики обследования предприятий для выявления потенциала энергосбережения и выработки управленческих решений; организацию льготной торговли приборами учета, измерения и контроля за использованием энергоресурсов, специального энергосберегающего оборудования и материалов; выявление основных участников процесса управления энергосберегающей деятельностью, определение их функций, прав и обязанностей.

Со стороны государства следует предусмотреть ограничения в предоставлении финансовых средств для потребителей, не уделяющих достаточного внимания этим вопросам. С позиции организации энергосберегающей деятельности ключевым является вопрос о финансировании энергосберегающих проектов и программ. Каждый проект требует индивидуального решения при выборе источников, механизмов и схем финансирования. Следовательно, задачей совершенствования нормативно-правовой базы является расширение возможностей выбора таких решений.

Финансирование программ энергосбережения предполагается осуществлять за счет республиканского и местных бюджетов, средств инвесторов, собственных средств предприятий, ожидаемой в будущем экономии энергоресурсов. Достаточно существенная финансовая поддержка государства стимулирует привлечение инвестиций и вложение собственных средств в энергосбережение. Основным вариантом получения бюджетных средств является включение проектов по энергосбережению в региональные и федеральные программы.

Другой вариант финансирования энергосберегающих мероприятий, проводимых на промышленных предприятиях, предусматривает возвратный «револьверный» механизм финансирования из средств республиканского и местных бюджетов. Суть этого механизма состоит в том, что организации, выполняющей энергосберегающие работы на объектах бюджетной сферы, выделяется из бюджета начальный объем финансирования, значительно меньший требуемого для работ на всех объектах, но достаточный для выполнения энергосберегающих мероприятий на части объектов. В результате выполнения работ потребление энергоресурсов соответствующих объектов уменьшится. Для них можно будет снизить объем бюджетных дотаций на эти цели. Подобные дотации можно использовать для регионов, не имеющих собственных энергоресурсов. При этом часть полученной экономии бюджетных средств направляется на погашение полученных кредитов, а часть используется для целевого аккумулирования средств, предназначенных для финансирования энергосберегающих работ на следующей части объектов. Дальнейшее финансирование может осуществляться из бюджета и аккумулированных средств. В зависимости от величины начального финансирования, сроков окупаемости

проектов и доли реинвестируемых сэкономленных средств наступает момент, когда аккумулированных сэкономленных средств хватает для финансирования работ, а бюджет, ничего не инвестируя в программу, получает возможность снизить объем затрат на потребление энергоресурсов объектам бюджетной сферы. Здесь возможны различные варианты: реинвестирование в энергосбережение отсутствует, т. е. организация использует средства от экономии на собственные нужды; реинвестируется часть экономии; реинвестируется вся экономия.

Максимальные бюджетные вложения и их экономия получаются в последнем варианте. Однако в этом случае отсутствуют стимулы для организации, в которой проведены энергосберегающие мероприятия. Каждое бюджетное вложение в энергосбережение после окупаемости мероприятий и использования, например, в течение года полученной экономии, должно заканчиваться уменьшением бюджетного финансирования на величину экономии.

Для проведения подготовительных работ потребуются денежные ресурсы и подготовленные кадры. Наиболее простой путь получения необходимых средств — формирование фонда энергосбережения. Он формируется всеми участниками финансовой инфраструктуры региона с обязательным участием уполномоченного банка. Последнему законодательно определяются льготы на ведение инновационной деятельности по энергосберегающим проектам со сроком окупаемости 3—5 лет. Источниками наполнения фонда могут быть региональные тарифы на топливно-энергетические ресурсы; платежи промышленных предприятий за экологически вредные выбросы; штрафы, начисляемые Министерством природных ресурсов РМ и Мордовгосэнергонадзором в порядке их деятельности; доходы от использования временно свободных средств самого фонда (депозит и др.); добровольные взносы юридических и физических лиц. При создании фонда энергосбережения необходимо предусмотреть, с одной стороны, разумную централизацию средств, с другой — четкое распределение функций по внедрению систем управления энергосбережением между теми, кто будет иметь возможность пользоваться финансовыми средствами фонда.

Мощным средством реализации энергосберегающего потенциала региона должна быть нормативно-правовая регла-

ментация деятельности хозяйствующих субъектов в направлении формирования благоприятной экономической среды, включая соответствующую налоговую политику и доступ к льготному кредитованию. Система разработанных мер, безусловно, сделает энергосбережение экономически выгодным.

Систему управления энергосбережением должен возглавлять орган, авторитет которого позволил бы преодолевать межведомственные и другие барьеры, организовывать взаимодействие с федеральными структурами, координировать деятельность всех органов государственного управления в республике. Главными итогами реализации механизма управления энергосбережением будут достижение состояния энергетического насыщения экономики и превращение энергосбережения на предприятиях в крупный источник удовлетворения потребности региона в энергоресурсах. Вместе с тем политику энергосбережения следует направить не только на снижение дефицита топливно-энергетических ресурсов республики, но и на защиту окружающей среды.

Для территории Мордовии характерна высокая техногенная нагрузка. Негативное влияние энергетики на окружающую среду проявляется, во-первых, в количественном воздействии, т. е. в изъятии и потреблении природных ресурсов (кислород, вода, земля), во-вторых, в качественном воздействии отходов энергетического производства в виде вредных выбросов, отходов, побочных эффектов (теплового, электромагнитного, акустического загрязнения), нарушения ландшафтов территории, влияния на микроклимат.

Переход на энергосберегающий путь развития является необходимым условием успешной модернизации промышленности РМ, поэтому большое значение приобретает реализация республиканской программы энергосбережения. Мониторинг за ее реализацией необходимо вести всем государственным структурам, трансформируя ее в политику энергосбережения.

Поступила 27.04.11.

А. А. АДАМЕСКУ

РОЛЬ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ КАК БАЗОВОЙ ОТРАСЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ СТРАНЫ

Ключевые слова: базовая отрасль, черная металлургия, комплексный подход, программное планирование, технико-экономическая экспертиза, рыночные факторы, эффективность инвестиций, структурные сдвиги

Key words: basic branch, ferrous metallurgy, complex approach, programme planning, technical and economic expertise, marketing factors, investments efficiency, structural shifts

Со времени отмены крепостного права вплоть до начала Первой мировой войны по мере капитализации различных сторон жизни и формирования внутреннего рынка происходил рост всех отраслей хозяйства России. В то же время в техническом отношении наблюдалось значительное отставание от развитых капиталистических стран по ряду важных позиций. Кроме того, при огромных размерах геологически разнообразной территории страны оставались невыявленными огромные природные ресурсы. В результате, например, промышленность Петербурга и Балтийский военный флот использовали английский уголь, фосфориты ввозились из Алжира, корунд для абразивов — из Малой Азии, карбокорунд и глина для горшков — из Германии, серный колчедан — из Португалии, кварцевый песок — из Франции, камни (брусчатка) для мостовых — из Швейцарии¹. Черная металлургия как одна из базовых отраслей промышленности на всех этапах развития страны оказывала и продолжает оказывать существенное влияние на развитие и размещение производительных сил. Ее масштабы требуют подробного освещения.

АДАМЕСКУ Алеко Александрович, советник Председателя совета по изучению производительных сил (СОПС) при Министерстве экономического развития Российской Федерации и РАН, доктор экономических наук, профессор.

В начале XX в. Россия производила почти в девять раз меньше промышленной продукции, чем США, т. е. ровно столько, сколько они имели в 1860 г., еще до отмены рабства. Особенно сильно Россия отставала от передовых стран в развитии тяжелой промышленности, в том числе черной металлургии. Чугуна и стали в 1913 г. в России производилось на душу населения в восемь раз меньше, чем в Германии, и в 11 раз меньше, чем в США. В связи с уменьшением расходов угля и кокса на выплавку чугуна внимание металлургических заводов было обращено к железорудным базам. В зависимости от уровня развития техники менялась их роль. Сначала в России усиленно развивались регионы с легкоплавкими озерными рудами, в которых железо выплавляли в сыродутных горнах. Применение в доменном производстве древесного топлива выдвинуло на первое место Урал, где удачно сочеталось наличие железной руды и лесных ресурсов.

С размещением металлургических заводов менялась роль энергетического фактора. Так, в первой половине XVIII в., еще до паровых машин, основной двигательной силой была вода, она запускала механизмы путем привода. Металлургия Урала на водной двигательной силе работала больше 150 лет. Потребность в воде оказывала существенное влияние на размещение здесь металлургических заводов. Они «сажались» там, где при сооружении плотины можно было получить достаточный угол падения воды. Использование паровых машин внесло кардинальные изменения в географию металлургической промышленности. Усилилась роль каменноугольных районов.

В начале XX в. юг страны давал около 3/4 выплавки чугуна. На Урале, который удерживал первенство по этому показателю с начала XVIII в. до 80-х гг. XIX в., производилась пятая часть общего объема выплавки чугуна. Преимущество Урала с его железной рудой и лесными ресурсами перестало играть определяющую роль. Отдельные металлургические заводы, появившиеся еще в XVIII—XIX вв. в Выксе, Кулебаках, Омутнинске, по мере истощения руд меняли свой профиль. Позднее на всех заводах было ликвидировано доменное производство, а сталь начали выплавлять из металлического лома и передельного чугуна. Металлургия юга размещалась преимущественно в Донбассе,

на месте добычи угля, а в Кривом Роге и Керчи, где добывалась руда, было лишь по одному небольшому заводу.

Ведущую роль играли украинские и грузинские марганцевые руды. Так, Чиатурское месторождение с первых дней эксплуатации было тесно связано с мировым рынком. Экспорт чиатурской руды начался в 1879 г., с новой силой возобновившись с окончанием Гражданской войны в 1922 г. Это был один из источников валюты для восстановления народного хозяйства, а позднее — для индустриализации страны. Доля России в мировом экспорте марганца составляла в 1900 г. 48,8 %, а в 1913 г. — 51,0 %. При этом почти весь экспорт приходился на Чиатурский бассейн. Вместе с крупнейшими экспортёрами того времени (Индией и Бразилией) его доля достигла в 1913 г. 98 % мирового экспорта марганца.

Новый этап развития черной металлургии начался в послереволюционный период. Он требовал усиления научного и экономического обоснования намечаемых перспектив развития отрасли. Созданная в 1915 г. Комиссия естественных производительных сил Академии наук (КЕПС), с 1930 г. носящая название «Совет по изучению производительных сил» (СОПС), сразу после революции продолжила исследование природных ресурсов с целью их вовлечения в народно-хозяйственный оборот. Например, летом 1919 г. экспедиция П. П. Лазарева приступила к магнитометрическим исследованиям на Курской магнитной аномалии (КМА), находившейся тогда в прифронтной полосе. Определили место бурения скважины, и в 1923 г. были получены первые керны железистых кварцитов. Исследования на Кольском полуострове под руководством А. Е. Ферсмана, начатые в августе 1920 г., позволили не только обнаружить и разведать огромные залежи апатито-нефелиновых пород, но и позднее установить здесь наряду с мощными медно-никелевыми месторождениями наличие железных руд, молибдена, редких металлов.

Позднее, в 1931 г., в Комиссию АН СССР по проблемам Урало-Кузбасса, работавшую под председательством Г. М. Кржижановского и обосновавшую создание крупного народно-хозяйственного комплекса на востоке, от академических учреждений вошли исключительно представители СОПС — И. М. Губкин, А. Е. Ферсман, А. Ф. Иоффе, Н. С. Курпаков, А. Д. Архангельский.

К предвоенным годам сложились районы с концентрацией предприятий черной металлургии СССР: юг европейской части, Урал, Западная Сибирь, Центральный район. Южный металлургический район в годы довоенных пятилеток увеличил выплавку чугуна с 2,9 млн т в 1913 г. до 9,2 млн т в 1940 г., т. е. в три с лишним раза. Количественное увеличение производства металла сопровождалось большими качественными изменениями: была проведена реконструкция старых металлургических заводов, построены современные мощные металлургические комбинаты. В дореволюционном прошлом Урал был в основном районом древесноугольной плавки чугуна. После революции 1917 г. началась плавка чугуна на минеральном топливе. В 1932 г. дал первый чугун крупнейший на Урале металлургический завод — Магнитогорский, первое звено Урало-Кузнецкого комбината (УКК). Основная идея комбината заключалась в производственном сочетании уральских железных руд и каменного угля Западной Сибири. Но в первые же годы работы Магнитогорский завод стал частично получать каменный уголь из Караганды. С проведением железной дороги Акмолинск — Карталы железнодорожный путь от Караганды до Магнитогорска стал на 1 тыс. км короче, чем от Сталинска до Магнитогорска. В годы довоенных пятилеток на Урале были также пущены Новотагильский, Первоуральский металлургические заводы, Челябинский завод ферросплавов.

Западная Сибирь в предвоенные годы давала около 10 % всесоюзной выплавки чугуна. Железная руда для Кузнецкого завода привозилась в основном с Урала. Топливом служили угли Кузбасса. Свои особенности были и у Центрального района. Здесь металлургия была органически связана с машиностроением. Металлургические предприятия создавались при машиностроительных и металлообрабатывающих предприятиях. Например, завод «Серп и молот» в Москве стал производителем высококачественных сталей. Он работал в основном на машиностроительные предприятия центра. В Тульской области в годы довоенных пятилеток был построен Новотульский металлургический завод, в Липецке — Новолипецкий. Кроме местной, оба использовали железную руду Кривого Рога и КМА.

Увеличивались объемы добычи и переработки марганца на Украине и в Грузии, где сохранялась значительная доля

экспорта. В 1937 г. удельный вес СССР в мировом экспорте марганца составил 20 %. С 1937 г., экспорт никопольской руды был полностью прекращен. За границу вывозился только чиагурский марганец как более качественный. В то же время грузинские марганцевые руды начал использовать Зестафонский ферросплавный завод. В 1933 г. он выдал первую продукцию, а в 1941 г. наладил производство электролитического марганца. С созданием УКК, мощной индустриальной базы страны, решилась крупнейшая задача первых пятилеток. Этот момент требует более подробного рассмотрения. Перемещение производительных сил на восток связывалось с решением задачи исторической важности — созданием новой крупнейшей промышленной базы. К началу первой пятилетки замысел сооружения комбината, разрабатываемый на основе принципов размещения производства для достижения наиболее эффективного развития экономики страны, получил право на существование.

Для достижения высоких темпов развития народное хозяйство должно было располагать многими производственными очагами. В связи с этим в Постановлении ЦК ВКП(б) 1930 г. «О работе Уралмета» подчеркивалось, что «индустриализация страны не может опираться в дальнейшем на одну южную угольно-металлургическую базу. Жизненно необходимым... является создание на востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири»². Тем самым решалась задача обеспечения потребностей восточных районов в топливе и металле, достижения технико-экономической независимости страны, повышения ее индустриального потенциала и укрепления обороноспособности.

Примечательна история создания УКК. Еще в плане ГОЭЛРО отмечалась целесообразность использования в будущем уральской железной руды вместе с коксующимся кузнецким углем³. В последующих планах развития металлургии на востоке до первой пятилетки учитывались разработки так называемого «Урало-Кузнецкого проекта». К 1921 г. в Госплане СССР находились два его варианта, подготовленные Обществом сибирских инженеров, и вариант отдела металла ВСНХ. 17 июля 1923 г. II пленум Госплана принял резолюцию по докладу УралЭКОСО, одобrivшую идею создания

уральской металлургии на кузнецком топливе. В 1926 г. в Госплане подготовлен вариант Урало-Кузнецкого проекта в связи с работами по генеральному плану, согласно которому к 1935—1936 гг. намечалось выплавлять 2,5 млн т чугуна на Урале, 1,1 млн т — в Сибири. Кроме того, планировалось построить пять металлургических заводов (на Урале — на Магнитогорском, Алапаевском и Тагило-Кушвинском месторождениях железных руд, в Сибири — на Тельбесском и Минусинском)⁴. I Всесоюзный съезд плановых работников в 1926 г. высказался за неотложную разработку и практическое осуществление урало-кузнецкого проекта «как одного из крупнейших капитальных сооружений Союза»⁵.

В 1923—1928 гг. постепенно воплощались в жизнь отдельные пункты проекта: были пущены две коксовые батареи в Кемерове, введен исключительный тариф (0,33 коп./ткм) для перевозки кузнецкого угля на Урал, в уральских доменах начал выплавляться чугун на минеральном топливе Сибири. В 1928—1929 гг. это была 1/4 часть всего производства страны. В 1926 г. началась работа над проектом Магнитогорского металлургического комбината, а через два года на месте будущего металлургического гиганта забили первый колышек. Ранние проекты, хотя и правильно намечали решение ряда вопросов, страдали рядом недостатков: в них преуменьшались мощности заводов, занижались цифры задания по производству металла.

В отраслевом и районном томах первого пятилетнего плана в Записках по черной металлургии Уральской области и Сибирского края выдвигался новый вариант Урало-Кузнецкого проекта. На Урале намечалось построить три металлургических завода мощностью 600 тыс. т чугуна каждый, а в Западной Сибири — один завод производительностью 330 тыс. т продукции в год с последующим развитием до 600 тыс. т. В будущем предполагалось ввести здесь в строй и другие предприятия черной металлургии. В первом пятилетнем плане отмечалось, что «на осях угля Кузбасса и железной руды Урала мы создаем два новых центра основной промышленности Союза на востоке, достаточно мощные и многосторонние, чтобы служить опорными базами, удобно расположенными для последовательного продвижения на восток к его огромным природным ресурсам»⁶. Проблема Урала и Кузбасса рассматривалась под новым углом зрения

в качестве важнейшего звена освоения восточных районов. Продолжались традиции межотраслевого и регионального программного планирования, заложенные в плане ГОЭЛРО. Вместо отраслевых односторонних рекомендаций прежнего Урало-Кузнецкого проекта обосновывалась идея Урало-Кузнецкого комплекса или комбината. Была разработана крупная комплексная программа его формирования и развития.

Это сыграло важную роль в подготовке постановлений о второй угольно-металлургической базе страны. В пересмотренном в 1930 г. первом пятилетнем плане, особенно в плане второй пятилетки, были установлены огромные масштабы работ по УКК. Главной задачей его формирования стало обеспечение страны металлом. Черная металлургия — это материальная база индустриализации, реконструкции всего народного хозяйства. Поэтому ее размещение должно быть наиболее рациональным, эффективным, чтобы отвечать интересам экономики и обороны государства, удовлетворять потребности экономических районов в металле, соответствовать технико-экономическим условиям и особенностям его производства, а также обеспечивать наиболее продуктивную работу транспорта.

Потребность страны в черных металлах в конце первой пятилетки составляла 10 млн т чугуна, но, по расчетам ВСНХ СССР, уже в ближайшей перспективе она должна была достичь 17,6—20,0 млн т. При этом удельный вес восточных районов составлял 21—35 %, а с учетом тяготеющих к уральской металлургии европейских районов — не менее 40 %⁷. Для решения этой задачи районы УКК располагали крупным потенциалом природных богатств. Здесь было две трети всех топливно-энергетических ресурсов страны. Если общие запасы угля в Донбассе составляли 69 млрд т, то в Кузбассе — 400 млрд т. Причем большая их часть представляла собой высококачественные коксующиеся угли. Всего в Сибири и на Урале имелось 500 млрд т угля, или 90 % союзных запасов. По данным 1931 г., разведанные запасы железных руд на Урале превышали 1 млрд т (в 1926 г. было только 300 млн т), а всего в районах УКК — 1,2 млрд т. Это 35 % запасов железных руд в СССР. Крупнейшим месторождением было Магнитогорское (275 млн т). Учитывая недостаточность геологической разведки, предполагалось, что уральские запасы железных руд могут достичь 3—4 млрд т.

Слабее была обеспечена сырьем Сибирь: Горная Шория и Хакасско-Минусинский район (53 млн т)⁸.

Поскольку основные ресурсы железной руды находились на Урале, а коксующегося угля — в Кузбассе, то рациональным решением представлялось их сочетание при организации металлургической базы на востоке. Вопреки предложениям некоторых уральских экономистов Госплан и ВСНХ отклонили вариант, по которому металлургия развивалась только на Урале и тем более лишь на местных уральских углях. В то время признавалось возможным использование для металлургии кокса Кизеловского месторождения. Однако по качеству и запасам оно уступало кузнецким. Большие преимущества открывала работа уральской металлургии на чистом, бессернистом, коксе из кузнецких углей в сочетании с чистой рудой Урала. Это давало возможность массового производства металла повышенного качества по нормальной рыночной цене. На юге такой металл можно было получить лишь в электропечах при удорожании продукции на 20—25 %⁹. Что касается металлургии Западной Сибири, то, имея дешевый кокс, она должна была использовать привозную уральскую руду. Лишь в перспективе предполагался частичный переход на собственную рудную базу.

Сложной задачей стало обеспечение рациональных транспортных связей между Уралом и Кузбассом на расстоянии свыше 2 тыс. км. Предпосылкой служила сверхмагистрализация, в том числе электрификация железной дороги и введение льготного тарифа. Еще до разработки первого пятилетнего плана было установлено, что при перевозке кузнецкого угля большегрузными вагонами на Урал при концентрации потока и использовании смягченных уклонов пути по железнодорожной сверхмагистрали и обратной доставке руды себестоимость транспортировки составит 0,34 коп. за 1 т/км. Однако при проектировании Магнитогорского завода и разработке госплановского варианта УКК в 1926 г. была принята ставка 0,38 коп. Предполагалось, что в дальнейшем по мере увеличения грузооборота себестоимость уменьшится до 0,25 коп. Но даже ее снижение до 0,3 коп. за т/км при условии обратного провоза магнитогорской руды для Кузнецкого завода и полной загрузки порожняка давало накладной расход на 1 т уральского чугуна до 10 руб.¹⁰

Но и в этих условиях стоимость металла второй угольно-металлургической базы не превышала в целом показателей

юга, а в ряде случаев, особенно при учете качества, была ниже. Так, себестоимость тонны чугуна для Магнитогорского завода устанавливалась Гипрометом в размере 31,06 руб., а для Кузнецкого — от 32,96 до 35,52 руб. (в зависимости от железнодорожного тарифа 0,25 и 0,38 коп. за т/км). Себестоимость одной тонны чугуна для нового Криворожского завода на Украине была еще больше (35,66 руб.)¹¹.

Таким образом, на примере первых крупных металлургических заводов востока удалось доказать полную рентабельность создания УМК, хотя отдельные работники Госплана, ВСНХ, местных плановых органов выступали против его создания под предлогом «неэффективности». Так, Я. Б. Диманштейн, отчасти признавая некоторую роль Кузбасса и то лишь в отдаленном будущем, отрицал целесообразность широкого развития металлургии на Урале¹². Единственным оптимальным районом для черной металлургии противники УМК считали Украину, а «нерентабельность» отрасли на востоке усматривали в том, что расстояние между уральской рудой и кузнецким углем гораздо больше, чем между криворожской рудой и донецким углем — 2 тыс. против 400 км. При этом допускались неточности и даже фальсификация расчетов. Так, комиссия по металлу Госплана СССР исходила из стоимости перевозки кузнецкого угля на Урал в размере 0,68—0,85 коп. за т/км, т. е. в два-три раза выше действительной.

Некоторые инженеры и экономисты принимали во внимание только транспортные расходы, полностью игнорируя производственные издержки. Получалось, что использование кизеловского угля на Урале выгоднее, чем кузнецкого. Между тем себестоимость одной тонны кизеловского угля составляла 8,65 руб., а кузнецкого — 4,90 руб. Хотя первое месторождение находится в 253 км от Нижнего Тагила, а второе — в 2 148 км, однако тонна чугуна в Нижнем Тагиле на кузнецком коксе обходилась на 5 % дешевле при большем разрыве по капитальным вложениям в пользу кузнецких углей и несравненно более высоком качестве металла¹³.

Согласно решениям 1930 г. о развитии черной металлургии на востоке, помимо сооружения там Магнитогорского и Кузнецкого металлургических заводов, мощности которых постоянно увеличивались, намечалось спроектировать и построить новые крупные предприятия на минеральном

топливе: Тагильский и Бакальский. Кроме того, полным ходом шла реконструкция древесноугольной металлургии, ликвидировалась диспропорция между основными компонентами металлургического хозяйства: рудой, топливом, электроэнергией, огнеупорами, флюсами и т. д. Урал становился основной базой производства качественного металла.

Фундаментом УМК служили два металлургических комбината: Магнитогорский и Кузнецкий. Они должны были работать в паре: товарные составы, перевозившие уголь из Западной Сибири на Урал, в обратном направлении загружались уральской рудой. Первый комбинат по пересмотренному проекту имел мощность 3 млн т чугуна вместо 660 тыс. т, второй — 1,2 млн т вместо 330 тыс. т. Сортмент металла рассчитывался на обслуживание в основном железнодорожного транспорта и машиностроения¹⁴. Срок ввода в эксплуатацию первой очереди комбината намечался на середину 1932 г. — начало 1933 г. Во второй и третьей пятилетках вводились новые агрегаты, составившие вторую очередь. Проектная мощность комбинатов была 4,5 и 1,7 млн т соответственно¹⁵. Также предусматривалось сооружение Нижнетагильского, Орско-Халиловского и других металлургических заводов на Урале, в Сибири и Казахстане. Намечалось широкое строительство угольных шахт в Кузбассе, включая особо крупные на 500 тыс. — 1 млн т, на Урале, а во втором пятилетии — в Караганде.

УМК проектировался как эффективный многоотраслевой промышленный комплекс. Гигантский межрайонный комбинат вобрал в себя, помимо металлургических заводов и угольных шахт, связанные с ним коксохимические предприятия и заводы основной химии по производству азотных удобрений для потребностей среднеазиатского хлопководства, искусственного моторного топлива, анилинокрасителей и других продуктов. Производство металла стимулировало развитие его потребителей в основном на востоке: тяжелое, транспортное, энергетическое, сельскохозяйственное машиностроение, железнодорожный транспорт и т. д.

Цветная металлургия являлась не только поставщиком высокоценной продукции, но и источником производства серной кислоты, необходимой для функционирования предприятий основной химии. Доменные шлаки использовала цементная промышленность: потребность в цементе, как и

в других строительных материалах, была вызвана гигантскими масштабами капитального строительства. Растущие потребности населения требовали развития сельского хозяйства, пищевой, легкой промышленности, жилищно-бытового хозяйства городов и поселков. Для функционирования всего этого была нужна мощная энергетическая база: закольцованные районные электростанции и широкое транспортное строительство, железные дороги внутри Урала и Кузбасса, увеличение пропускной способности Транссиба, завершение строительства Турксиба, проектирование Южсиба и т. п.

Уже на первом этапе при создании основ комбината в начале 30-х гг. XX в. в него входили крупные объекты, действующие и строящиеся: шахты на семи угольных месторождениях, 15 предприятий черной металлургии, 5 объектов коксохимии и 14 — цветной металлургии, несколько химических и 12 машиностроительных заводов, 27 электростанций, 35 предприятий строительных материалов¹⁶. Во второй пятилетке УКК справедливо рассматривался как единое хозяйство на всей территории Урала, Западной Сибири и Казахстана¹⁷.

Народно-хозяйственная эффективность создания УКК включала политический, экономический, социальный, оборонный аспекты и выражалась в том, что обеспечивался мощный рост индустриального потенциала страны, была ее экономическая независимость, использовались крупные и экономичные природные богатства восточных районов; промышленное производство приближалось к топливу и сырью; производительные силы, включая трудовые ресурсы, размещались более равномерно. Мощная индустриальная база создавалась в глубинных районах, «срединной зоне», далеко удаленных от западных и восточных границ страны. Это имело первостепенное значение для ее обороны. Заметим, что известное преимущество географического положения комбината, большая удаленность от северных и южных воздушных границ не утратили актуальности и в эпоху ракетно-ядерного оружия.

Ликвидировалась экономическая и культурная отсталость многих национальных и аграрных районов в зоне УКК. В ходе индустриализации отпадала необходимость в огромных объемах перевозок угля и металла с Украины на восток, вызывающих значительное удорожание топли-

ва и сырья в местах потребления и осложняющих работу транспорта. Большая по сравнению с югом величина транспортных затрат в УКК перекрывалась экономией по добыче более дешевых углей и руды. Поэтому основная продукция УКК при ее высоком качестве была даже в самом начале не дороже, чем на Украине, а в перспективе в связи с рационализацией в сфере производства и транспорта намечалась тенденция к ее значительному удешевлению. Наряду с большой народно-хозяйственной эффективностью в самом УКК рост производительности общественного труда достигался удешевлением конечной продукции других районов, потреблявших металл и топливо Урала и Кузбасса. Создавался надежный плацдарм для дальнейшего широкого освоения Восточной Сибири, Дальнего Востока, севера Азиатской части СССР.

Решение нетрадиционных народно-хозяйственных задач требовало новой организации производства и планирования. Система плановых мероприятий по формированию второй угольно-металлургической базы имела наряду с ГОЭЛРО характер комплексной межотраслевой и региональной программы, хотя она не была окончательно и полностью оформлена, как это делалось позднее, в едином плановом документе, а развертывалась с ярко выраженной целевой установкой по всем разделам первого и второго пятилетних планов. Лишь в отдельных годовых планах ее пытались оформить в самостоятельный раздел. Ввиду крупных масштабов и сложности строительства нельзя было ограничиваться прежними формами и методами планирования. В частности, ставился вопрос о предплановой подготовке проектными организациями схем развития промышленных комплексов в осваиваемых районах (Урало-Кузнецком, Ангаро-Енисейском) и по их отдельным подрайонам, которые увязывали бы работу с генеральной перспективой¹⁸. В целом программа создания УКК для страны по значимости может быть сравнима только с планом ГОЭЛРО.

При практическом осуществлении плановых заданий и мероприятий встречались трудности по линии проектирования и строительства. Например, американская фирма «Мак-Ки», которой был заказан проект Магнитогорского завода, представила совершенно неприемлемый документ. В начале 1931 г. было предложено передать проектиро-

вание советским специалистам. Коллективы 17 проектных организаций во главе с Гипромезом успешно справились с заданием¹⁹. Были созданы крупные строительные организации: Магнитострой и Кузнецкстрой. Однако зачастую в работе различных предприятий в системе УКК отмечалось отсутствие необходимой координации: при строительстве объектов допускались отступления от проектов, возникали неувязки в сооружении взаимодополняющих предприятий и цехов и т. д. Все это вело к неоднократным переделкам, отставанию от графика и удорожанию работ. Таким образом, вопрос сводился не только к совершенствованию планирования, но и к организации оперативного управления УКК.

Во второй пятилетке, когда развернулись основные работы по созданию УКК, сюда направлялась четверть капиталовложений в народное хозяйство СССР, а также шло более трети вложений в тяжелую индустрию. В 1937 г. Урал, Западная Сибирь и Казахстан должны были дать 1/3 продукции черной металлургии страны, более 1/4 угля, почти 1/10 продукции машиностроения²⁰.

Менялась по сравнению с первой пятилеткой структура хозяйства УКК. По-особому развивалось сочетание угля и металла с развертыванием всего круга отраслей тяжелой промышленности. Комбинирование различных производств стало носить более глубокий, заверченный характер на основе тесных взаимосвязей энергетики, металлургии, химии, машиностроения. Формировались промышленные узлы: Магнитогорский, Нижнетагильский, Орско-Халиловский, Березниковский, Свердловский, Кемеровский, Сталинский (Новокузнецкий), Прокопьевский и др. Осваивались все новые месторождения: к магнитогорской руде подключались тагило-кушвинская, бакальская, халиловская, горношорская; к кузнецкому углю — карагандинский и т. д.

Принципиально новые задачи решались в отрасли с началом Великой Отечественной войны. Эвакуированные предприятия располагались в первую очередь на площадках действующих заводов и фабрик или строящихся ранее по плану третьей пятилетки предприятий-дублеров, а также на новых местах, в промышленных районах и центрах, имевших резерв мощностей энергосистем, обеспеченных топливом, сырьем, рабочей силой и располагавших строительной базой, возможностями для кооперирования и т. д.

Задача размещения этих предприятий на востоке облегчалась широко развернувшимся там в предвоенные годы капитальным строительством. Так, в 1940 г. было временно прекращено строительство Куйбышевской ГЭС, а мощности строительного управления «Куйбышевгидрострой» переключены на возведение предприятий-дублеров²¹. С началом войны их строительство ускорилося. Создавались дополнительные производственные площади для эвакуированных предприятий. При выборе мест дислокации в новых регионах учитывались не только текущие потребности, но и перспективы последующего мирного развития народного хозяйства.

Оборудование металлургических заводов юга и центра обычно направлялось в адрес тех промышленных предприятий, где его можно было полноценно использовать. На Магнитогорский металлургический комбинат поступало оборудование с заводов им. Дзержинского, Новотульского и др. (всего с 34 предприятий); на Новотагильский завод — с Краматорского, «Азовстали»; на Чусовской — с Енакиевского, Константиновского и др. Для создания мощностей по производству качественного металла на востоке на различные предприятия Урала вывозились отдельные цеха московского завода «Серп и молот» и подмосковного «Электросталь». Увеличение на востоке мощностей черной металлургии, особенно по выпуску качественного металла, являлось важнейшей задачей. Были существенно расширены Магнитогорский, Новотагильский, Кузнецкий и другие действующие заводы, построены новые (Челябинский трубопрокатный, Кузнецкий и Актюбинский ферросплавные, Новосибирский и Чебаркульский заводы качественной металлургии, магнитогорские калибровочный и метизный)²².

Мощности металлургии расширялись прежде всего путем форсированной достройки и ввода агрегатов, заложенных еще до войны. При этом сперва устанавливалось эвакуированное оборудование, а потом — новое. Кроме того, использовались свободные производственные площади действующих предприятий. Главной проблемой было ускорение выпуска высококачественных сталей. Доля качественного проката в валовом производстве проката в стране выросла в 1942 г. по сравнению с 1940 г. в 2,6 раза²³. На восток эвакуировались электропечи заводов «Электросталь» и «Днепроспецсталь», бронеовые станы Кировского и Мариупольского металлургии-

ческих заводов, а также «Запорожстали». Впервые в мире было организовано производство качественной брони и легированной стали в обычных мартенах, появился прокат броневых листов на блюминге, стали выплавляться ферросплавы в доменных печах.

Поскольку комплектно эвакуировать основные доменные и сталеплавильные агрегаты было невозможно, принимались меры по ликвидации образовавшегося на востоке разрыва мощностей между доменными и сталеплавильными переделами, с одной стороны, и проектным производством — с другой. Ускорялись темпы строительства доменных и мартеновских печей. Устранялись недостатки в комплексности развития черной металлургии востока, связанные с обеспечением ее железной и марганцевой рудой, коксом, ферросплавами, огнеупорами, а также с упорядочением специализации заводов. Сказывалось отсутствие броневых станов, малых мощностей прокатки труб для выпуска минометов и орудий, метизного производства. Именно в связи с этим было ускорено строительство важных объектов — челябинских трубопрокатного и металлургического заводов, а также расширение добычи марганцевых руд.

Повышению эффективности решения проблем военной экономики способствовало широкое участие коллективов научных учреждений, ведущих ученых. В начале сентября 1941 г. Президиум Академии наук СССР принял решение о создании Комиссии по мобилизации ресурсов Урала для обороны страны. Ее председателем был назначен президент АН СССР, председатель СОПС В. Л. Комаров. Его заместителем стал И. П. Бардин. Вокруг комиссии сплотился большой коллектив научно-технических сил. Новые формы научной работы, положенные в основу деятельности комиссии, заключались в объединении усилий работников научно-исследовательских учреждений, плановых и производственных организаций, органов управления для разработки комплексных мероприятий по развитию народного хозяйства в военных условиях.

За короткий срок, с сентября по декабрь 1941 г., коллектив комиссии, используя организационный опыт СОПС, изучил основные вопросы функционирования экономики Урала в условиях войны. Результатом стал доклад «О некоторых мероприятиях по развитию народного хозяйства Урала на

1942—1943 гг.», адресованный руководству страны. В апреле 1942 г. за этот труд основному составу уральской комиссии была присуждена Государственная премия первой степени²⁴. С мая 1942 г. по решению общего собрания АН СССР Комиссия по Уралу должна была распространять исследования на Казахстан и Западную Сибирь. Она стала называться Комиссией по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны. Ее выделили из состава СОПС в самостоятельную организацию. Во второй половине 1942 г. в ее состав входило около 60 научных учреждений и организаций, из них 16 были подведомственными АН СССР. В ней трудилось свыше 800 высококвалифицированных специалистов из научных, плановых и хозяйственных организаций, в том числе 18 академиков и 9 членов-корреспондентов АН СССР. Кроме того, в тесном взаимодействии с мобилизационной комиссией по близкой проблематике в 1939—1945 гг. на Урале функционировала уральская комплексная экспедиция СОПС под руководством И. П. Бардина.

Комиссия занималась почти всеми отраслями народного хозяйства: угольной промышленностью, электроэнергетикой, строительными материалами, лесной и химической промышленностью, водообеспечением, транспортом и др. В металлургических отраслях отдельные специалисты и их группы под руководством крупных ученых вели исследования по конкретным вопросам производства и работы предприятий: технология добычи и плавки руд, их обогащение, взаимозаменяемость сырья и топлива, устранение узких мест в производственных процессах и др.

Весьма остро в уральской металлургии стоял вопрос по обеспечению марганцевыми рудами. В его решение значительный вклад внесли группы под руководством А. Г. Бетехтина и М. А. Павлова. Большую помощь оказали специалисты комиссии вместе с работниками Уральской экспедиции в поисках, разведке и освоении новых месторождений молибденовых, никелевых, вольфрамовых, железных руд, а также вспомогательного сырья для черной металлургии. Предложения и рекомендации комиссии, как правило, без промедления внедрялись в практику.

В первые дни войны в составе Уральской комплексной экспедиции СОПС с подчинением И. П. Бардину была создана

ивдельская экономическая бригада, действовавшая с 1941 по 1944 г. Основные работы здесь выполняли В. А. Адамчук, И. А. Дорошев, А. М. Волков и А. Е. Пробат, позднее — М. И. Калгонов при подключении двух отрядов Уральского геологического управления. Геологические работы бригады курировал В. А. Обручев. Основная задача бригады заключалась в обосновании мер по обеспечению комплексности в широко развернувшемся строительстве по созданию новой сырьевой и топливной базы для Серовского (бывшего Надеждинского) металлургического завода за счет ранее открытых в районе Ивделя месторождений железных и марганцевых руд, а также каменного угля. Бригада предложила первоочередные мероприятия по сооружению нового участка железной дороги от Ивделя до Серова, вводу в эксплуатацию Полуночного марганцевого и первого Северного железорудного рудников²⁵.

Несмотря на войну, необходимо было разработать перспективные планы по отдельным районам востока. Так, Госплан начал готовить материалы хозяйственного развития Урала на 1943—1947 гг., разрабатывать план по развитию черной металлургии на Урале, в Сибири, Казахстане и добыче угля для кокования в Кузнецком, Карагандинском и Кизеловском бассейнах на 1945—1949 гг.

Наметился возврат к перспективному планированию. На заседаниях Госплана 22 и 25 февраля 1944 г. обсуждался вопрос о разработке по поручению правительства перспективного плана восстановления народного хозяйства в освобожденных районах, обеспечивающего там в короткий срок довоенный уровень производства²⁶. Начались работы по составлению плана восстановления и развития всего народного хозяйства страны. Разрабатывались планы восстановления и развития на 1943—1947 гг. угольной промышленности, черной металлургии, отдельных экономических районов. К августу 1944 г. проект перспективного плана был подготовлен, хотя и не утверждался, а в 1945 г. началась разработка четвертого пятилетнего плана²⁷.

В плановых проектировках большое значение придавалось послевоенному размещению производительных сил; обеспечению всех районов собственным топливом, электроэнергией, строительными материалами, продовольствием; устранению недостатков в размещении промышленности

при ее восстановлении в освобожденных районах с тем, чтобы больше не было нерациональных перевозок, имевших место до войны. Учитывались недостатки в первоначальных планах восстановления народного хозяйства, подготовленных в условиях военного времени. Предусматривалось более полное использование после войны технических достижений и мощностей военной промышленности для выпуска гражданской продукции. Планировалось увеличение производства металла на юге²⁸.

Война нанесла экономике колоссальный урон, но следует отметить, что при планировании военных операций с советской стороны ставилась задача не превратить в пустыню такие важнейшие промышленные районы, как Донбасс, Приднепровье и др. В этих целях ставка Верховного главнокомандования временно отказалась от проведения здесь крупных окружений немецких войск по примеру сталинградского²⁹.

На заключительном этапе войны начался постепенный перевод военной промышленности на выпуск гражданской продукции. Ряд решений правительства 1943—1945 гг. намечал важные мероприятия в этой области³⁰. Сложные задачи, стоявшие перед экономикой страны в период ее послевоенной перестройки, требовали обоснования для размещения производительных сил, всестороннего подхода при решении территориальных проблем. Многие из них не были связаны с текущим планированием и выходили за рамки разрабатываемых годовых и даже пятилетних планов.

После победы над фашистской Германией на заседании Госплана СССР 25 июля 1945 г. рассматривался вопрос о создании собственной железорудной базы в Сибири для Кузнецкого металлургического завода³¹. Было намечено подготовить для внесения на рассмотрение правительства доклад о восстановлении строительства железной дороги Сталинск — Абакан и развитии железорудной базы в Горной Шории. С этой целью предполагалось изучить возможность обеспечения Кузнецкого завода местной рудой за короткий период. В это же время должны были разрабатываться балансы кузнецких коксующихся и энергетических углей с учетом хозяйственного развития Западной Сибири, в том числе строительства второго Кузнецкого металлургического завода, а также карагандинских и уральских коксующихся

и энергетических углей с учетом обеспечения ими Магнитогорского металлургического комбината и намечаемого к строительству Карагандинского завода.

Проблемы развития и размещения предприятий черной металлургии неоднократно обсуждались и в последующие годы. Так, в мае 1946 г. рассматривался вопрос об очередности и способах разработки месторождений КМА и о строительстве Череповецкого металлургического завода. К проблеме освоения КМА Госплан вновь вернулся в 1949 г.³² Ряд проблем районного характера Госплан не считал возможным изучать изолированно от общих перспектив развития народного хозяйства страны. Например, на заседании 18 марта 1949 г. при обсуждении перспективного плана развития металлургической промышленности Восточной Сибири было признано целесообразным рассматривать его вместе с проектом Генерального хозяйственного плана СССР. В 1950 г. внимание Госплана СССР привлекло развитие Урало-Печорской угольно-металлургической базы, крупной межрайонно-межотраслевой проблемы. Был разработан комплексный план мероприятий, связанных с решением этой задачи³³.

Развитие черной металлургии входило в основное задание по комплексному развитию экономических районов на 5—8 лет, представлявшее по существу небольшую программу их предплановых исследований. Это был в известном смысле прообраз территориальных схем размещения производительных сил. На основе анализа развития хозяйства основных экономических районов в 1941—1950 гг., плана на 1951—1955 гг., а также материалов проектных научных и местных организаций намечалось разработать предложения об основных заданиях на 1956—1960 гг. по комплексному развитию хозяйства всех экономических районов. Например, для районов европейского севера выделялось развитие Печорского угольного бассейна и района строительства Череповецкого металлургического комбината, для районов центра — развитие железорудной базы КМА и др.³⁴

Восстановление и дальнейшее развитие промышленности сопровождались расширением отраслевых производственных комплексов. Так, помимо шахт, в угольных районах строились обогатительные фабрики. В металлургических регионах сооружались коксохимические заводы, рудники и горно-обогатительные комбинаты по добыче и переработке

железной и марганцевой руды. Возрождались и вновь создавались комплексные производственные базы по добыче угля, производству металла, машиностроению, другим отраслям народного хозяйства. Этот процесс сопровождался обновлением технического вооружения и производственной структуры предприятий. Например, на ряде южных металлургических заводов заново организовывался полный производственный цикл.

Размещение производительных сил необходимо оценивать с исторических позиций. При уровне развития транспорта тех лет и имевшихся возможностях развития основных промышленных баз было более рационально удовлетворять некоторые потребности за счет местного производства в пределах крупных территорий — основных экономических районов или их групп, а не увеличивать дальние перевозки народно-хозяйственных грузов. Это имело и важное оборонное значение.

Еще в плане третьей пятилетки, а также в проекте генплана на 15 лет, разработанного в начале 1941 г., ставился, например, ряд задач (ликвидировать перевозки донецкого угля в районы Севера, Урала, Средней Азии; расширить добычу угля в Кузбассе; организовать местные угольные базы; обеспечить сортаментную специализацию металлургии юга, центра, Урала, востока), чтобы ликвидировать встречные и чрезмерно дальние перевозки металла, усилить в металлургических районах собственную железорудную базу и т. д. Эта линия нашла свое продолжение и в послевоенный период. В основных экономических районах обеспечивалось комплексное развитие хозяйства. Предусматривалась не только их четкая специализация, но и удовлетворение значительной части своих потребностей за счет собственного производства.

Однако из-за ограниченности капиталовложений и по ряду других причин не все крупные комплексные проблемы, намеченные к решению в третьей пятилетке, осуществлялись в первые послевоенные годы. Так, пришлось отодвинуть создание металлургической базы в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, отказаться от некоторых других проектов. Например, не стали восстанавливать не отвечающие новым условиям предприятия в пострадавших от войны районах. Так, вследствие недостатка местной

руды, использовавшейся на заводе «Азовсталь», не было необходимости восстанавливать металлургический завод в Крыму. В первую очередь возрождались наиболее нужные стране и эффективные предприятия.

Как и в годы индустриализации, на первый план выдвигалась проблема темпов развития народного хозяйства. Именно с этих позиций рассматривался вопрос об эффективности капитального строительства и размещения производительных сил. Однако уже в годы первой послевоенной пятилетки дальнейшие сдвиги промышленности на восток способствовали повышению эффективности производства. В силу высокой концентрации производства, дешевизны кокса и более низких расходов по переделу металла экономические показатели черной металлургии на востоке были значительно лучше, чем на юге и в центре. В ходе размещения предприятий черной металлургии одновременно решались две задачи: восстановление довоенного уровня производства металла на юге и развитие металлургической базы на востоке.

Восстановление объектов южной металлургии требовало значительных усилий. На совершенно новой технической основе в районах юга были восстановлены 17 крупных металлургических заводов, 7 трубопрокатных и труболитейных предприятий³⁵. В комплексе с металлургическими предприятиями восстанавливались Криворожский железорудный и Никопольский марганцевый бассейны. Возрожденные заводы получали более совершенную структуру. Например, «Азовсталь» не только был воссоздан, но совершенно преобразился с организацией полного цикла. Для этого вдвое увеличилась мощность его железорудной базы — Камышбурунского комбината в Крыму.

В 1946 г. вступил в строй Узбекский металлургический завод в Бекабаде, заложенный во время войны. Для удовлетворения потребностей ленинградской промышленности в металле началось сооружение Череповецкого металлургического завода на базе местного металлолома, польской железной руды и печорских коксующихся углей. Строились также металлургический завод в Рустави, рассчитанный на переработку дашкесанских железных руд, ткибульского и тнварчельского угля, и Сумгаитский трубопрокатный завод для удовлетворения потребности Азербайджана в трубах для нефтяной промышленности.

Развитие черной металлургии на востоке определялось строительством Новотагильского и Челябинского металлургических заводов, расширением Магнитогорского и Кузнецкого комбинатов, сооружением Орско-Халиловского и Карагандинского заводов. Челябинский завод становился крупнейшим предприятием по выпуску качественного проката. Правда, в ходе осуществления планов четвертой пятилетки пришлось отложить намечавшееся строительство новых металлургических заводов в Сибири. Однако доля восточных районов в производстве стали выросла по сравнению с довоенным периодом с 32 до 52 %, но к 1955 г. из-за быстрого роста металлургии на Украине снизилась до 47 %³⁶.

С развитием выплавки чугуна планировалось укрепить и расширить железорудную базу восточной металлургии, а также предприятий по производству кокса. Осваивались новые месторождения железных руд: Комарово-Зигаинское на Урале для Магнитки, Темиртауское в Горной Шории для Кузнецкого комбината, Карасакпайское и Атасуйское в Казахстане для Карагандинского завода и др.

5 февраля 1955 г. председатель Госплана СССР М. З. Сабуров направил в ЦК КПСС предложение о перестройке работы Госплана и мерах по улучшению государственного планирования. 28 марта был представлен проект соответствующего постановления. Предлагалось значительно улучшить планирование размещения производительных сил и объектов капитального строительства. Для этого предлагалось обязать министерства разработать в течение 1955—1956 гг. схемы размещения предприятий важнейших отраслей промышленности на 10—15 лет, а Госплану совместно с министерствами рассмотреть перспективную схему размещения строительства новых предприятий. На основе одобренного доклада Госплан руководствовался разработанными предложениями при составлении проекта шестого пятилетнего плана. В марте 1955 г. был подготовлен проект решения Госплана о размещении промышленных предприятий³⁷.

При разработке проектов годовых и перспективных народно-хозяйственных планов должны были составляться расчеты производства и потребления многих видов продукции по экономическим районам на основе плановых балансов производства и потребления текущего года, а также отчетных балансов ЦСУ и министерств. Запрещалось рассматривать

планы изыскательских и проектных работ для строительства будущих лет, предложения по строительству отдельных предприятий без необходимых технико-экономических обоснований министерств и ведомств. Отмечалась необходимость при размещении объектов обязательно учитывать складывавшийся дефицит топлива и электроэнергии.

В 1956 г. началась реализация шестого пятилетнего плана, но по ряду причин потребовалось изменение заданий на последние два года пятилетки и разработка семилетнего плана на 1959—1965 гг. Главными задачами этого периода были всестороннее развитие производительных сил, всех отраслей экономики; значительное усиление экономического потенциала страны путем перевода народного хозяйства на более высокий технический уровень; обеспечение непрерывного повышения жизненного уровня народа. Особое внимание уделялось развитию современных прогрессивных отраслей и производств.

(Продолжение статьи в следующем номере журнала.)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: К истории открытия и изучения месторождений полезных ископаемых. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 3.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1970. Т. 4. С. 398.

³ См.: План электрификации РСФСР. М.: Политиздат, 1955. С. 526, 604.

⁴ См.: Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. 3. С. 190; Колосовский Н.Н. Будущее Урало-Кузнецкого комбината. М.: Соцэкгиз, 1932. С. 11—15.

⁵ Информационный бюллетень Госплана СССР. 1926. № 3. С. 11.

⁶ Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР ... С. 191.

⁷ См.: Сперанский А. Металл на Востоке // На плановом фронте. 1931. № 1. С. 14—15.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 20—21.

¹⁰ Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР ... С. 191—192.

¹¹ Там же. С. 238.

¹² См.: Диманштейн Я.Б. Проблема районирования металлопромышленности в связи с условиями промышленного развития Украины и Союза. Харьков: Госплан УССР, 1927. С. 202—203.

¹³ См.: Хомяков Е. Против равнения на узкие места // На плановом фронте. 1931. № 7. С. 12—13.

¹⁴ См.: Черная металлургия в СССР в первой пятилетке. М.: Соцэкгиз, 1931. С. 262—263.

¹⁵ См.: Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год: Госплан СССР, 1941. С. 114—115.

¹⁶ См.: Урало-Кузнецкий комбинат. Технико-экономическая модель. М.: Соцэкгиз, 1931. С. 8—9.

¹⁷ См.: Колосовский Н.Н. Будущее Урало-Кузнецкого комбината. М.: Соцэкгиз, 1932. С. 63.

¹⁸ ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 31. Ед. хр. 1667. Л. 3—5.

¹⁹ См.: История Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1977. Т. 4. Кн. 2. С. 138.

²⁰ См.: КПСС в резолюциях ... Т. 5. С. 144; 17 съезд ВКП(б). 26 января — 10 февраля 1934 г.: стеногр. отчет. С. 370, 405.

²¹ См.: Советский тыл в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1974. Кн. 2. С. 25.

²² См.: Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С. 71—72.

²³ См.: Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С. 52; История социалистической экономики СССР. М.: Наука, 1978. Т. 5. С. 301—307.

²⁴ См.: Адамеску А.А., Дьяконов Ф.В., Кистанов В.В. Комплексные региональные исследования производительных сил СССР (научно-исторический очерк). М.: СОПС, 1991. Ч. 1. С. 117—120.

²⁵ Там же. С. 129—130.

²⁶ ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 44. Ед. хр. 127. Л. 60—61; Ед. хр. 128. Л. 15, 71, 73, 78, 135; Оп. 45. Ед. хр. 1. Л. 20.

²⁷ Там же. Оп. 44. Ед. хр. 127. Л. 3—4, 38; Ед. хр. 128. Л. 85, 90; Ед. хр. 129. Л. 3.

²⁸ Там же. Оп. 43. Ед. хр. 121. Л. 56; Оп. 44. Ед. хр. 128. Л. 60—64.

²⁹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Изд-во АПН, 1974. Т. 2. С. 192, 198.

³⁰ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 115, 183—184, 191, 219, 239, 244.

³¹ ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 45. Ед. хр. 3. Л. 41, 42, 43.

³² Там же. Оп. 46. Ед. хр. 2. Л. 53—54; Оп. 48. Ед. хр. 905. Л. 1013.

³³ ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 50. Ед. хр. 12. Л. 72.

³⁴ Адамеску А.А. Капитальное строительство в четвертом и пятом пятилетних планах // Планирование размещения производительных сил СССР. М.: Экономика, 1985. Ч. 1. С. 280.

³⁵ ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 46. Ед. хр. 343. Л. 2.

³⁶ Рассчитано по: Промышленность СССР. 1957. С. 113.

³⁷ ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. 55. Ед. хр. 2. Л. 71, 78—79, 311; Ед. хр. 172. Л. 13.

Поступила 06.05.11.

**Е. В. ПОВЕРЕНОВ ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ
НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ
СТРАН ЕВРОСОЮЗА
И ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ
НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Ключевые слова: налоговая политика, налоговое законодательство, налоговые органы стран Евросоюза, территориальные налоговые органы России, организация налоговых органов

Key words: taxation policy, taxation legislation, taxation bodies of the European Union, territorial taxation bodies of Russia, taxation bodies organisation

Изучение налоговой работы стран Евросоюза, имеющих долгосрочный опыт налогообложения, позволяет сделать вывод и оценить положительные и отрицательные достижения их деятельности и избежать ошибок налоговых органов России в будущем. Налоговая политика большинства стран Евросоюза ориентирована на использование стимулирующих или сдерживающих методик. Территориальные налоговые органы Российской Федерации сформированы с учетом опыта деятельности стран Евросоюза, особенно Германии и Франции. При этом исключалось полное копирование налоговой работы территориальных налоговых органов этих стран.

Налоговая практика деятельности стран Евросоюза предполагает два вида внутренней организации территориальных налоговых органов: функциональный и по типам налогов. Организационным вопросам в налоговом законодательстве стран Евросоюза отводится значительное место, но приоритет отдается принципам удобства расчета и уплаты налогов для плательщика. Налоговый процесс идет в положительном режиме, так как налогоплательщик стран Евросоюза знает, что он защищен законодательно, имеет высокую социальную обеспеченность, и это реализует общую концепцию сотрудничества налоговых органов и налогоплательщиков¹.

¹ ПОВЕРЕНОВ Евгений Васильевич, аспирант кафедры налогов и налогообложения Мордовского государственного университета.

Территориальные налоговые органы стран Евросоюза должны соблюдать два правила: планировать и осуществлять свою деятельность в интересах государства, наполняемости бюджетов, и в то же время признается важное право налогоплательщика — невмешательство в его частную жизнь. Однако до 75 % налоговых деклараций остаются в судах, и это считается нормой.

Общая культура отношений распространяется и на налоговый процесс. Организация деятельности территориальных налоговых органов РФ существенно отличается от организации деятельности территориальных налоговых органов стран Евросоюза. В качестве примера можно привести начальный этап развития деятельности территориальных налоговых органов РФ. При их формировании с применением опыта стран Евросоюза был основан тип организации деятельности территориальных налоговых органов по функциональному принципу.

По функциональному принципу организации территориальных налоговых органов в странах Евросоюза различают нормативные функции, существующие на общенациональном уровне, т. е. законодательство утверждается на высшем уровне, и у субъектов нет права их изменить. Оперативные функции принадлежат территориальным налоговым органам. Исходя из структуры территориальных налоговых органов РФ того времени, необходимо было применить тип их организации по видам налогов. Все страны имеют разные потребности и находятся на разных уровнях экономического развития, но они объединены наполнением бюджетов разных уровней от налоговых поступлений, что требуется от территориальных налоговых органов.

Из опыта стран с федеративным устройством с точки зрения выбора приоритетов в налоговой работе территориальных налоговых органов можно выделить Германию. Для нее важной чертой является четкое разграничение компетенции между федерацией, землями и местными властями. Федерация и земли по отдельности несут расходы, возникающие при выполнении своих функций. В РФ необходимость этого принципа назрела давно, так как финансовое обеспечение территориальных налоговых органов субъектов РФ неравномерно. Существенная разница состоит в том, что надзор за деятельностью территориальных на-

логовых органов осуществляет департамент Федерального налогового управления. Специалисты налогового ведомства высшего звена проводят анализ деятельности территориальных нижестоящих налоговых органов².

Аналогично можно сравнить оптимизацию налоговой системы в России и Германии. Оптимизация налоговых платежей в России приняла не совсем рациональные формы. Налоговые консультанты применяют различные схемы не оптимизации, а ухода от налоговых платежей. Предприниматель, убежденный, что его налоговые платежи оптимизированы, не знает, что совершил налоговое преступление. Это одна группа оптимизации, другая — уже в сговоре, совершает уход от уплаты налогов.

Налоговый кодекс Германии содержит положение, направленное против злоупотребления законом. Налоговый закон нельзя обходить при помощи злоупотребления структурами, доступными в силу закона. Если происходит такое злоупотребление, налог будет причитаться к оплате, как в случае юридических мер, адекватных экономическим сделкам.

Законодательное намерение заключается в предотвращении уклонения от налогов. В этих целях уклонение от налогов определяется как налоговое планирование с использованием законных структур, но способом, который не входил в намерения законодателя. Определенная структура, созданная налогоплательщиком для сокращения налогов, может игнорироваться, если она не оправдана экономическими или другими достоверными налоговыми причинами. Верховный налоговый суд признает структуру, вводящую в заблуждение, когда она неуместна, осуществляется с целью сокращения налоговой ответственности и не поддерживается полным смыслом трактованием закона с учетом целей и задач законодательства³.

Налоговое планирование с использованием необычных структур также может игнорироваться, поскольку в законодательные намерения входило, чтобы налогоплательщик подлежал налогообложению, от которых он пытается уклониться. Этот режим деятельности территориальных налоговых органов Германии по изобличению схем оптимизации необходим территориальным налоговым органам РФ, потому что миллионы рублей ежегодно уходят из бюджетов разных уровней по «черным» схемам оптимизации⁴.

Анализ налогового законодательства Германии позволяет сделать вывод о двойных стандартах вследствие того, что налоговые органы не вправе запрашивать у банков сведения, касающиеся видов депозитных банковских счетов налогоплательщиков или размеров сумм, находящихся на их банковских счетах, если проводимое ими расследование не предполагает необходимости получения таких сведений.

Российские территориальные налоговые, участвуя в принятии налогового законодательства, смогли бы также внести практические коррективы.

Важное значение приобретает борьба территориальных налоговых органов с налоговыми правонарушениями. Вместе с тем в развитых странах Евросоюза важное значение в работе налоговых органов все большее распространение и поддержку получает точка зрения, согласно которой концентрация усилий налоговых органов на непосредственной борьбе против нарушителей налоговых законов малоперспективна и недостаточно эффективна, и поэтому необходим перенос внимания на использование мер профилактического характера: реформирование учетной работы, укрепление и совершенствование механизмов превентивного контроля, воспитание налоговой этики и самодисциплины налогоплательщиков. Радикальное улучшение ситуации в этой сфере, как показывает опыт, достигается за счет обеспечения большего равенства и справедливости в системе налогообложения, за счет общего упрощения налоговой системы и применяемых методов обложения и отчетности и в результате снижения неоправданно высоких ставок отдельных налогов и сокращения общего налогового бремени населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Аронов А.В., Кашин В.А. Налоги и налогообложение. М.: Магистр, 2009. 576 с.

² См.: Кашин В.А. Налоги и налогообложение. М.: Магистр, 2008. 365 с.

³ См.: Аронов А.В., Кашин В.А. Налоги и налогообложение ...

⁴ См.: Пансков В.Г. Налоги и налогообложение. М.: Изд-во Юрайт, 2010. 680 с.

Поступила 06.06.11.

М. Ю. ПРИСЯЖНЫЙ

СОВРЕМЕННАЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

Ключевые слова: высшее образование, Россия, анализ территориальной организации

Key words: higher education, Russia, territorial organisation analysis

Важным достижением региональной политики в сфере высшего образования в советский период стал тот факт, что в 1990 г. во всех республиках, краях и областях РСФСР функционировали высшие учебные заведения. Высшая школа стала обязательным элементом территориальных социально-экономических систем первого порядка, однако, как правило, отставала от развития хозяйственного комплекса.

После распада СССР России досталась мощная база высших учебных заведений. Несмотря на экономические, социальные и политические трудности, система высшего образования России не только сохранилась, но и значительно увеличилась. Если в начале 90-х гг. XX в. в России было около 600 вузов, то в начале XXI в. их количество превысило 1 000. Это связано с тем, что появился негосударственный сектор высшего образования, начали открываться негосударственные вузы. Существенно увеличилась (почти в 3 раза) численность студентов на 10 тыс. населения. Массовая «университетизация» высших учебных заведений в начале 90-х гг. XX в. привела к размыванию понятия «университет», вызвала необходимость выделения «классического» университета из общей совокупности вузов.

Университет как высшее учебное заведение, деятельность которого направлена на развитие образования, науки и культуры, складывался в средневековой Европе. Изначально воз-

ПРИСЯЖНЫЙ Михаил Юрьевич, заведующий кафедрой североведения Северо-Восточного федерального университета, кандидат географических наук, доцент (г. Якутск).

никли две модели университетского образования: немецкая исследовательская и английская интеллектуальная. Целями «исследовательского» подхода являются единство обучения и исследования, автономия, академическая свобода в поиске и обучении, включение университета в общественную жизнь, поддержание его целостности. Цели «интеллектуального» университета — развитие интеллекта посредством обучения, формирование общей культуры и гражданственности, расширение знаний, поддержание стандартов истины, свободы и демократии. Позже американская модель университета совместит в себе эти модели, а также сервисную функцию университетской корпорации в ответ на потребности среды.

Россия позже большинства европейских государств осознала необходимость создания специальных высших профессиональных учебных заведений и позже других стран приступила к созданию государственной системы высшего образования. К моменту появления в начале XVIII в. первого российского академического университета в Европе насчитывалось уже около 100 университетов.

В исторической науке существуют две различные точки зрения на появление первого университета в России. Одни историографы (А. И. Аврус, Е. С. Кулябко, Ю. Д. Марголис, Л. С. Семенова) датируют его появление в Санкт-Петербурге в 1724 г. (Академический университет), вторые (А. Ю. Андреева, Ю. П. Господарик, В. Ф. Хотеевков и др.) — в Москве в 1755 г. (Московский университет).

В основу развития первых российских университетов положены основные принципы модели германского исследовательского университета В. Гумбольдта (фундаментальность образования, академическая свобода в преподавании и исследовании, обучение через исследование, отказ от утилитарного знания и господства эмпирической науки, автономность образовательного учреждения, господство гуманитарного знания). С момента появления первых университетов стала складываться университетская система России, при этом многие черты европейского образования не были развиты, так как российские университеты не имели признака автономности и постоянно находились под влиянием государства, сильной централизованной власти, что не позволяло реализовать принцип автономии, академических свобод. Одним из факторов, обусловивших формирование

модели отечественного университета, считают ее религиозно-культурные основания: православная ветвь христианства не способствовала рационализации жизнедеятельности общества, формированию ценностей индивидуализма.

Первые университеты создавались в учебных округах с целью развития региона и создания единого образовательного пространства. Они были ориентированы на удовлетворение потребностей региона и страны в высококвалифицированных специалистах с высоким уровнем культуры и эрудиции. В дореволюционной России университетское образование в основном было элитарным. К 1917 г. сложилась отечественная университетская система, воспринявшая многие черты немецких и французских университетов. Российские университеты давали глубокие знания в области фундаментальных наук, профессора читали авторские курсы, специализация вводилась на старших курсах, существовала тесная связь с академической наукой, предъявлялись высокие требования к магистерским и докторским диссертациям и т. п. Этот период обозначен значительными достижениями университетов России, формированием их авторитета в стране.

В 20-х гг. XX в. произошли существенные изменения: были ликвидированы гуманитарные факультеты и кафедры, преподавание философии заменено изучением партийной идеологии, многие университеты были раздроблены на более мелкие учебные заведения, высшее образование стало более профессионально ориентированным за счет введения узкоспециализированных специальностей и курсов обучения. Исчезал классический университет с набором характеристик этого учебного заведения. Образование стало более реальным. В конце 30-х гг. в университет возвращается наука, восстанавливаются черты классического образования. В начале 60-х гг., в период либерализации жизни общества, признается роль научного предназначения университетов, а к 70-м гг. они стали носить характер исследовательских центров. В 50—70-е гг. наблюдается тенденция трансформации педагогических институтов в классические университеты, что было обусловлено развитием научно-технической революции и новыми требованиями к уровню и числу подготовки специалистов¹. В начале 70-х гг. организуется Совет университетов, уполномоченный способствовать повышению роли университетов в системе

высшего образования². В 2000-х гг. в РФ функционирует уже около 1 400 образовательных учреждений, реализующих программы высшего образования. Университеты составляют 28,0 % от общего количества высших учебных заведений, институты — 57,7 %, академии — 14,3 %. Государственная система высшего образования представляет собой следующую структуру: университеты — 52,5 %, академии — 25,2 %, институты — 22,3 %. В негосударственном секторе 95,2 % вузов имеют статус института, 2,8 % — академии, 2,0 % — университета. Кроме того, в РФ функционирует более двух тысяч филиалов государственных (1 317) и негосударственных (719) вузов³.

Анализ программ, реализуемых в филиалах высших учебных заведений, показывает, что наиболее часто там представлены экономические, педагогические и гуманитарные специальности. Экономические специальности составляют более 40,0 % (обучаются 46,5 % студентов филиалов), педагогические — 17,2 % (доля студентов составляет 23,8 %) ⁴.

Понятие «классический университет» ввел съезд Евразийской ассоциации университетов (ЕАУ) в 1991 г., а в 1997 г. оно было легализовано в связи с его определением как «высшего учебного заведения, осуществляющего образовательную и фундаментальную научно-исследовательскую деятельность в системе естественно-научных, гуманитарных и социально-экономических областей знаний»⁵. Наиболее значимыми характеристиками «образцового» классического университета являются фундаментальность образования, обучение через исследование, свобода преподавания и учения, наличие автономии и широкого самоуправления, важная роль в развитии просветительской и культурной жизни региона и др. Основной составляющей университетского образования также является гражданская и гуманитарная идеология, направленная на преодоление бюрократической или корпоративной логики, различных оттенков национализма и технократического профессионализма.

К качественным критериям относятся возможность вести обучение на всех ступенях образовательного процесса; длительное сотрудничество с учреждениями науки; наличие в составе вуза учебно-научных центров и комплексов, НИИ, уникальных учебных и научных подразделений, научно-педагогических школ, магистратуры; выполнение вузом функций

регионального научно-методического центра, воспитательной и культурно-просветительской работы в вузе и регионе. Количественные критерии — срок функционирования вуза как классического университета, наличие библиотечного фонда более 1 млн экземпляров и др.

Таким образом, *под образцовым классическим университетом можно понимать высшее учебное заведение, осуществляющее подготовку в системе естественно-научных, гуманитарных и социально-экономических областей знаний, ведущее фундаментальную научно-исследовательскую деятельность, воспитательную и культурно-просветительскую работу в вузе и регионе, а также выполняющее функции учебно-методического, информационного центра и центра международного сотрудничества.*

Российские традиции сильного государства, неразвитости правовых начал, демократичности несколько умалили значение университета как самостоятельного и независимого образовательного центра, но не смогли сдержать появления научной традиции⁶.

На территории России в базе данных «Вузы России» зарегистрирован 91 классический университет⁷. Все они были основаны в разные исторические периоды развития страны. В период до 1917 г. основаны 12 вузов: в XVIII в. — Санкт-Петербургский государственный университет (1724 г.) и Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (1755 г.). В течение XIX в. основаны 4 вуза, и еще 6 вузов появились в начале XX в. Из 12 вузов дореволюционной России только два университета находились вне европейской части страны. Это Томский государственный университет (1878 г.) и Дальневосточный государственный университет (1899 г.). Основная подготовка специалистов с высшим образованием была в центре страны. Сибирь и Дальний Восток в тот период были отсталыми в экономическом отношении и особо не нуждались в местных высококвалифицированных кадрах.

В период советской власти было основано большинство вузов, имеющих в данный момент статус классического университета (61 вуз). Из них до Великой Отечественной войны вузовский, а позднее университетский, статус обрели 24 вуза, а после нее — 35. Удивительно, что даже в тяжелейшие годы войны развитие высшего образования

не стояло на месте. Было образовано два вуза в 1943 г.: Южно-Уральский государственный университет (в настоящее время он является одним из крупнейших университетов страны) и Пензенский государственный университет. Их открытие связано с эвакуацией в более безопасные районы научных материалов и оборудования университетов. Из 61 вуза 18 были основаны в Сибири и на Дальнем Востоке. Это свидетельствует о возросшей потребности в высококвалифицированных специалистах в связи с промышленным освоением этих территорий.

После 1991 г. появились еще 18 образовательных учреждений, которые признаются экспертами классическими университетами. При этом 4 из них открылись в национальных республиках, а 2 — в автономном округе. Основанием для их открытия, вероятно, было возрождение национального самосознания проживающих там народов.

Из 91 вуза с момента основания имели статус классического 56 образовательных учреждений, остальные получили его позже. Один вуз получил этот статус в период царской России, 11 — в советский период, 23 — в постперестроечное время.

Следует отметить, что распределение классических университетов по территории страны, как и других видов высших учебных заведений, отнюдь не равномерно. Наибольшее количество классических университетов (18) находится в Центральном экономическом районе. Лидером по количеству университетов здесь и в масштабе всей страны является Москва (8 университетов). Во всех субъектах этого района, кроме Смоленской области, имеются классические университеты. Район является лидером по количеству университетов, во-первых, благодаря тому, что на его территории находится г. Москва, старейший центр высшего образования России; во-вторых, в связи с тем, что район занимает первое место по количеству субъектов Федерации. В настоящее время явная тенденция образовательной политики России такова, что каждый субъект Федерации должен иметь классический университет⁸.

Второе и третье место разделили Северо-Кавказский и Уральский экономические районы, в каждом из которых есть по 10 классических университетов. Северо-Кавказский экономический район занял это место, так как в его со-

став входят десять регионов, семь из которых — национальные республики, и во всех из них есть университет. В Уральском экономическом районе, кроме семи регионов, в которых есть университеты, находятся мощные образовательные центры — Екатеринбург и Челябинск, в которых действуют по 2 университета. Кроме того, университет имеется в таком крупном городе, как, например, Магнитогорск (Челябинская область). В Челябинской области находятся три классических университета, в Свердловской — два, в остальных субъектах Урала — по одному.

Четвертое и пятое место разделили Западно-Сибирский и Поволжский экономические районы, имеющие по 9 классических университетов. В Западно-Сибирском экономическом районе из девяти субъектов университет отсутствует только в Ямало-Ненецком автономном округе, зато в Ханты-Мансийском есть два классических университета. Это вызвано вполне понятными причинами: на территории округа проживает небольшое по численности население, нет крупных городов, поэтому открывать там университет пока нет необходимости. В Поволжский экономический район входят восемь субъектов Федерации, в семи из которых есть по одному университету. Только в Самарской области (в городах Самара и Тольятти) работают два университета.

На шестом месте находится Дальневосточный экономический район, в котором из десяти субъектов классических университетов нет в трех. Это Еврейская автономная область, Чукотский и Корякский автономные округа. Отсутствие здесь университетов вызвано теми же причинами, что и в Ямало-Ненецком автономном округе. На Дальнем Востоке и в Приморском крае есть два классических университета, и оба они находятся во Владивостоке.

На седьмом месте по количеству классических университетов находится Восточно-Сибирский экономический район (7 образовательных учреждений). Нет классических университетов в Усть-Ордынском и Агинском Бурятском автономных округах. В Иркутской области (в Иркутске и Братске) находятся два таких университета.

На восьмом месте стоит Волго-Вятский экономический район, в пяти субъектах которого находятся 6 классических университетов. Два университета расположены в Кировской области (г. Киров).

Девятое и десятое место делят между собой Северо-Западный и Центрально-Черноземный экономические районы с десятью классическими университетами на двоих. В Северо-Западном экономическом районе из четырех субъектов РФ нет университета в Псковской области. В г. Санкт-Петербурге их два. В Центрально-Черноземном экономическом районе во всех пяти субъектах РФ есть по одному классическому университету, причем в Липецкой области — в г. Елецке.

На последнем, одиннадцатом, месте находится Северный экономический район с четырьмя классическими университетами. Из шести субъектов РФ этого района нет классических университетов в Мурманской области и Ненецком автономном округе. Эти субъекты находятся практически на Крайнем Севере, в суровых климатических условиях, и там проживает относительно малочисленное население. Открытие там классических университетов пока не представляется целесообразным.

Таким образом, из всех субъектов РФ лишь в одиннадцати нет классических университетов. Это 4 области (Мурманская, Псковская, Калужская и Смоленская), автономная область (Еврейская), 6 автономных округов (Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Усть-Ордынский, Агинский Бурятский, Чукотский и Корякский). Из семидесяти пяти субъектов Федерации, где есть классические университеты, более одного имеют г. Москва — 7, Челябинская область — 3, г. Санкт-Петербург — 2, Кировская область — 2, Самарская область — 2, Свердловская область — 2, Иркутская область — 2, Приморский край — 2, Ханты-Мансийский автономный округ — 2.

Таким образом, в России функционирует 91 классический университет, в которых представлена огромная палитра основных образовательных программ по всем группам специальностей. Что касается размещения классических университетов, то они расположены в 75 субъектах РФ. По мере того, как будет проводиться государственное регулирование качества подготовки в вузах страны, роль классических университетов будет более весомой. Подтверждением этому стали процессы формирования сети ведущих вузов страны (национальных, федеральных и исследовательских), происходящие в течение 5—6 последних лет. Однако характер этих изменений и их влияние на развитие страны и регионов пока оценить сложно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Татур Ю.Г. Высшее образование в России в XX веке // Высшее образование в России. 1994. С. 140—155.

² См.: Высшая школа России: состояние и проблемы развития. М.: НИИВО, 1993. 84 с.

³ См.: Антипин Е.В., Курчатов Е.А., Присяжный М.Ю. Общая структура и характеристика высшего образования России // Региональные исследования системы образования. Вып. 1. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2006. 27 с.

⁴ См.: Государственная аккредитация учреждений высшего, среднего и дополнительного профессионального образования: аналит. отчет. М.: Национальное аккредитационное агентство в сфере образования, 2006. 192 с.

⁵ Ерофеев Д.Ф. Развитие современных классических университетов в России в контексте Болонского процесса (педагогический аспект): автореф. ... канд. пед. наук. Краснодар, 2006. 23 с.

⁶ См.: Университеты России: проблемы регионализации. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1994. 189 с.

⁷ См.: База данных Росаккредагентства. Справочник «Все вузы России». URL: abi-tur.nica.ru (дата обращения: 15.06.2011).

⁸ См.: Антипин Е.В., Курчатов Е.А., Присяжный М.Ю. Классические университеты в системе высшего профессионального образования России // Региональные исследования системы образования. Вып. 2. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2007. 72 с.

Поступила 20.06.11.

М. В. ПОСТНОВА Н. В. БРЫКИНА

ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА СЕЛЕ

Ключевые слова: непрерывное образование, профильное обучение, школа, профессиональное образование

Key words: continuous education, profile training, school, professional education

Одну из ведущих позиций по отношению к проблеме воспроизводства кадрового потенциала региона призвана занять система образования. Формирование конкурентоспособной личности является результатом непрерывного образования как процесса развития личности в реально функционирующей системе государственных и общественных учреждений, обеспечивающих возможность общеобразовательной и специальной подготовки человека. Целевая установка современной системы образования на развитие личностных качеств и компетенций выпускников, обеспечивающих их

ПОСТНОВА Марина Викторовна, заведующая кафедрой экономики и управления на предприятиях АПК Ульяновской государственной сельскохозяйственной академии, кандидат экономических наук.

БРЫКИНА Наталья Владимировна, аспирант кафедры экономики и управления на предприятиях АПК Ульяновской государственной сельскохозяйственной академии.

конкурентоспособность, направленность на образование и самообразование в течение всей жизни, диктуется высокой скоростью устаревания профессиональных знаний. Идея непрерывного образования уже с 70-х гг. XX в. стала основным принципом образовательных реформ почти во всех странах.

В Концепции Федеральной целевой программы развития образования РФ на 2006—2010 годы непрерывное образование определено как процесс роста образовательного потенциала личности в течение всей жизни на основе использования системы государственных и общественных институтов и в соответствии с потребностями личности и общества¹. Т. Б. Наумова в качестве главной цели непрерывного образования рассматривает пожизненное обогащение творческого и профессионально значимого потенциала личности. Непрерывное образование — это новый взгляд на образовательную практику, которая провозглашает учебную деятельность человека как неотъемлемую и естественную составляющую часть его образа жизни в любом возрасте².

В. Л. Аношкина и С. В. Резванов под непрерывным образованием понимают не механическое движение личности от дошкольного к общему среднему, профессиональному (начальному, среднему, высшему), послевузовскому образованию, а гармоничный процесс циклического обновления личности на каждом из указанных этапов развития. Непрерывность в образовании реализуется в личностно-мировоззренческих установках, образовательных программах и сети учебных заведений³.

Во Всемирном докладе ЮНЕСКО в 2005 г. отмечено, что «учиться на протяжении всей жизни должно обрести смысл на трех уровнях: личное и культурное развитие, составляющее смысл существования каждого человека; социальное развитие, связанное с местом, занимаемым человеком в обществе, с его гражданской позицией; профессиональное развитие, обеспечивающее надежную и качественную работу и связанное с производством, получением профессионального удовлетворения, материальным благосостоянием»⁴.

Анализ понятия «непрерывное образование» приводит нас к выводу, что главной его целью является многообразное, охватывающее всю жизнь, образование человека. С одной стороны, непрерывность подразумевает взаимосвязь всех этапов образовательного процесса, т. е. преемственность

содержания образовательной деятельности при переходе от одного вида к другому, а с другой — «сеть образовательных учреждений и их взаимосвязь, которая создает пространство образовательных услуг, способных удовлетворить все множество образовательных потребностей, возникающих как в обществе в целом, так и у отдельного человека»⁵. Закон РФ «Об образовании» подчеркивает приоритетность построения содержания непрерывного образования перед его организационными формами. Лозунг «Life Long Learner (LLL) — Образование через всю жизнь» провозглашен П. Ленграндом в докладе ЮНЕСКО в 1965 г. Но проблема заключается в том, «образование через всю жизнь» требует постоянного совершенствования, изменения личностного потенциала индивида. Это невозможно без формирования индивидуального алгоритма познания, устойчивого исследовательского навыка, умения оперировать информацией. Реализация образовательных задач посредством системы образования возможна при наличии внутренних побудительных мотивов у граждан к обучению, т. е. чрезвычайно важно осознание человеком необходимости непрерывного совершенствования своих знаний, умений и качеств личности, позволяющих реагировать на систематически изменяющуюся социально-экономическую, информационную и технологическую обстановку.

Систему непрерывного образования, на наш взгляд, можно представить как совокупность подсистем, каждая из которых требует собственного проектирования и моделирования. Такими подсистемами являются профильное обучение в школе и профессиональное образование. В настоящее время низкий уровень преемственности между средней и высшей школой, слабое взаимодействие учебных заведений с производственной сферой, недостаточная профессиональная ориентация вследствие слабой направленности этой работы в школе приводят к необоснованности профессионального выбора, снижению конкурентоспособности личности, трудностям в последующем трудоустройстве.

Высокая социальная и профессиональная конкурентоспособность проявляется в способности личности самостоятельно найти пути самореализации, самосовершенствования. *Стратегическими целями образовательного процесса* в настоящее время являются развитие системы проектирования профессиональной и социальной карьеры учащихся, формирование

у них умения выстраивать свою траекторию личностного развития, находить себя в меняющихся социально-экономических условиях. Цели общего и профессионального образования во многих аспектах сближаются.

Обоснованный выбор профессии является необходимым результатом профориентационного воздействия уже в школе. В исследовании, проведенном нами в средних школах Ульяновской области в мае 2010 г. для изучения мотивов выпускников школ при выборе профессии, принимали участие 270 старшеклассников. Результаты ответов выпускников на вопрос «С чем связан Ваш выбор будущей профессии?» представлены в таблице.

Таблица

Мотивы выбора профессии старшеклассниками Ульяновской области

Мотив выбора профессии	%
Профессия соответствует личным склонностям и способностям	59,5
Профессия пользуется спросом на рынке труда	49,0
Профессия позволяет иметь приличный заработок, занять приличное положение в обществе	43,0
Профессия дает возможность проявлять инициативу и самостоятельность	11,0
Выбор профессии связан со стремлением учиться в определенном вузе	11,0
Мой профессиональный выбор не вполне осознан, случаен, профессию я еще не выбрал(а), сначала надо получить образование	28,4

Из таблицы видно, что почти треть участвовавших в анкетировании выпускников (28,4 %) не определилась с выбором профессии. Зачастую сельские школьники не имеют в должной мере тех знаний, которые необходимы им для профессионального самоопределения. Интересно, что в их числе лишь 8,0 % — это выпускники профильных классов. Профессиональное самоопределение выпускников профильных классов находится на более высоком уровне. Независимо от обучения в профильном или общеобразовательном классе 75,0 % школьников считают перспективным профильное обучение, так как оно помогает определиться с выбором профессии, поступить в институт; 18,8 % полагают, что содержание образовательных программ профильного обучения соответствует интересным им дисциплинам.

Среди этих же респондентов высок процент старшеклассников, считающих, что в городе у них более широкие воз-

можности в профессиональном плане, поэтому после получения профессионального образования 37,8 % выпускников сельских школ не хотят оставаться в сельской местности. 11,0 % связывают выбор места жительства «не в пользу своего села» с его недостаточно комфортными бытовыми условиями и отсутствием досуга. Интересно, что из общего числа выпускников, выбирающих село потенциальным местом жительства, большинство (92,0 %) — это учащиеся профильных классов; 24,0 % школьников делают такой выбор из-за того, что в сельской местности живут родственники, друзья, семья; 5,4 % выбирают профессию, связанную с работой в аграрном секторе; 19,0 % хотели бы остаться в родном селе, если найдут работу.

Анализируя результаты исследования, мы приходим к выводу, что процессы социального становления личности происходят в основном спонтанно и могут регулироваться хотя бы целенаправленным влиянием на ее развитие социально-педагогической деятельностью. Одними из направлений на пути достижения поставленной цели являются внедрение и развитие профильно-профессионального обучения в старших классах сельских школ, создание гибких форм дополнительного и начального профессионального образования в сельской местности.

В системе общего образования Ульяновской области функционируют 547 общеобразовательных школ (данные на 1 января 2010 г.). 78 % школ Ульяновской области являются сельскими, но в то же время в них обучается менее трети (29 %) всех учащихся региона. Профильное обучение реализуется в 64 % школ. Из них по модели внутришкольной профилизации работают 87 % городских и 13 % сельских школ. По модели сетевой организации работают 116 городских профильных школ области. В сельских школах такой модели нет, что свидетельствует о медленной модернизации образования в сельской местности. Причина — ресурсная в широком смысле этого слова неготовность школ к введению нового содержания и инновационных технологий обучения.

Базой профильного обучения в сельском социуме региона являются сельские лицеи или крупные общеобразовательные школы, расположенные в райцентрах. Профильные классы имеют предметно-ориентированную направленность. Это стандартный способ организации профильного обучения,

предполагающий углубленное изучение блока предметов и дающий возможность поступления в разные вузы. Наиболее распространенными профилями в Ульяновской области следует назвать физико-математический, химико-биологический, гуманитарный и социально-экономический.

В регионе нет опыта организации *профессионально-ориентированных классов*, позволяющих получить начальные профессиональные навыки и попробовать себя в профессии. Между тем в сельских школах Ульяновской области одним из вариантов построения профильного обучения должна стать организация сельскохозяйственных, агротехнологических классов и агрошкол. Школы сельскохозяйственного профиля по применяемым педагогическим технологиям не отличаются от иного типа профилирования, но именно такая направленность имеет самую высокую практикоориентированность для села. Миссией агрошколы не должна быть только ориентация на сельскохозяйственные профессии. Главное в том, чтобы дать детям реальный инструмент формирования собственных жизненных планов. Хорошо, если они применяют его, работая в АПК, но не менее важно, если выпускник агрошколы научится работать с документами, просчитывать свои шаги в бизнесе, поймет разницу между желаемым, возможным и востребованным и, самое главное, получит осознанную мотивацию к труду независимо от сферы ее применения.

Необходимость интеграции естественно-научного и гуманитарного знаний с возможностью практического их применения и получения необходимого опыта самостоятельного труда при формировании сельскохозяйственной культуры учащихся должна пронизывать практически все компоненты учебно-воспитательного процесса в сельской школе: содержание, организационную структуру деятельности, средства обучения, педагогические технологии и т. д. Это обусловлено целостностью и интегративностью самой системы образования, единством обучения и воспитания, где структура, содержание, управление, технологии, методы и методики выступают единым комплексом мер, которые при наличии соответствующей образовательной среды позволяют успешно развивать основы сельскохозяйственной культуры учащихся.

В исследовании, проведенном отделом качества образовательного процесса Ульяновской государственной сельскохозяйственной академии (УГСХА) в 2008—2011 гг., приняли

участие 1 115 четверокурсников. На вопрос «Если бы Вам пришлось выбирать специальность, как бы Вы поступили?» в анкетировании 2008/09 учебного года 67,0 % снова выбрали бы свой вуз, хотя 13,7 % из них выбрали бы другую специальность в этом же вузе; 21,0 % опрошенных сменили бы и вуз, и специальность. Несколько улучшились эти показатели в дальнейшем. В 2010/11 учебного года уже 75,7 % выбрали свой вуз, 61,8 % из них осознанно выбрали специальность и не хотят ее менять, 18,4 % сменили бы и специальность, и учебное заведение.

Таким образом, только половина выпускников уверена в правильности своего выбора. Отсутствие обоснованности в выборе профессии снижает потребность личности в самореализации, негативно отражается на деловых и организационных качествах, а также подкрепляет неуверенность в востребованности своей специальности, деформируя личностные качества конкурентоспособной личности. Следствием этого является неуспевание таким студентом профессионально важных знаний.

Отвечая на вопрос о собственных перспективах на рынке труда, четверокурсники дали ответы, представленные на рисунке.

В 2011 г. большинство четверокурсников УГСХА (37,5 %) готовы работать там, где смогут больше заработать независимо от специальности; 34,7 % оптимистично оценивают свои шансы в трудоустройстве по специальности; 17,9 % испытывают неуверенность; 9,9 % будут работать там, где устроятся. Хотя большинство молодых людей обладают высокой самооценкой и желанием самореализоваться в профессии, но они не представляют себе ее требований, своего соответствия ей. Мотивы выбора профессии характеризуются чаще стремлением удовлетворить свои материальные потребности, чем стремлением приносить пользу семье и обществу и др., что свидетельствует о недостаточном развитии личностных, гражданских и нравственных качеств. Выпускники системы общего образования имеют психологические установки, ориентированные на «зарабатывание денег», а создание условий для их труда и жизни — задача кого-то, но не их. Для школ характерно отсутствие в должной мере развития духовно-интеллектуальных потребностей и мотивационной сферы. Часто ситуация выглядит

противоречиво: выпускники сельских школ или успешно обучаются в вузах, мечтая о самореализации и стабильном доходе в городе, или пополняют ряды сельских безработных, ожидающих желаемых условий для профессиональной деятельности. Между тем аграрный сектор нуждается в инициативных предприимчивых молодых людях, ориентированных на профессиональную деятельность на селе, готовых создать условия для собственного труда в рамках деятельности уже работающих предприятий и труда других людей при создании собственной предпринимательской структуры.

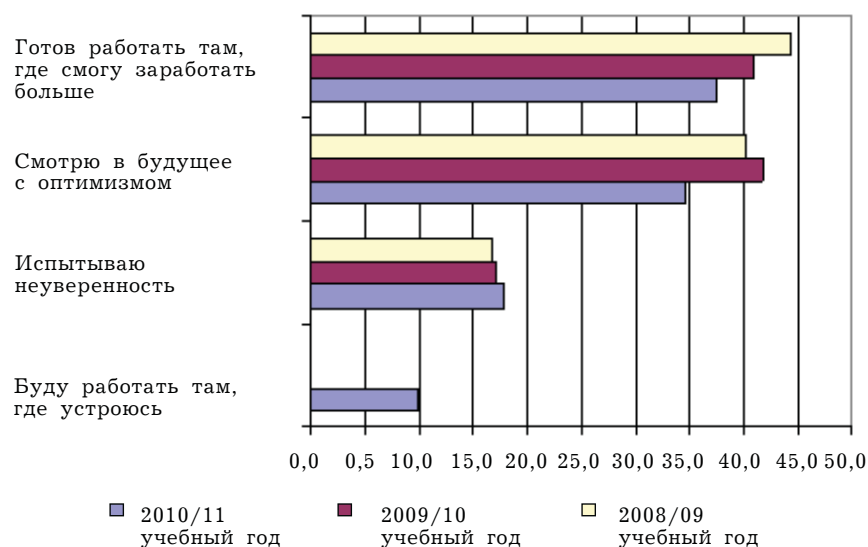

Рисунок. Ответ на вопрос четверокурсников
«Как Вы оцениваете свои перспективы на рынке труда?», %

Недостаточность мер экономической и социальной политики, направленных на создание благоприятных условий для жизнедеятельности на селе, очевидна, но в реалиях современной жизни в сельской местности изменить ситуацию в экономике села, решить проблему занятости, создать желаемые условия хозяйствования и жизнедеятельности могут только сами выпускники, специалисты разного уровня.

Реализация идеи непрерывного образования путем систематизации разнообразной образовательной практики

профильного обучения и выявления ключевых условий эффективности его введения, а также путем обеспечения преемственности между основной школой и учреждениями профессионального образования служит решению задач повышения конкурентоспособности выпускников сельских школ на региональном рынке учебных и трудовых вакансий, способствует воспитанию человека, готового к осмысленному и добровольному выбору сельского образа жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ «Концепция Федеральной целевой программы развития образования РФ на 2006—2010 годы» от 3 сентября 2005 г. № 1340-р.

² См.: Наумова Т.Б. Дополнительное профессиональное образование в системе непрерывного образования // Компетентность. 2009. № 5. С. 10—16.

³ См.: Аношкина В.Л., Резванов С.В. Образование. Инновация. Будущее (методологические и социокультурные проблемы). Ростов н/Д: Изд-во РО ИПК и ПРО, 2001. С. 5.

⁴ Всемирный доклад ЮНЕСКО в 2005 году «К обществам знания». URL: www.unesco.org/ru/worldreport (дата обращения: 20.05.2011).

⁵ Концепция информатизации сферы образования Российской Федерации // Проблемы информатизации высшей школы. 1998. № 3—4. 322 с.

Поступила 22.06.11.

Н. П. КАСАТКИНА Т. Н. СУКОНКИНА

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Ключевые слова: культура, этнокультурное образование, национальная школа, родной язык, социальный институт, поликультурное общество, идентичность

Key words: culture, the ethno-cultural, education, national school, native language, social institution, poly-cultural society, identity

В настоящее время усилились тенденции этноцентризма. Так, национально-этническая, религиозная, социальная мозаичность обстановки современного поликультурного общества с особой актуальностью ставит проблему поиска эффективных средств достижения стабильности. В большинстве случаев национальные и этнические характеристики оказываются связаны с поляризованными идеологическими определениями. Идея этноцентризма соединяется с идеей исключительности в области экономики, культурной тра-

КАСАТКИНА Наталья Петровна, старший научный сотрудник сектора региональных систем образования Научно-исследовательского института регионологии Мордовского государственного университета.

СУКОНКИНА Татьяна Николаевна, научный сотрудник сектора социально-экономических программ Научно-исследовательского института регионологии Мордовского государственного университета, кандидат философских наук.

диции или интеллектуального богатства. Избежать кризиса межнациональных отношений и этнокультурной самоидентификации индивидов призвана реализация принципов этнокультурного образования.

Этнокультурное образование наиболее часто рассматривается как целостный процесс изучения и практического освоения ценностей этнокультуры во всем их многообразии, становления и воспитания личности на традициях культуры этноса. Этот процесс сочетает в себе моноэтническую глубину постижения родной культуры и полиэтническую широту¹, что позволяет интерпретировать этнокультурное образование в качестве такой социокультурной функции института образования, как воспроизводство социальных групп, слоев, типов культуры, общественного интеллекта и т. д. Однако, на наш взгляд, эта точка зрения несколько сужает рамки анализа этого феномена.

Институциональный подход к проблеме этнокультурного образования расширяет возможности изучения с позиции его места и роли в современном обществе, взаимосвязей с элементами социальной структуры. Он позволяет рассматривать этнокультурное образование не только как механизм передачи знаний, но и как культуросообразующий институт общества с функциями сохранения и развития национальной самобытности, формирования гражданско-национальной идентичности.

Анализ институциональных аспектов этнокультурного образования предполагает рассмотрение потребности в этом институте и признание его значимости в обществе, нормативной структуры функционирования, материальной базы.

Содержательную сторону этнокультурного образования определяет феномен этнокультуры, представляющий собой совокупность традиционных ценностей, отношений и поведенческих особенностей, воплощенных в материальной, духовной, социальной жизнедеятельности этноса. Исходя из этого, целевым предназначением этнокультурного образования как социального института является воспроизводство этнических культур общества посредством овладения индивидами культурой собственного народа как обязательного условия интеграции в иные культуры, формирования представлений о многообразии культур в мире и воспитания положительного отношения к культурным различиям².

Общественная потребность в институте этнокультурного образования характеризуется данными социологических исследований. В частности, мониторинги развития, сохранения и изучения национальных языков и литературы, проводимые в национальных республиках Российской Федерации, свидетельствуют о потребности общества в этноязыковом и этнокультурном образовании. По данным исследования «Этнокультурные потребности участников образовательного процесса», проведенного в мае — июне 2010 г. в образовательных учреждениях Удмуртской Республики, большинство опрошенных преподавателей и родителей выразили потребность в сохранении родного языка и культуры посредством полифункционального национального образования, предполагающего изучение языка, литературы, краеведения и истории³.

Потребности общества удовлетворяются посредством функциональной структуры образования, имеющей системный характер и реализуемой на всех уровнях общественной жизни (индивидуальном, групповом, социетальном) благодаря разветвленной сети взаимосвязанных формальных организаций, в рамках концепции организации образования, сформулированной обществом и государством, и имеющихся для развития ресурсов. А. М. Осипов определяет функции образования в обществе (производственно-экономическую, социальную, культурную, политическую) как устойчивые направления его воздействия на основные сферы общественного развития⁴. Основная функция этнокультурного образования — этнокультурная социализация молодежи, результатом которой является этнокультурная компетентность индивида, способствующая формированию адекватных моделей поведения, которые характеризуются толерантным отношением к людям, и интегрирующая общество⁵.

Таким образом, этнокультурное образование как социальный институт выполняет три группы функций: социальные (удовлетворение потребностей и интересов индивидов, регулирование социальных отношений, устойчивость общественной жизни, интеграция действий и интересов людей, осуществление социального контроля); культурные (культурно-познавательная, пропагандистская, рекреационно-оздоровительная); воспитательные (формирование этнической идентификации, сохранение «этнической традиции» и создание новых культурных образцов).

Правовые основы государственной политики в сфере этнокультурного образования заложены в Конституции Российской Федерации, конституциях и уставах ее субъектов, Федеральном Законе «Об образовании», иных федеральных и региональных правовых актах. В ст. 2 Федерального закона «Об образовании» закреплены принципы государственной политики в области образования, среди которых следует назвать защиту и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства, а также демократический, государственно-общественный характер управления образованием.

В числе принципов правового регулирования отношений в образовании, закрепленных в проекте Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», который представлен на общественное обсуждение, указывается на единство федерального культурного и образовательного пространства; защиту и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства; включение российского образования в мировое образовательное пространство. Согласно п. 6 ст. 9 гл. 1 проекта этого закона, субъекты РФ вправе разрабатывать и осуществлять реализацию региональных программ развития образования с учетом национальных и региональных социально-экономических, экологических, культурных, демографических и других особенностей субъектов РФ⁶.

Организационной основой государственной политики РФ в области образования является Федеральная целевая программа развития образования на 2011—2015 гг. (ФЦПРО), которая определяет стратегию приоритетного развития системы образования и меры по ее реализации. В ее рамках предусмотрено мероприятие по распространению на территории РФ современных моделей успешной социализации детей во всех субъектах РФ, в рамках которого предполагается распространение интегрированных моделей общего и дополнительного образования, в том числе инновационные воспитательные модели, обеспечивающие формирование гражданской идентичности обучающихся в условиях поликультурного и поликонфессионального общества. При распространении этих моделей будет выполнен комплекс мероприятий по

устранению причин и условий, способствующих проявлению национализма и сепаратизма⁷.

Своеобразным проявлением реализации принципов этнокультурного образования в РФ стал принятый в 1996 г. Федеральный закон «О национально-культурной автономии», цель которого — сохранение самобытности, языка и культуры на уровне федерации и регионов. Закон дал право на национально-культурное самоопределение определенным объединениям граждан, «относящих себя к определенным этническим общностям», включая «право создавать негосударственные образовательные учреждения (общеобразовательного, начального, среднего и высшего профессионального образования) с обучением на родном языке, а также право вносить предложения в органы исполнительной власти всех уровней о создании государственных, муниципальных образовательных учреждений с обучением на русском языке и углубленным изучением языка, национальной истории и культуры»⁸.

В Концепции национальной образовательной политики РФ (2006 г.) указывается, что «к приоритетам такой политики принадлежат удовлетворение этнокультурных и языковых образовательных потребностей народов России в сопряжении с сохранением единства федерального культурного, образовательного и духовного пространства, консолидация многонационального народа России в единую политическую нацию, формирование в корреляции с этнической самоидентификацией общероссийского гражданского сознания»⁹.

Таким образом, место, которое этнокультурное образование занимает в современной социальной политике РФ, определяет значение четкого и эффективного нормативно-правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений. Система внутригосударственных источников, регулирующих отношения в сфере образования, формируется на федеральном, региональном и местном уровнях, что вызывает необходимость в устранении противоречий законодательных актов всех уровней для предотвращения дискриминации различных национальных меньшинств.

Этнокультурное образование реализуется в детских садах, школах, средних специальных и высших учебных заведениях. Обязательным условием служит изучение родного и государственного языков. В России функционирует два типа

национальных школ: школы с обучением на родном языке, где все предметы изучаются на родном языке, а русский язык изучается как предмет; школы с обучением на русском языке, в которых родной язык и литература изучаются как предметы¹⁰. В местах компактного проживания этнических групп создаются наряду с основным типом школ национальные школы с преподаванием предметов на родном языке и обязательным глубоким изучением с первого по выпускной классы государственного языка.

По данным О. И. Артеменко, из более чем 239 языков и диалектов, существующих в России, в школах изучаются 89, из них на 39 ведется обучение. Количество школ, где обучение ведется на родном языке, больше всего в республиках Татарстан, Башкортостан, Якутия, Тыва. В последние годы наблюдается тенденция увеличения таких школ, особенно в городах. Если в начале 90-х гг. XX в. их было в среднем по России около 13 %, то в 2011 г. — 45 %¹¹.

Необходимо отметить, что школа с родным (нерусским) и русским (неродным) языками обучения имеет свою специфику: по своим базовым характеристикам она продолжает оставаться в структуре российской образовательной системы особой моделью образовательного учреждения, требующего отдельного подхода и самостоятельных решений. Эта школа имеет потребность в отдельных разработках и по функциональности родного и русского языков, и по сопряжению культурных составляющих содержания гуманитарного образования¹².

Зачастую этнокультурные школы позиционируются как русско-этнические и, по идее теоретиков школьного образования, должны способствовать формированию «бикультурной личности». Предполагается, что учеба в таких школах позволяет лучше узнавать «другую» культуру, сравнивать и критически осмысливать ценности каждой из них и в итоге формировать свою собственную культурную идентичность. Однако в большинстве бикультурных школ не решен ключевой вопрос, касающийся иерархической структуры формирующейся системы ценностей¹³. В большинстве случаев этнокультурное образование предстает в качестве важного, однако не главного элемента образования. На уровне начального и среднего образования этнокультурный элемент включен в состав так называемого «школьного компонента»,

содержание которого определяется самой школой и охватывает не более 1/5 всего учебного времени.

Наряду с этим школы с этнокультурным компонентом должны представлять учащимся возможность самоопределиваться (самоидентифицироваться) в качестве той или иной этнической группы, обеспечить этим группам равноправный диалог с инокультурным окружением, помочь им включиться в развитие социума¹⁴.

В национальных государствах, имеющих национальные меньшинства, когда одна община находится в привилегированном положении по отношению к остальным, целью институтов образования должно быть воспитание граждан плюралистического и толерантного государства, где объектом толерантности является индивидуальный выбор каждого в плане отождествления себя с той или иной культурой¹⁵. Поэтому национальный (этнический) компонент образования опирается на идеи полилога культур, полилингвизма. Современные ценностные ориентации личности и общества позволяют в случае их реализации жить и развивать свою культуру представителям всех этносов. В этом случае идея «полилога культур» в образовании была понята как внедрение в сферу образования принципа культурного плюрализма, культурной сообразности содержания образования¹⁶.

Этнокультурное образование в российских условиях может быть определено как приобщение подрастающего поколения к малознакомой, русской, общенациональной (русской) и мировой культуре с целью духовного обогащения, а также как развитие планетарного сознания и формирование готовности и умения жить в многокультурной среде. Подобное понимание этнокультурного образования совпадает с общемировыми трактовками, которые предполагают, что содержание воспитания и обучения черпается одновременно из культуры малого этноса, доминирующей нации и мировой культуры¹⁷.

Таким образом, этнокультурное образование востребовано в обществе, поскольку выполняет ряд важных социокультурных функций. Уровень развития его нормативной, материальной базы и идеологической составляющей свидетельствует о необходимости дальнейшей институционализации для решения задач интеграции современного российского общества и формирования национально-гражданской идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Афанасьева А.Б. Совершенствование этнокультурного образования современных педагогов // Академ. вестн. ин-та образования взрослых Российской академии образования. 2008. № 4. С. 34.

² См.: Кузнецова В.В. Этнокультурное образование в условиях межкультурного общения. URL: www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n20/3 (дата обращения: 14.09.2011).

³ См.: Ураськина Н.И. Отчет о научно-исследовательской работе ГУ НИИ НО УР за 2010 г. URL: <http://udmniino.narod.ru/otchet.html> (дата обращения: 15.09.2011).

⁴ См.: Осипов А.М. Социологические предпосылки развития образования // Вестн. Новгород. гос. ун-та. 1998. № 6. URL: <http://www.admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nst> (дата обращения: 05.10.2011).

⁵ См.: Зритнева Е.И., Милованова С.Е. Этнокультурная обусловленность профессионального образования бакалавров социальной работы // Вестн. Северо-Кавказ. гос. техн. ун-та. 2010. № 2. URL: <http://science.ncstu.ru> (дата обращения: 14.09.2011).

⁶ См.: Проект Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». URL: <http://mon.gov.ru/dok/proj/6649> (дата обращения: 14.09.2011).

⁷ См.: Федеральная целевая программа развития образования на 2011—2015 гг. URL: <http://www.fcpro.ru/program/program-text> (дата обращения: 16.09.2011).

⁸ Федеральный закон «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ (ред. от 1 декабря 2007 г.) (принят ГД ФС РФ 22 мая 1996 г.) // Рос. газ. 1996. 24 июня. С. 3.

⁹ Вендина О.И. Культурное разнообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве. М.: Три квадрата, 2009. С. 125—126.

¹⁰ См.: Хайруллин Р. Состояние и перспективы развития национальных систем образования в России. URL: <http://tatar-history.narod.ru/federal.htm> (дата обращения: 15.09.2011).

¹¹ См.: Эксперт: сохранение национальных языков в России должно опираться на разные образовательные модели. URL: <http://finugor.ru/node/20542> (дата обращения: 16.09.2011).

¹² См.: Артеменко О.И. Полиэтничность России: государственная образовательная и языковая политика // Вестн. образования. Темат. прил. 2008. № 2. С. 11.

¹³ См.: Вендина О.И. Культурное разнообразие ...

¹⁴ См.: Следзевский И.В. Формирование этнокультурного образования в Москве, модернизация столичного образования и вызовы современного мультикультурализма. М.: Ин-т Африки РАН, 2008. С. 82—85.

¹⁵ См.: Уолцер М. О терпимости. М.: Идея-пресс, 2000. С. 88—89.

¹⁶ См.: Следзевский И.В. Формирование этнокультурного образования ...

¹⁷ Джурицкий А.Н. Воспитание в России и за рубежом. М.: Просвещение, 2002. С. 104.

Поступила 25.10.11.

И. А. ЗЕТКИНА

С. А. ПЫКОВ

ТРАДИЦИИ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВЕ ПОВОЛЖЬЯ

Ключевые слова: мультикультурность, национальные учителя, школа, поликультурное образование, просветители, просветительство

Key words: multi-culturalism, national teachers, school, poly-cultural education, enlighteners, enlightenment

Конец 2010 г. был ознаменован рядом заявлений, которые вполне могут претендовать на определения «исторические», или «веховые»: практически синхронно руководители европейских демократических государств со значительной традицией политкорректности А. Меркель и Н. Саркози заявили об отказе от мультикультурности как государственной политики. Стратегии «плавильного котла» и «фруктового салата» оказались несостоятельными в условиях современных процессов глобализации. Как следствие, поликультурное образование с его идеями открытости, партисипативности, многоперспективного планирования и стремлением преодолеть монокультурную, евроцентрическую ориентацию уходит из западной педагогики, где было традиционным последние полвека.

ЗЕТКИНА Ирина Александровна, профессор кафедры всеобщей истории Мордовского государственного педагогического института, доктор культурологии.

ПЫКОВ Сергей Александрович, аспирант кафедры педагогики Мордовского государственного педагогического института.

Российское образование последовательно стремится стать частью европейского культурно-образовательного пространства (Болонский процесс) и закономерно подвержено общим тенденциям его развития. Однако мультикультурность присуща российской государственности исторически: это не проблема выбора, а данность, которая обогатила российскую культуру, во многом определила ее самобытность. Отсюда поликультурный характер образования в России с учетом опыта западной школы и философии (Э. Мейлер, А. Тойнби) в значительной мере опирается на отечественные традиции теории поликультурности в образовании (Л. С. Выготский, Н. А. Данилевский, П. Ф. Каптерев, Н. К. Рерих, Ю. В. Яковец) и исторический опыт педагогов и национальных деятелей просвещения.

В современной педагогике категория «поликультурное образование» определяется по-разному. Ключевой в этих определениях является идея теоретической концептуализации и практической организации педагогических процессов на основе ценностей равноправного диалога, взаимного уважения и ненасилия между индивидуальными и коллективными субъектами (социальными группами, культурами). На территории Поволжья в условиях естественной исторической поликонфессиональности и многоязычия его населения наиболее эффективен опыт национальных просветителей народов края, деятельность которых приходится на конец XIX — первые десятилетия XX в., но в полной мере отвечает современным подходам к поликультурному образованию.

Поволжье второй половины XIX — начала XX в. представляло сложное в этноконфессиональном отношении образование. Дисперсное расселение многочисленных народов края, принадлежащих к разным конфессиям и говорящим на разных языках, образовывало уникальную культурно-бытовую реальность, обеспечивающую естественный диалог культур. Полиэтническая чересполосица решала проблему естественного взаимодействия между этносами и их взаимного восприятия культурно-особого у народов-соседей.

Изучение ценностных ориентаций этнических социумов в этой ситуации требовало от педагогов позиции одновременной внутри и внеаходимости (М. М. Бахтин). Закономерно, что своеобразие национального менталитета, традиционных и инновационных, религиозных и родоплеменных, обще-

человеческих и национальных сторон жизни, целостность и синкретизм мировосприятия народа, его интересы и потребности были наиболее полно изучены национальными просветителями Поволжья Ш. Марджани, И. Я. Яковлевым, К. Насыри, Н. В. Никольским, И. С. Михеевым. Для мордовского народа важен опыт М. Е. Евсевьева и Г. К. Ульянова. Они считали просвещение народов основным механизмом национального культурно-экономического подъема.

Деятели национального общественно-педагогического движения сумели выявить иерархию традиционных национальных ценностей, сделав ее стержнем профессиональной подготовки народных учителей — главных трансляторов просветительских идей национального возрождения. Наряду с этим педагоги-просветители считали необходимым модернизировать базовую систему ценностей «родных» социумов через включение в нее экономических ценностей собственности, ценности науки, образования, жизни и здоровья отдельной личности (категории, зачастую не свойственные традиционным культурам). Инкорпорирование новых представлений в традиционное общественное сознание, по мнению просветителей, должны были обеспечить школьные учителя нерусских народов Поволжья, благодаря которым, культурные, мировоззренческие и иные ценности транслировались в сознание учащихся и способствовали его развитию. Таким образом, программа поликультурного образования распространялась в первую очередь на педагогов.

Положительный опыт подготовки учителей для нерусских школ аккумулировался в учебных заведениях края, которые, в силу многонационального состава учеников и естественного взаимодействия между людьми с разными традициями априори предполагали адаптацию человека к различным культурным ценностям в ситуации тесного сосуществования множества разнородных культур. Это Казанская инородческая учительская семинария, в которой долгое время работали М. Е. Евсевьев, И. С. Михеев, Н. В. Никольский, А. Ф. Юртов и учился С. Г. Чавайн; Симбирская чувашская учительская школа И. Я. Яковлева и др. После революции опыт этой работы подхватили национальные деятели в Наркомнаце и Наркомпросе (народные комиссариаты по делам национальностей и просвещения), такие как Г. К. Ульянов.

Требования к фигуре национального учителя, сельского интеллигента, у просветителей были очень высокими: нравственные человеческие качества и педагогическая культура; знание своего учебного предмета; владение методикой обучения; разнообразная квалификация учителя сельской школы (сельскохозяйственная, медицинская, юридическая); понимание и уважение языка, психологии и национальных традиций учеников; владение достижениями русской и европейской культуры. Программа немусульманских учителейских учебных заведений включала, помимо традиционных предметов, передовые знания своей эпохи, родные языки учащихся, технические и агрономические знания, навыки переводческой работы. Поликультурность как критерий образованности и профессионализма, способности учитывать интересы социума разных национальных и этнических меньшинств была важнейшей характеристикой профессионального портрета учителя нерусских (инородческих) школ Поволжья.

Воспитанники просветителей Поволжья целенаправленно готовились к преподаванию в школах с полиэтничным составом учащихся. Подобная школа позволяла решать не только педагогические задачи, но и формировать кадры национально-региональной интеллигенции. При этом идея ценности национального своеобразия определила приоритетные направления подготовки учительских кадров. Аксиологическим стержнем развития педагогического образования просветители провозгласили национальные традиции, языки, мифы, предания, промыслы, забавы и игры. По убеждению Н. В. Никольского, это было необходимо для того, чтобы педагоги «с любовью подходили к народной жизни, чтобы почувствовали всю поэзию народной словесности, красоту народной музыки, богатство речи, глубокий исторический смысл обрядов, работу созидательной мысли в устройстве жилища, в орудиях и оружии, в технических приемах»¹.

Использование народной культуры в педагогической подготовке национальных учителей было важно для формирования и сохранения положительной этнической самоидентификации молодых людей и предотвращения их маргинализации. Показательно, что и в Казанской инородческой учительской семинарии, и в Симбирской чувашской школе И. Я. Яковлева отмечались традиционные народные праздники, сохранялись и культивировались лучшие национальные

обычаи. Достаточно рано будущих учителей привлекали к сбору образцов фольклора, записям народных обрядов, переводческой деятельности.

Роль родного языка в подготовке учителей рассматривалась педагогами-просветителями двояко. Прежде всего он должен был стать средством эффективного обучения. «Ученики этой (инородческой — *И. З., С. П.*) школы являются с совершенно другим мировоззрением, складом мышления, у них свой мирок. Задача учителя — приноровиться к душе ученика. Лучшее средство для этого — родной язык учащегося», — писал *И. Я. Яковлев*². *С. Г. Чавайн*, говоря о роли родного языка в школьном преподавании, определил его важным элементом национального возрождения, который должен помочь преодолеть невежество и сделать мари равноправными среди других народов страны³.

В воспитании и образовании молодых нерусских учителей просветители стремились к достижению оптимальных для каждого индивида и его культурной идентичности результатов на базе интериоризации общекультурных ценностей. Наряду с традиционными ценностями национальной культуры в воспитании народных учителей просветители стремились опираться на ценности, не свойственные национальным культурам: важность книги вообще и национального печатного слова в частности; значимость рационального ведения сельского хозяйства; ценность русской культуры, а через нее — культуры цивилизации. Выпускники учительских школ и семинарий наряду с молодой национальной печатью и личным влиянием просветителей становились устойчивыми «путями трансляции» в деревенские социумы этих новых представлений. Молодые учителя способствовали укреплению в населении понимания ценности традиционной этнической культуры. В условиях расширения экономических контактов и естественной унификации быта априорное понимание этого в обыденном народном сознании быстро утрачивалось.

Проблема воспитания учителей на базе ценностей национальной культуры перед татарскими просветителями стояла не менее остро, чем перед общественными деятелями других народов края. Идентификация татар шла не по языковому, территориальному или культурно-бытовому принципу, а по признаку конфессиональной принадлежности. Многие татары считали себя, исходя из основ веры, в первую очередь

мусульманами. И одной из главных задач татарских просветителей Поволжья *Ш. Марджани*, *К. Насыри* и *Г. Тукая* стало обоснование представления о татарах как о самостоятельном народе. Мыслители считали, что незнание народом собственной истории заставляет его испытывать чувство неполноценности. Пропаганду национальной принадлежности, ценности национального языка и национальной литературы (а не только книг по-арабски или на тюрки) в татарском социуме должны были осуществить учителя мектебе и медресе. Но подготовке таких учителей предшествовала реформа традиционного старометодного мусульманского обучения. *Ш. Марджани* и *К. Насыри* заложили принципиальные основы новометодного, джадидизского образования (джадидизм — «новый»). Новометодные учебные заведения обновляли схоластическую программу традиционных медресе. В преподавании акцент делался на практической полезности знания, а не на умении вести схоластические споры. В курс обучения включались светские предметы и русский язык как язык науки и межнационального общения. В новометодных школах расширялась программа изучения татарского языка. *К. Насыри* утверждал, что человек может обучаться или по-арабски, или по-русски (все зависит от его желания), но он прежде всего должен усвоить родной язык. Обновлялась и методика преподавания, пропагандировался российский педагогический опыт.

Проблема поликультурности в подготовке учителей носила бинарный характер: с одной стороны, изучение родной культуры, сопоставление ее достижений с культурами других народов, особенно народов-соседей, обеспечивали формирование положительной национальной самоидентификации, с другой — содействовали подъему национальной культуры через приобщение к достижениям иных культур. Так, *Г. К. Ульянов* в терминологии, характерной для периода 20-х гг. XX в., писал: «Наша неотложная задача — укрепиться среди них (национальных меньшинств — *И. З., С. П.*), дать прочные основы для научного миропонимания, для ускорения процесса приобщения их к общей культуре трудящихся передовых стран... Мероприятия только тогда достигают цели, когда они имеют корни в действительности, когда вытекают из жизненных условий. Ни на минуту нам нельзя забывать, что в условиях жизни деревни центральной

России и деревни окраин „дистанция огромного размера“. Там сплошная масса темного крестьянства со своими вековыми верованиями и традициями»⁴. Он же настаивал на постоянном культурном и профессиональном контакте деятелей просвещения «народов Востока» и «народов Запада», что должно было обогатить культуру «представителей чуваш, мордвы, татар и других народов Востока» через «прогрессивные воздействия представителей народов Запада»⁵.

Учителя инородческих (а после революции — национальных) школ по программе просветителей должны были формировать в детях любовь к родному языку, истории, традициям, религии. При этом педагоги должны были развивать в детях понимание их культуры как принадлежности к человечеству: от идеала национального к идеалу всенародному, общечеловеческому. Программными здесь стали слова М. Е. Евсевьева: «Каждый народ, как бы ни был он малочисленен и некультурен, все же составляет часть одного общего, цельного, что мы называем человечеством»⁶.

Полиэтнический и многоконфессиональный Поволжский регион создал уникальную ситуацию взаимообогащения нескольких культурных традиций, гармоничного длительного сосуществования языков и религий на достаточно густонаселенной территории. Дисперсное проживание народов привело к взаимопроникновению и взаимообогащению славянской, тюркской и финно-угорской культур; созданию подлинной поликультурной традиции, которую поддерживали и развивали национальные просветители.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Никольский Н.В. Краткий курс этнографии чуваш. Вып. 1. Чебоксары: Изд-е Чуваш. гос. изд-ва, 1928 (на переплете — 1929). С. 7.

² Цит. по: Научный архив Чувашского научно-исследовательского института. Отд. 1. Т. 161. Л. 506.

³ См.: Чавайн С.Г. О марийском языке. 1922. 56 с.

⁴ Ульянов Г.К. О смычке с нерусской деревней на идеологическом фронте // Народное просвещение. 1923. № 7. С. 23.

⁵ Архив Музейного комплекса Мордовского государственного педагогического института. Ф. 47. Оп. 1. Л. 3.

⁶ Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р-267. Оп. 1. Д. 250. Л. 55.

Поступила 08.06.11.

Э. Р. САФАРГАЛИЕВ

ЗНАЧЕНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИЗМЕНЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

Ключевые слова: глобализация, техносфера, социосфера, инфосфера, корпорация, социализация

Key words: globalisation, techno-sphere, socio-sphere, info-sphere, corporation, socialisation

Современные процессы глобализации оказывают существенное влияние на развитие корпоративной культуры. Глобализацию необходимо рассматривать как многоплановое и внутренне противоречивое явление современной эпохи с множеством прямых и обратных связей¹.

Необходимо отметить, что в условиях глобализации происходит «софтизация» экономики, которая означает доминирование в процессе производства информационных потоков над непосредственным взаимодействием с природой через обработку вещества природы и доведение его до потребителя². Сегодня в отличие от индустриальной эпохи в развитых странах воздействие на материальный предмет труда осуществляет гораздо меньшее число работников. Основная же часть человеческой активности представляет «игру между людьми», продукт которой состоит из знаний и информации. Знания и творческий потенциал работников становятся главными факторами эффективности экономической системы, без которых технический и экономический прогресс последней становится практически недостижимой задачей вне зависимости от объема средств, инвестированных в производственное оборудование и технологию. Вовлекаемая в производительное потребление научная, экономическая, технологическая, организационно-управленческая информация, во многом предшествуя производственному процессу

САФАРГАЛИЕВ Эрнст Раисович, старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью Камской государственной инженерно-экономической академии (г. Набережные Челны).

и определяя его соответствие меняющимся условиям производства, становится движущей силой инноваций, «персонализированным» ресурсом, частью ноу-хау корпорации³.

В условиях глобальной интеллектуализации экономики все более заметным становится движение к новой модели развития и использования человеческих ресурсов. Центральное место в глобальной экономике занимает индивидуум — свободный человек с высокой мотивацией к творчеству. В современном мире корпорации представляют собой не столько материальное производство, сколько сообщество, живой организм, требующий воспитания, защиты, мотивации. Только тогда он будет жить с пользой для других. В результате в современной экономике и обществе большое значение имеют нематериальные ресурсы, а ключом к социально-экономическому прогрессу в информационную эпоху является активизация интеллектуально-человеческого потенциала (ИЧП) на всех уровнях социальной жизни, особенно на уровне отдельной корпорации, где необходим высокопрофессиональный подход к управлению человеческими ресурсами.

Это связано с тем, что, играя новую роль в производственном процессе, работники интеллектуального труда уже не могут быть управляемы традиционными методами. В условиях, когда социальные отношения становятся сферой скорее личных устремлений, чем бюрократического регулирования, а воображение и творческий потенциал человека — безграничным ресурсом для решения производственных задач, совместимость ценностей, мировоззрений и целей более важна, нежели детали конкретной коммерческой сделки. В связи с этим в современной корпорации стороны (работники и предприниматели) не являются зависимыми или независимыми. Они взаимозависимы. Как отмечает П. Друкер, учитывая, что работники выступают в качестве фактических собственников знаний, ими приходится управлять так, как если бы они были членами добровольных организаций⁴.

Сегодня основными инструментами укрепления и распространения корпоративных ценностей являются социализация персонала в рамках общей кадровой политики фирмы; взаимодействие лидерства, в первую очередь на уровне высшего руководства, с распространением корпоративной культуры; активная работа корпоративной идеологической машины и ее взаимодействие со СМИ.

Подобная целенаправленная социализация, формирование преданности и чувства причастности к фирме впоследствии приносят значительные плоды. Ощущение общей цели и сопричастности персонала японских компаний вытекает из практики социализации, в ходе которой формируется совместная ответственность за выживание и развитие компании. Японским работникам постоянно внушается, что гарантия занятости зависит от экономического процветания фирмы, и все (рабочие, ИТР, менеджеры) должны вместе делать все возможное для обеспечения процветания компании в будущем. В создании и перестройке корпоративной культуры активно участвуют руководители — лидеры компаний.

В создании новой корпоративной культуры лидеры ведущих зарубежных компаний видят этический ресурс дальнейшего развития, достижения целей предпринимательства, объединения новаторского потенциала широких масс трудящихся, преодоления сопротивления бюрократической «старой гвардии». Это объясняет и предпринимаемые корпорациями усилия в данном направлении.

В современных условиях руководство корпораций оказывается перед необходимостью приспосабливать корпоративную культуру к динамичным изменениям условий хозяйствования. Это ставит культурный элемент в ряд важнейших в системе инновационного управления персоналом. В отличие от локального, разрозненного характера «культурных» ориентиров в предшествовавшие десятилетия новизна современных подходов заключена в попытках синтетического использования арсенала идеологических средств и методов воздействия на персонал. Обращает на себя внимание, во-первых, активное привнесение во внутрифирменную практику пропагандистских инструментов; во-вторых, усиление взаимодействия корпоративных механизмов поддержания идейно-политических установок, морально-этических ценностей и жизненных ориентиров работников со СМИ.

Жизненно важные ценности корпорации распространяются путем публикации книг и манифестов руководителей, их публичных выступлений и пресс-конференций, издания внутрифирменных газет и бюллетеней, видеокассет и плакатов, разучивания песен и гимнов компаний, активной работы профессиональных пропагандистов и социологов аппаратов вице-президентов по связям с общественностью и трудовым

отношениям. Анкетирования, обследования и многое другое позволяют оперативно отслеживать перемены в социально-политическом климате в компаниях, на предприятиях.

Особую роль в формировании трудового потенциала современной корпорации, прежде всего его инновационной составляющей, играет национальная культура, формирующая устойчивые поведенческие стереотипы работника. Исследователи отмечают, что сейчас во всем мире распространены прикладные социолого-антропологические исследования этнических особенностей рабочей силы, которые в последние десятилетия востребованы транснациональными корпорациями при организации производства. Из отдельных черт и характеристик специалисты синтезируют обобщенные портреты «типичного работника» — немца, голландца, русского, японца, араба и т. д. В соответствии с этими данными и планируется вывоз капитала, проектируется система трудовых стимулов, конструируется оптимальная отраслевая структура⁵.

Подчеркивается, что реалии современного мира и развитие глобальной экономики не погашают, а, напротив, усиливают культурное и институциональное разнообразие наций, обществ, стимулируя в то же время их взаимосвязь. Причины интереса корпораций к национальным особенностям культуры сотрудников вызваны тем, что эффективность производства обеспечивается не только технологическими достижениями, но и гармонией социальных внутрикорпоративных отношений, сбалансированностью социальных ценностей.

Таким образом, основная причина возникновения проблем во внутрикорпоративных взаимоотношениях в транснациональных корпорациях заключена в социокультурных и цивилизационных особенностях каждого участника хозяйственной деятельности, т. е. работодателя и работника. Так, иностранные корпорации, действующие на территории России, часто не стремятся учитывать в своей корпоративной культуре национальные особенности российской хозяйственной и трудовой культуры. Следовательно, в силу этого российские сотрудники иностранных корпораций лишены «духа корпоративности».

Большое значение в условиях глобализации имеет и эффективное управление процессом интернационализации глобализированной корпорации при сохранении корпорацией

своей внутренней идентичности. Речь идет о выживании корпорации как единого делового «организма» в разных культурах, где реализуется ее деловая активность. Этот интернациональный вызов глобализированной деловой среды, как отмечают А. С. Кустарев и Х. Пирер, в современной корпорации был принят в том смысле, что успешность карьеры работников предприятия оказалась в прямой зависимости от их личного опыта вхождения в чужую культуру⁶.

Следовательно, в условиях глобализации на пути формирования корпоративной культуры многонациональной корпорации лежат барьеры, связанные с социокультурным разнообразием и пестротой персонала, сотрудников, имеющих разные культурные навыки (как образовательные, профессиональные, так и национальные, конфессиональные, половые, возрастные и др.). Проблема заключается в том, как сочетать разнокультурных людей, оптимизировать межличностные отношения в корпорации, ликвидировать социальные конфликты, адаптировать работников к фирменному стилю.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Авдокушин Е.Ф. Международные экономические отношения. М.: Юристъ, 2001. С. 181.

² См.: Денискина Е.В., Сычева И.Н. Эволюция факторов производства в экономической системе // Глобальные и региональные аспекты экономики: сб. докладов на Междунар. науч. конф. / под ред. А.А. Стриженко. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2001. С. 155.

³ См.: Комаров И. Интеллектуальный капитал // Персонал. 2000. № 5. С. 56.

⁴ См.: Drucker on Asia. A Dialogue Between Peter Drucker and Isao Nakauchi. Oxf., 1997. P. 148.

⁵ См.: Иванова С.Ю. Взаимодействие этнического и общечеловеческого в современной культуре // Вестн. Ставроп. гос. ун-та. 2000. № 23. С. 19; Кустарев А.С. Социальное время и социальная политика в XXI веке: специализированная информация / РАН ИНИОН, Центр социальных науч.-информ. исслед., Отд. социологии и социальной психологии. М., 2002. С. 17; Пирер Х. Управление глобализированной компанией, или Менеджмент в информационную эпоху // Глобализация: контуры XXI века: реф. сб. / РАН ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем, Отд. Восточной Европы. М., 2002. С. 245.

⁶ См.: Кустарев А.С. Социальное время и социальная политика ...; Пирер Х. Управление глобализированной компанией ...

Ю. М. ПАСОВЕЦ

ИМУЩЕСТВЕННАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ¹

Ключевые слова: имущественная стратификация, доходы, потребление, регионы России

Key words: commodity stratification, incomes, consumption, regions of Russia

Основой имущественной стратификации населения является его дифференциация по уровню доходов и потребления. Важную роль в углублении дифференциации денежных доходов и потребительского поведения населения играют увеличение разрыва между уровнями заработной платы работников в ведущих и депрессивных отраслях экономики, опережение темпов инфляции над индексацией денежных доходов населения и т. д. Воздействие совокупности этих факторов приводит к увеличению разницы в доходах самого бедного и наиболее богатого населения, усилению поляризации общества.

В концепции социологических исследований, проводимых в рамках общероссийского мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня» и научно-исследовательской программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» по типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона» в субъектах Российской Федерации, имущественная дифференциация населения рассматривается в объективном измерении, т. е. на основе данных государственной статистики, и в субъективном аспекте, выражающемся посредством оценок населением своего материального положения, получаемых в результате социологических опросов. В этих опросах социально-экономический статус респондента определяется так, что, оценивая уровень собственного потребления, опрашиваемый относит себя (свою семью) к одной из шести условно выделенных страт: «нищие» («Денег не хватает на повседневные затраты»), «бедные» («На повсед-

¹ ПАСОВЕЦ Юлия Михайловна, доцент кафедры социологии и политологии Курского государственного университета, кандидат социологических наук.

невные затраты уходит вся зарплата»), «необеспеченные» («На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна»), «обеспеченные» («В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг»), «зажиточные» («Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи»), «богатые» («Практически ни в чем себе не отказываем»).

Эмпирическую базу исследования составляют статистические данные, представленные показателями государственной статистики, и результаты социологических опросов, проведенных нами в рамках научно-исследовательского проекта «Социокультурный портрет региона: Курская область» в 2007 г. (N = 1 128 чел.) и в 2009 г. (N = 1 000 чел.) на территории Курской области. В каждой из волн социологического мониторинга выборочная совокупность исследования формировалась как стратифицированная, многоступенчатая, случайная на этапе отбора респондентов. В каждом из опросов ошибка выборки по одному признаку не превышает 3,0 %. Для анализа проблемы в общероссийском масштабе также применяются результаты пятой волны всероссийского мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня» за 2006 г.; в межрегиональном контексте — данные региональных исследований, проведенных в 2006—2008 гг. по типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона» в Тюменской области (N = 4 000 чел.), Пермском крае (N = 1 000 чел.), Республике Чувашия (N = 998 чел.), Ульяновской области (N = 1 102 чел.), Республике Карелия (N = 956 чел.), Вологодской области (N = 1 500 чел.), Смоленской области (N = 1 008 чел.).

В течение всего постсоветского периода в России и ее регионах, включая и Курскую область, осуществлялось углубление неравенства в распределении денежных доходов между группами населения (табл. 1, 2), в результате чего увеличивалась имущественная дифференциация. Данные табл. 1 показывают, что усиление дифференциации денежных доходов курян и имущественной стратификации проявлялось в сокращении доходов группы населения с самыми низкими денежными доходами и их увеличении у социальной категории с наибольшими денежными доходами. Тем самым происходила концентрация основной массы доходов в высокодоходной группе населения. За этот период

объем денежных ресурсов «богатого» населения Курской области увеличился на 8,6 %, России — 1,5 %, а денежные доходы «бедного» населения региона сократились на 3,1 %, России — на 1,0 %.

Таблица 1

Распределение общего объема денежных средств населения Курской области по 20-процентным группам²

Год	Удельный вес общего объема денежных доходов, приходящихся на соответствующую группу населения, в общем объеме денежных доходов, %					Коэффициент фондов, раз	Коэффициент Джини
	первая (с наименьшими доходами)	вторая	третья	четвертая	пятая (с наибольшими доходами)		
1995	9,2	14,0	17,9	23,1	35,8	—	0,266
2000	7,2	12,1	16,7	23,1	40,9	—	0,335
2005	6,9	11,8	16,5	23,1	41,7	9,7	0,346
2006	6,7	11,6	16,3	23,0	42,4	10,4	0,355
2007	6,2	11,1	15,9	22,9	43,9	11,8	0,373
2008	6,1	10,9	15,7	22,9	44,4	12,4	0,380

Об усилении дифференциации населения области по уровню доходов свидетельствует и общее повышение коэффициента Джини в этот период. Этот коэффициент является индексом концентрации доходов, характеризует степень отклонения фактического распределения доходов населения от линии их равномерного распределения; его величина изменяется от 0 до 1, чем выше значение показателя, тем более неравномерно распределены доходы в обществе. Во второй половине 90-х гг. XX в. в Курской области концентрация доходов в высокодоходных группах осуществлялась достаточно интенсивно, в последующее время темпы этого процесса снизились.

Эта тенденция была характерна и для дифференциации денежных доходов населения России (табл. 2). При этом углубление материальной дифференциации в региональном сообществе и российском обществе происходило постепенно и в годы экономических кризисов, и в годы относительной экономической стабилизации. Устойчивое увеличение коэффициента Джини в 2000-е гг. характеризует продолжающееся (хотя и незначительное) усиление имущественной дифференциации населения, что является показателем роста материального благосостояния социальных страт «обеспеченных», «зажиточных» и «богатых».

Таблица 2

Распределение общего объема денежных средств населения³

Год	Удельный вес общего объема денежных доходов, приходящихся на соответствующую группу населения, в общем объеме денежных доходов, %					Коэффициент фондов, раз	Коэффициент Джини
	первая (с наименьшими доходами)	вторая	третья	четвертая	пятая (с наибольшими доходами)		
1995	6,1	10,8	15,2	21,6	46,3	13,5	0,387
2000	6,0	10,4	14,8	21,2	47,6	13,9	0,395
2005	5,5	10,2	15,2	22,7	46,4	14,8	0,405
2006	5,4	10,1	15,1	22,6	46,8	15,3	0,410
2007	5,1	9,8	14,8	22,5	47,8	16,8	0,422
2008	5,1	9,7	14,8	22,5	47,9	16,9	0,423

Значения коэффициента Джини для региона и России за последние пятнадцать лет подтверждают то, что российское общество было и остается более поляризованным по уровню денежных доходов, чем курское региональное сообщество.

Коэффициент фондов выступает показателем дифференциации доходов, отражает соотношение между средними уровнями доходов в первой 10-процентной группе населения (с самыми низкими доходами) и десятой 10-процентной группе населения (с самыми высокими доходами). По отношению к 1995 г. в 2008 г. в масштабах России разница в доходах между группами населения с наименьшими и наибольшими доходами увеличилась на четверть. В Курской области также наблюдается усиление дифференциации доходов, однако оно не столь значительно, как в России в целом.

Сопоставляя динамику и масштабы материальной дифференциации населения в рамках одного региона и России в целом, можно утверждать, что в Курской области ее темпы были выше, но степень глубины ниже, чем в российском обществе. Одной из ключевых причин этого стал невысокий уровень доходов основной части населения в регионе в течение длительного времени. Специфика имущественной дифференциации населения в России и ее регионах связана не только с концентрацией основной массы доходов в высокодоходной группе населения, увеличением разницы в доходах крайне бедных и богатых, но и с сохранением значительной по численности доли бедного населения. Последнее подтверждается и статистическими показателями, и результатами опроса населения.

Отметим, что объективный подход к измерению бедности основывается на анализе статистических показателей уровня жизни населения, установлении черты бедности (т. е. пороговой величины минимальных денежных доходов (расходов) населения) и представлен концепциями абсолютной и относительной бедности. В абсолютной концепции черты бедности определяется минимальным перечнем основных потребностей и размером ресурсов, необходимых для удовлетворения этих потребностей, — прожиточным минимумом. Абсолютная черта бедности устанавливается в абсолютном выражении как минимальная стоимость некоего эталонного уровня жизни. В относительной концепции бедности черта бедности связывается с преобладающим в конкретной стране или отдельном регионе уровнем материальной обеспеченности населения. Относительная черта бедности фиксируется относительно некоторого показателя благосостояния для населения в целом.

Говоря о состоянии абсолютной бедности в регионе и стране, следует сказать, что значительное увеличение масштабов бедности произошло после экономического кризиса 1998 г. В Курской области в 2000 г. к бедному населению, т. е. людям с доходами ниже величины прожиточного минимума, относились 42,2 % жителей региона. В дальнейшем в регионе доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума постепенно сокращалась. В начале 2000-х гг. в регионе масштабы бедности были более значительны, чем в РФ в целом. Однако к 2008 г. значения этого показателя по региону и России сблизилась, что позволяет говорить о достаточно высоких темпах снижения бедности в Курской области за последние годы. За 2000—2008 гг. в Курской области численность абсолютно бедного населения сократилась в 3,7 раза, в России — в 2,2 раза⁴.

Социологические опросы жителей Курской области в мониторинговом режиме позволяют выявить субъективную картину имущественной дифференциации населения и бедности в области. В субъективном измерении достаточно массовым социально-экономическим слоем в области является низший слой, состоящий из двух групп с низкими доходами и ограниченным потреблением: «нищие» и «бедные». В совокупности к низшему имущественному слою относятся практически третья часть населения региона (табл. 3).

В российском обществе численность этого слоя достигает таких же размеров (33,0 %)⁵. Примечательно, что доли абсолютно бедных, фиксируемые официальной статистикой, и доли субъективно бедных (относящих себя к «нищим» и «бедным»), выявленные в результате социологических опросов, в Курской области и России примерно одинаковы.

Таблица 3

Имущественная стратификация населения Курской области по оценкам населения, % от числа опрошенных

Вариант ответа	2007 г.	2009 г.	Условная страта
Денег не хватает на повседневные затраты	16,6	13,0	«Нищие»
На повседневные затраты уходит вся зарплата	21,8	19,1	«Бедные»
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна	17,1	17,2	«Необеспеченные»
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	27,6	32,1	«Обеспеченные»
Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи	12,7	14,3	«Зажиточные»
Практически ни в чем себе не отказываем	3,0	2,8	«Богатые»
Не знаю, отказ от ответа	1,2	1,5	

Сопоставление субъективной и объективной социологической информации о численности бедного населения в регионе обнаруживает несоответствие реальных и статистически установленных масштабов бедности. Одной из причин подобного расхождения является заниженный уровень потребления товаров и услуг, закрепленный в величине прожиточного минимума. Основную часть бедного населения представляют пенсионеры — социальная категория, получающая денежные доходы на уровне прожиточного минимума. При этом особенно тяжелым оказывается имущественное положение одиноких пенсионеров. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., доля таких пенсионеров, включая пенсионеров по инвалидности, составляла 4,4 % от численности населения Курской области⁶. Сложившаяся ситуация усугубляется наличием категории работающих бедных, т. е. лиц, которые получают заработную плату, чуть превышающую размер прожиточного минимума, и зачастую одновременно имеют нагрузку по содержанию детей и нетрудоспособных членов семьи. Данную группу образуют в основном женщины, занятые в отраслях экономики с низким уровнем оплаты труда; горожане, имеющие один источник дохода; жители села, где заработная плата ниже, чем в городах области.

Вместе с тем по мере углубления социокультурной трансформации у большинства населения происходит формирование стандартов потребления, ориентированных на уровень жизни обеспеченных социальных групп. В итоге образуется обширный социальный слой, отличающийся повышенными запросами, но не имеющий необходимых материальных ресурсов для их удовлетворения.

Близкой по материальному статусу к низшему слою оказывается категория «необеспеченных». Однако представители этой социальной группы отличаются от «бедных» более позитивным уровнем социального самочувствия. В Курской области страта «необеспеченных» включает 17,0 % населения, в России — 21,0 %. Социальным слоем, характеризующимся средними показателями потребления и, соответственно, уровня жизни, является страта «обеспеченных». К ней относят себя около трети жителей Курской области. В российском обществе доля «обеспеченных» также близка к показателям по области (29,0 %). В регионе высший слой, который охватывает социальные группы «зажиточных» и «богатых», достигает 16,0—17,0 %. В структуре имущественных страт российского общества этот слой составляет 11,0 %.

В целом социально-экономическая структура населения Курской области, выделенная на основании субъективных оценок уровня потребления, схожа с аналогичной структурой российского общества, но отличается от выявленных профилей имущественной стратификации в регионах, где проводились социологические исследования в рамках научно-исследовательской программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов».

В регионах с низкими денежными доходами населения и сравнительно высоким уровнем абсолютной бедности (Смоленская и Ульяновская области, Республика Карелия и Чувашская Республика) также значительны масштабы субъективной бедности: от 40,3 % в Чувашской Республике до 27,6 % в Республике Карелия. В Вологодской области, где денежные доходы населения находятся на среднем для России уровне, но доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума выше общероссийских показателей, доля считающих себя бедными приближается к третьей части всего населения (28,3 %). В то же время в Тюменской области, отличающейся высокими денежными

доходами населения и низкой долей лиц с доходами ниже величины прожиточного минимума, к бедным относят себя лишь 21,0 % жителей⁷.

Интересен тот факт, что статистически установленный в 2007 г. масштаб бедности в Курской области (15,7 % от числа населения) близок к средним показателям России в целом (15,3 %) и ряда регионов, где проводятся региональные исследования по типовой программе и методике (Республика Карелия — 15,7 %, Пермский край — 14,7 %). Однако куряне значительно чаще относят себя к бедным (четыре человека из десяти), чем в целом по России (трое человек из десяти), Карелии или Пермском крае (двое из десяти). Это позволяет говорить о стремлении населения области к более высоким стандартам жизни, наличии проблем в их достижении и, соответственно, более негативной оценке своего материального положения.

В российских регионах страта «необеспеченных» оказывается достаточно массовой: от 19,0 % от всего населения в Чувашии до 23,1 % в Карелии. Несколько меньше «необеспеченных» в Тюменской и Курской области — 16,0 и 17,0 % соответственно. Вероятно, при отнесении себя к определенной имущественной группе сказались категоричность курян в оценках своего уровня потребления, трудность в дифференциации схожих стилей потребительского поведения, что привело к увеличению доли «бедных». В социально-экономической структуре большинства регионов имущественный слой «обеспеченных» достигает 30,0 % и более от численности всех жителей. При этом размеры доли высшего слоя, объединяющего имущественные группы «зажиточных» и «богатых», существенно варьируются: от 35,0 % в Тюменской области до 9,3 % в Чувашской Республике.

Таким образом, ключевые различия в социально-экономической структуре российских регионов проявляются в численности бедных и богатых слоев и зависят от уровня экономического благосостояния региона и его населения. Так, максимальные доли наиболее состоятельных слоев наблюдаются в структуре Тюменской области, наименее обеспеченных — в структуре Смоленской и Ульяновской областей, Республике Карелия, Чувашской Республике. Структура населения Курской области, выделенная на основе самооценки материального положения и уровня потребления, в

общих чертах отражает средние для российского общества показатели.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых «Активные стратегии экономической адаптации населения как социальный ресурс модернизационных процессов в современной России» (МК — 60.2011.6).

² За 1995 г. данные предоставлены Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Курской области (по Договору № 836 от 27 июля 2006 г.); Регионы России: стат. сб.: в 2 т. / Госкомстат России. М., 2001. Т. 2. С. 128; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: стат. сб. / Росстат. М., 2006. С. 172; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: стат. сб. / Росстат. М., 2007. С. 172; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008: стат. сб. / Росстат. М., 2008. С. 172; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: стат. сб. / Росстат. М., 2009. С. 182.

³ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2001. С. 128; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006. С. 172; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007. С. 172; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008. С. 172; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009. С. 182; Центральная база статистических данных Росстата. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi#1> (дата обращения: 20.09.2010).

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009. С. 188.

⁵ Здесь и далее данные всероссийского мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня» (рук. директор Центра изучения социокультурных изменений Ин-та философии РАН, чл.-корр. РАН Н.И. Лапин, в. н. с. ЦИСИ ИФ РАН, д-р социол. наук Л.А. Беляева) за 2006 г. приводятся по: Социокультурный портрет Тюменской области / Тюмен. областная дума, Тюмен. гос. ун-т, Тюмен. гос. нефтегаз. ун-т; под ред. Г.С. Корепанова, Г.Ф. Ромашкиной, В.А. Юдашкина. Тюмень: Вектор Бук, 2009. С. 25.

⁶ См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. М., 2004. Т. 6. Число и состав домохозяйств. С. 329.

⁷ Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Ин-т философии, Центр изучения социокультурных изменений, Научно-координационный совет секции ФСПП ООН РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов»; сост. и общ. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: Academia, 2009. С. 198, 268, 329, 396, 465, 536; Социокультурный портрет Тюменской области ...

Поступила 28.03.11.

С. И. НЕДЕЛЬКО

А. В. ОСТАШКОВ

РОЛЬ СМИ В РАЗВИТИИ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА РЕГИОНА¹

Ключевые слова: правовое гражданское общество, социальная ответственность СМИ, массмедиа, массовая коммуникация, инновационное общество, негосударственный некоммерческий сектор

Key words: legal civil society, social responsibility of mass media, mass media, mass communication, innovative society, private non-commercial sector

Партнерское взаимодействие власти и социума, способное обеспечить подотчетность, открытость, адекватность, восприимчивость к обратной связи, является одним из важнейших направлений формирования демократического, правового гражданского общества в России. Процесс становления правового государства и гражданского общества неразрывно связан с повышением значимости СМИ как особого инструмента выражения воли народа, ее реализации в процессе преобразования общественной жизни². Многие современные авторы отмечают, что СМИ в значительной степени способствуют укреплению и реализации таких принципов правового

НЕДЕЛЬКО Сергей Иванович, заведующий кафедрой государственного управления и социологии региона Пензенского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

ОСТАШКОВ Александр Валерьевич, доцент кафедры государственного управления и социологии региона Пензенского государственного университета, кандидат экономических наук.

государства, как суверенитет, народовластие, разделение властей, приоритет прав и свобод личности, законность. Они также являются уникальным средством формирования политической и правовой культуры граждан, выступающей важнейшим атрибутом гражданского общества³.

Как показывает мировой опыт, существует пропорциональная зависимость: чем выше степень политизации общества, тем более значима роль СМИ. Массмедиа выступают в качестве мощного катализатора процесса демократического гуманистического развития общества, они призваны обеспечивать информационные коммуникации между социальными институтами и государством, укреплять каналы обратной связи государства с обществом и его контроль над политическими процессами. Тесное взаимодействие СМИ с другими институтами гражданского общества и государством делает необходимым повышение «прозрачности» их взаимоотношений.

Для формирования экономической независимости СМИ, их социальной ответственности перед обществом, способности к самоорганизации государству необходимо разработать критерии, позволяющие выделить СМИ, которые нуждаются в поддержке, а также определить с налоговыми льготами или субсидиями. Де-факто поддержку на федеральном уровне получают СМИ, проводящие государственную информационную политику. В первую очередь речь идет о Всероссийской государственной телерадиокомпании (ВГТРК), Первом канале, НТВ и некоторых информационных агентствах. На региональном уровне поддержка СМИ в основном осуществляется с учетом степени политической лояльности к власти. На наш взгляд, современное состояние СМИ в России указывает на необходимость пересмотра некоторых законодательных позиций в области предоставления льгот массмедиа.

Успех проводимой информационной политики государства во многом зависит от кадров. Согласно нашим наблюдениям, понятия «социальная информация» и «социальная журналистика» для многих современных представителей отечественных СМИ являются чуждыми и непонятными. К главным редакторам массмедиа, определяющим информационную политику, пока не пришло понимание того, что для полноценного освещения социальных тем необходимы

специальные знания и навыки. Людей, специализирующихся на социальной тематике, в большой прессе пока очень мало. Этим отчасти объясняются очевидные недостатки в освещении социальной проблематики, деятельности некоммерческого сектора в российских СМИ. Как показывает практика, доля такой информации крайне мала, а сами социальные темы подаются поверхностно.

В отношении социальной тематики в СМИ действует набор стереотипов. В частности, существует мнение, что информация о социальных проблемах, над решением которых работает негосударственный сектор, массовому читателю неинтересна. А ведь СМИ не только отражают общественное мнение, но и формируют его. Современная общественная жизнь почти не «отбрасывает информационной тени», ее вытесняют материалы, признанные интересными и перспективными с коммерческой точки зрения. В результате реальная картина жизни в отражении СМИ оказывается существенно измененной, а формирование общественного мнения становится манипулированием им. С одной стороны, это претензия к СМИ как социальному институту, с другой — к каждому журналисту в отдельности.

Выбирая тему для очередного материала, журналист каждый раз решает вопрос социальной ответственности «Писать о том, что действительно волнует людей, или поощрять в них привычный интерес к подаваемым темам?». Вместо того, чтобы серьезно разрабатывать наиболее болезненные для общества вопросы, журналисты зачастую берутся за социальные темы только тогда, когда их можно представить в виде сенсаций⁴.

На наш взгляд, полноценная журналистская работа, предусматривающая сопоставление и анализ фактов и мнений, собранных из разных источников, на социальном материале продлевается сейчас крайне редко. В основном это связано с тем, что журналисты не используют некоторые важнейшие источники социальной информации (как новостной, так и экспертной). Большая часть информации социального характера, публикуемая в СМИ, берется в государственных структурах. В последнее время с социальными проблемами активно работают сами граждане, общественные организации и бизнес. Они незаслуженно обделены вниманием массмедиа, поэтому в российской социальной журналистике образуются «информационные провалы».

Наряду с этим в последние годы начала проследиваться позитивная тенденция: СМИ все больше внимания начинают обращать на новые информационные поводы социального характера, сформированные представителями системного и несистемного гражданского общества в социальном пространстве. В частности, речь идет как об активизации деятельности самих общественных и некоммерческих организаций, которые научились «создавать» интересные события для массмедиа, так и о социально активных гражданах, которые передают СМИ информацию о событиях через коммуникационные каналы.

На наш взгляд, этот социальный процесс в настоящее время не может управляться какими-либо социальными институтами, а тем более властью, поскольку носит разобщенный характер. Многие журналисты не имеют профессиональной подготовки, позволяющей успешно взаимодействовать по «социальным темам» со всеми представителями институтов гражданского общества. С негосударственным сектором гражданского общества активно работают некоторые агентства, например, Агентство социальной информации (АСИ). Работая в России с 1994 г., АСИ отражает интересы третьего сектора: объединений правозащитников и экологов, благотворительных фондов, женских и молодежных союзов, ассоциаций ученых, работников культуры, просвещения. Корреспондентская сеть АСИ действует более чем в 20 регионах России, в том числе в Пензенской области. Однако на территории России в настоящее время нет каких-либо аналогичных некоммерческих структур, призванных заниматься производством и массовым распространением социальной информации.

Картина сотрудничества АСИ со СМИ и взаимодействия с некоммерческим сектором не будет полной без факта поддержки этой организации Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям. С другой стороны, идеологическая концепция АСИ остается неизменной в течение многих лет. Кроме того, в редакции существует «фильтрация» поступающей информации, связанная с негативной общественной активностью ряда социальных групп, например, неонацистов, которые также являются частью гражданского общества⁵.

СМИ должны делать акцент на социальной и социально-экономической информации. Однако позитивно-созидательный характер действий «четвертой власти» на сегодня чрезвычайно мал, что может быть связано с нехваткой положительных примеров строительства демократического государства, на которых можно было бы формировать гражданскую культуру. Учитывая, что Россия на данном этапе своего развития пока не готова к появлению омбудсмена на телевидении, радиовещании и печати (эффективное функционирование этого социального института будет затруднено из-за несовершенства действующего законодательства и контроля со стороны государства), российским СМИ необходимо активнее вести работу с третьим сектором экономики.

Слабое взаимодействие власти и гражданского общества выливается в невозможность совместной разработки стратегии долгосрочного развития государства или конкретного региона⁶. В этих условиях существенно усиливается роль СМИ. Важно перестроить мышление современного журналиста, направив его на производство каждодневной независимой общественно значимой информации для социально-экономического, правового и нравственного развития государства. Первым из таких шагов может стать взаимовыгодное, в том числе с экономической точки зрения, сотрудничество между СМИ, бизнесом и некоммерческими организациями.

Доступ многих некоммерческих организаций к СМИ в ряде регионов затруднен или невозможен. Наиболее эффективной политикой для НКО может стать инвестирование в создание и развитие интернет-ресурсов. Однако необходимо понимать, что сайт даже с высокой посещаемостью и цитируемостью пока не сможет заменить массовое распространение информации с помощью традиционных СМИ (телевидение, радио, пресса). В России известно не слишком много примеров реализации совместных социальных проектов НКО, СМИ и бизнеса. Отсутствие заинтересованности у предпринимателей, как правило, связано с низкой активностью СМИ по освещению их деятельности и работы НКО.

Согласно результатам всероссийского исследования, проведенного в 2009 г. «Левада-Центром» по вопросу об отношении населения к благотворительности и благотворительным организациям России, многие опрошенные заявляют о своей минимальной информированности об этом. Информирован-

ность людей о реализации социальных проектов или деятельности благотворительных организаций можно считать недостаточной.

Примечательно, что основным источником информации о благотворительной деятельности (в широком смысле этого слова) для большинства населения, как и прежде, являются телевизионные передачи. Другим важным источником информации остаются центральная и местная пресса, хотя она уступает телевидению почти вдвое по частоте упоминания. При этом половина опрошенных россиян испытывает потребность иметь больше информации о благотворительной деятельности. Гражданам интересно знать о том, какие организации занимаются реализацией социальных проектов, кому оказывается помощь. Информация о том, как самому участвовать в благотворительности и как получить помощь, востребована меньше. Следовательно, повышение общей информированности об этой стороне жизни общества является необходимой предпосылкой формирования личной готовности самому занять активную гражданскую позицию и заняться реализацией общественно значимых проектов. По мнению россиян, повышение жизненного уровня, нравственности и альтруизма является основным условием развития и распространения благотворительности в современном обществе⁷.

Социальные инициативы реализуют в основном федеральные СМИ, долгое время работающие на рынке информационных услуг. Примечательно, что большинство телеканалов и радио, а также интернет-изданий не разрабатывают каких-либо собственных проектов для внедрения их в жизнь.

Говоря о региональных инициативах, следует отметить два социальных проекта, реализуемых в Пензенской области совместно с Фондом местного сообщества «Гражданский союз», общественно-политической газетой «Улица Московская» и информационным агентством PenzaNews. Эти СМИ позиционируют себя независимыми, объективно и оперативно освещают происходящие в регионе события, имеют большой авторитет среди читателей и вес в обществе, не ангажированы властью и крупным бизнесом.

Программа «Родник надежды», направленная на оказание помощи пациентам детского отделения Пензенского областного онкологического диспансера, реализуется газетой «Улица Московская» с 2005 г. Программа призвана помочь

детям с онкологическими заболеваниями легче перенести сложное лечение и способствовать их выздоровлению путем улучшения бытовых условий в период пребывания в медицинском учреждении. Программа финансируется за счет частных, корпоративных пожертвований, а также продажи благотворительных открыток и другой сувенирной продукции. В ноябре 2009 г. был образован попечительский совет программы, который следит за расходованием средств, помогает развитию проекта, обеспечивает распространение информации и привлечение новых участников и благотворителей.

Программа «Техника на благо», реализуемая по инициативе PenzaNews, действует с 2009 г. Она предполагает добровольную передачу всеми желающими старой, но исправно работающей компьютерной, офисной и бытовой техники, а также программного обеспечения нуждающимся, среди которых немало малообеспеченных семей и некоммерческих организаций Пензенской области. Фонд «Гражданский союз» собирает заявки от организаций и частных лиц, нуждающихся в технике, а общественный (экспертный) совет, состоящий преимущественно из представителей бизнеса, рассматривает заявки и принимает решение о целесообразности передачи техники кандидатам. Задача информационного агентства и других партнерских СМИ заключается в распространении информации о работе благотворительной программы.

Научный интерес представляют принципы деятельности некоммерческих организаций, которые могут быть взяты за основу для уточнения главных принципов социальной ответственности отечественных СМИ. Среди них следует назвать принципы общественной пользы, свободы деятельности, сотрудничества, верховенства права, демократического управления, самоконтроля, ответственности, открытости (гласности), равноправия.

Реализация потенциала воздействия СМИ на массовое сознание и формирование гражданского общества неоднозначна, имеет разную направленность и вес, продолжает преобладать инструментальная функция. Возможности информационного воздействия СМИ на сознание граждан велики, но ограничены. Это связано с тем, что значительная часть населения России, как показывают различные опросы, теряет доверие к СМИ, причем как к отдельным каналам распространения информации, так и в целом к массмедиа⁸.

Для эффективного взаимодействия власти и общества необходимо всесторонне поддерживать СМИ, которые являются действительно независимыми и отражают реальность объективно, достоверно и своевременно. Независимость СМИ следует, на наш взгляд, рассматривать как отсутствие давления со стороны учредителей, редакции, рекламодателей, власти и неправительственных структур. Добиться этого крайне сложно, учитывая, что практической модели взаимодействия в России нет. Исследователям только предстоит найти баланс интересов власти, СМИ и институтов гражданского общества.

В 2010 г. в рамках реализации государственного контракта «Формирование социальной ответственности российских средств массовой информации в контексте региональной идентификации, социального моделирования и обеспечения стратегии инновационного развития государства» по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России (2009—2013 гг.)» коллективом кафедры государственного управления и социологии региона Пензенского государственного университета были проведены социологические исследования социальной ответственности СМИ. По репрезентативной выборке в Пензенской области было опрошено около 1 000 чел.

Результаты исследования позволили сформулировать некоторые практические рекомендации. Во-первых, органам государственной власти необходимо уточнить систему норм и правил, регулирующих деятельность СМИ, усилить систему льгот в отношении социально ответственных СМИ. Во-вторых, СМИ совместно с заинтересованными группами (в частности, с соответствующими общественными организациями) следует выработать внутрикорпоративные механизмы регулирования и стимулирования социально ответственной деятельности. В-третьих, вузам полагается учитывать при подготовке студентов по специальностям «журналистика», «связи с общественностью» необходимость обеспечения социально ответственной деятельности СМИ. В-четвертых, требуется активизировать практику исследований и мониторинга социальной ответственности СМИ, реализуя их на основе комплексного и системного подходов, предусматривающих сочетание качественных и количественных анализов вторичной и первичной информации.

Существует объективная необходимость изменения образовательной парадигмы в отношении специальности «журналистика». Будущие журналисты должны понимать свою роль в формировании гражданских институтов современного инновационного общества, построенного на принципах духовно-нравственного воспитания. Социальная ответственность должна стать внутренним принципом журналистов, а не административным регламентом. В свою очередь органам государственной и муниципальной власти следует вырабатывать такие механизмы регулирования СМИ, которые могли бы не только управлять их деятельностью, но и достигать культурных, патриотических и идеологических целей. Масс-медиа должны способствовать решению общегосударственных задач. СМИ призваны нести обществу информацию, направленную на его развитие, идентификацию, и способствовать дальнейшему развитию институтов гражданского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках государственного контракта № П1169 от 29 августа 2009 г. «Формирование социальной ответственности российских средств массовой информации в контексте региональной идентификации, социального моделирования и обеспечения стратегии инновационного развития государства» по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России (2009—2013 гг.)».

² См.: Ивченкова М.С. Роль российских СМИ в процессе формирования гражданского общества // Изв. Саратов. ун-та. Сер.: Социология. Политология. Т. 8. 2008. № 2. С. 67—70.

³ См.: Резник Д.А. Средства массовой информации в процессе формирования правового государства в России: региональный аспект: дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2004. С. 80.

⁴ См.: Открытие темы. Спецкурс по социальной журналистике / под ред. Е.В. Темичевой. М.: АСИ, 2003. С. 5.

⁵ См.: Алексеев Б. Елена Тополева: я — переводчик смыслов // Фонд. 2009. № 2. С. 6—10.

⁶ См.: Халий И.А. СМИ и гражданское общество: взгляд из региона // Социол. исслед. 2006. № 10. С. 104.

⁷ См.: Шувалова Н. Благотворительность в зеркале общественного мнения: обзор исследований. М.: Издат. проект Форума доноров, 2009. С. 25.

⁸ См.: Букин В.П., Осташков А.В., Неделько С.И., Ретинская В.Н. Социальная ответственность СМИ в контексте модернизационных процессов в регионе // Регионология. 2010. № 4. С. 274—280.

Поступила 17.06.11.

В. М. СИДОРКИНА

СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ¹

Ключевые слова: ценности, базовые ценности, ценностные ориентации, динамика социальных ценностей, региональные особенности

Key words: valuables, basic valuables, axiological orientations, social valuables dynamics, regional peculiarities

В общесоциологическом смысле понятие «социальная ценность» характеризует те явления объективной действительности, которые способны удовлетворять определенные потребности социального субъекта, необходимые и полезные для его существования и развития.

Ценности — это специфические социальные определения объектов окружающего мира, выявляющие их положительное или отрицательное значение для человека или общества². Таким образом, человек, познавая эти объекты, формирует и свое отношение к ним, делая их важными или неважными для себя. В этом проявляется двойственная природа ценностей, с одной стороны, содержащих в себе те или иные свойства, с другой — субъективную оценку этих свойств, с точки зрения отдельных индивидов или групп людей. То, что ценно для одних, может быть вовсе не важным или ненужным для других.

Ценности многообразны. Они имеют определенную иерархию в общественном и индивидуальном сознании. Существует множество типологий ценностей, насчитывающих не один десяток классификаций (подлинные и мнимые, гражданские, обыденные и религиозные и др.). Особое место в социологической типологии ценностей занимают базовые, или традиционные. «Под традиционными ценностями понимаются разновидности ценностей, в которых отселектирован, передан и воспринят от человека к человеку, от поколения к поколению исторический социальный опыт, аккумулярующий

СИДОРКИНА Валентина Михайловна, доцент кафедры социологии Мордовского государственного университета, кандидат философских наук.

в виде образцов, норм, принципов представления о лучшем, авторитетном в культуре»³. Эти ценности наиболее устойчивы в течение длительного времени и медленно поддаются изменениям в периоды радикальных преобразований. Несмотря на то, что набор базовых ценностей различен, в него чаще всего включают семью, работу, здоровье, материальный достаток и др. Совокупность ценностей, в первую очередь базовых, определяет ценностные ориентации личности.

Для общества всегда было важно достижение гармонии ценностных ориентаций. В современном российском социуме эта проблема актуализируется, формирует устойчивый интерес к ее изучению. Проведенный в августе — сентябре 2011 г. социологический опрос «Резервы гармонизации социальных отношений финно-угорских регионов» включал и блок вопросов о социальных ценностях⁴. Базовые ценности стабильно лидируют в рейтинге предпочтений. Абсолютным лидером является здоровье (от 70 до 90 % в зависимости от пола, возраста и места проживания). Помимо бесспорной значимости этого фактора в жизнедеятельности человека, следует учитывать рост индивидуализма в менталитете российского населения, понимание, что главным условием собственного благополучия и выживания остается сам индивид. Сказываются также снижение доступности и качества медицинского обслуживания, пропаганда здорового образа жизни и факторов долголетия и др.

При общей высокой значимости традиционные ценности имеют существенные различия в предпочтениях гендерных, возрастных и территориальных групп и общностей. Так, ценность семьи отметило около 70,0 % опрошенных. Но женщины ставят ее выше, чем мужчины (в Удмуртии: мужчины — 58,3 %, женщины — 69,8 %; в Республике Марий Эл — 54,3 и 82,1 %, в Республике Мордовия — 77,9 и 81,8 % соответственно). В то же время ценность друзей выше для мужчин (44,5 %), чем для женщин (33,0 %). Это диссонирует с широко распространенным мнением, что в современной ситуации меркантильные и физиологические потребности вытеснили духовные. Значимость человеческой солидарности, бескорыстия, открытости для мужчин продолжает оставаться высокой, особенно в возрастной группе до 30 лет. В целом иерархия базовых ценностей у мужчин по степени убывания выглядит следующим образом: здоровье, семья, безопасность, друзья, деньги, работа. У женщин она

почти такая же, только работа заняла четвертое место, а друзья — шестое.

Работа и досуг — основные элементы индивидуального и общественного времени. Работа представляет собой форму реализации творческого потенциала личности, источник доходов, позволяющий удовлетворять большую часть социальных потребностей и т. п. Свободное время предназначено для отдыха, сопряжено с получением удовольствий, развлечениями. Очевидна высокая значимость обоих видов деятельности. В западной, особенно американской, социологии уже более полувека исследователи отмечают, что ценность свободного времени, досуга имеет тенденцию к росту, а некоторые, например, Р. Дьюбин, утверждают, что она превысила ценность работы⁵.

В российском обществе этот феномен отсутствует. Если работа входит в шестерку наиболее важных ценностей (из 20 предложенных респондентам), то свободное время, развлечения и удовольствия к ним не относятся, более того, они завершают рейтинговую таблицу. Наиболее важными их назвали 3,1 и 1,9 % соответственно. Свободное время более значимо для сельских жителей, а развлечения и удовольствия — для горожан. Это явление объясняется рядом причин, начиная с особенностей ментальности советского времени, где работа была главнейшей ценностью, а удовольствие, развлечение, досуг ассоциировались с праздностью, неразвитостью (особенно на селе) развлекательной инфраструктуры. Интересно, что респонденты, видимо, не связывают просмотр телевизионных программ с понятиями досуга, развлечения, уделяя этому (судя по рейтингам телеканалов) много времени. Возможно также, что этот вид досуговой деятельности является не отдельным, а одновременным с другими, служит звуковым и видеофоном при занятии домашними делами. Результаты опроса подтверждаются и другими данными. Итоги социологического исследования, проведенного Институтом социологии РАН в 2009 г., показывают, что «второсортность свободного времени и досуга по отношению к работе — устойчивый стереотип российского общественного сознания. Во всяком случае, и 15 лет назад доля людей, полагающих, что „самое важное — это работа, а досуг нужен для того, чтобы восстановить силы для нее“, был вдвое больше доли тех, для кого самым важным было „то, чем человек занимается в свободное время“»⁶.

Роль конфессиональных институтов в жизни государства и общества становится более очевидной. Однако религиозные ценности в общей иерархии вошли в число наименее востребованных наряду с властью и творчеством. Их отметили в качестве приоритетных лишь 3,0 % опрошенных. Заметно выше их рейтинг только в Мордовии (10,5 %). Возможно, это связано с более активной деятельностью церкви, масштабным (выше, чем в соседних финно-угорских республиках) восстановлением и строительством храмов, политической республиканских органов государственной власти, способствующих деятельности церкви. Интересным представляется и тот факт, что в трех возрастных группах респондентов республики (до 30 лет, 30—49 и свыше 50 лет) рейтинг ценностей вероисповедания равнозначен, что опровергает устойчивое мнение о преимущественно пожилом возрасте верующих. Нравственные ценности — доброта (20,0 %), уважение окружающих (15,4 %), социальная справедливость (19,3 %) — условно можно отнести к срединному блоку приоритетов, уступающему в популярности только базовым.

Таким образом, можно констатировать, что в целом проведенный опрос подтвердил иерархию и динамику социальных ценностей современного общества, выявленную на общероссийском и региональном уровнях исследовательского поля. Отдельные отклонения вполне объяснимы с точки зрения территориальных особенностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 11-03-1801е) «Резервы гармонизации социальных отношений в финно-угорских регионах» (социологическая экспедиция).

² См.: Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 1991. С. 512.

³ Рассадина Т.А. Трансформация традиционных ценностей россиян в постперестроечный период // Социс. 2006. № 9. С. 95.

⁴ N = 801. Выборка репрезентативная, квотная, территориальная. Респондентам предлагалось выбрать не более 5 позиций в представленном списке.

⁵ См.: Большой толковый социологический словарь. М., 1999. Т. 1. С. 194—195.

⁶ Российская повседневность в условиях кризиса: моногр. / Ин-т социологии РАН; ред.: М.К. Горшков, Р. Крумм, Н.Е. Тихонова. М.: Альфа-М, 2009. С. 105.

Поступила 03.10.11.

А. П. КЛЮЕВА,
А. Н. МАЙДОКИН

**НАКОПЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО
КАПИТАЛА КАК ФАКТОР
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
ОРГАНИЗАЦИИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ¹**

Ключевые слова: социальный капитал, пенсионная система, накопительное страхование, социально ответственная модель управления организацией, социальные инновации

Key words: social capital, pension system, funded insurance, socially responsible model for organisation management, social innovations

В условиях процессов глобализации, когда все больше предприятий (организаций) включаются в новые процессы коммуникации, растет удельный вес сферы услуг, происходит смена основных форм капитала. Так, реальный капитал и капитал физический уступают лидирующие позиции и сменяются иным формами. Согласно данным, полученным благодаря исследованиям Мирового банка, три основных типа капитала (физический, человеческий и природный) сегодня лишь отчасти определяют экономический рост, поскольку не обращают должное внимание на формы организации и взаимодействия экономических агентов при обеспечении их устойчивого развития. Речь идет о социальном капитале, получившем в последнее время общественное признание и реализуемом через институты социальной ответственности бизнеса и социальных инвестиций (инноваций).

Заметим, что появление социального капитала совпадает по времени с циклами В. В. Леонтьева и характеризуется глубокими трансформационными процессами в мировой и национальных экономиках. Анализ категории «социальный капитал» показывает, что ее становление и развитие происходят на 90-е гг. XX в. Основоположителем теории социального капитала является американский экономист и социолог Дж. Коулман. По его мнению, социальный капитал

КЛЮЕВА Анна Петровна, аспирант кафедры экономической теории Мордовского государственного университета.

МАЙДОКИН Андрей Николаевич, аспирант кафедры экономической теории Мордовского государственного университета.

представляет собой общественное благо, которое создается свободным и рациональным индивидом для достижения собственных выгод. Экономическое значение социального капитала состоит в том, что он уменьшает издержки на координацию совместной деятельности, заменяя контракты, формальные правила и бюрократические процедуры отношениями доверия, усвоенными профессиональными стандартами, этикой общения, т. е. теми неформальными нормами, которые передаются культурными традициями и образованием².

П. Бурдье определял социальный капитал как «ресурсы, основанные на родственных отношениях и отношениях в группе». При этом он не считал его положительным, так как этот вид капитала понижает значение его традиционной (экономической) формы, определяемой в качестве самовозрастающей стоимости. По мнению П. Бурдье, через социальный капитал легче получать прямой доступ к экономическим ресурсам (брать субсидии, защищать рынки и т. д.). В то же время накопление социального капитала требует взвешенного вложения экономического и культурного ресурсов³.

Г. Беккер подчеркивал, что социальный и человеческий капиталы способны влиять друг на друга. Так, знания, технические навыки человека и его заработная плата зависят как от физического, так и социального капитала. Однако вложения в человеческий капитал позволяют скорректировать влияние других форм капитала⁴. Заметный вклад в развитие теории социального капитала внес Р. Патнэм. В частности, им была разработана трехфакторная модель социального капитала, включающая нормы взаимности, доверие и социальные сети. Он предлагает осуществлять оценку использования организацией этой разновидности капитала с помощью таких индивидуальных индикаторов, как интенсивность и сила контактов, членство в общественных объединениях, электоральная активность, удовлетворенность взаимоотношениями, соблюдение норм взаимности, чувство безопасности, доверие к соседям и социальным институтам⁵.

Свое видение исследуемой категории в различных нормативных документах и прочих материалах дает также Всемирный банк. Социальный капитал в его материалах трактуется как особый ресурс, необходимый для экономического развития не только отдельных социальных групп, организаций, но и государств.

Рассматривая вопрос о месте социального капитала в общей совокупности капиталов, важно отметить тот факт, что эта социально-экономическая категория позволяет конкретизировать цепочку инновационного развития: капитализация человеческого ресурса приводит к формированию новых мотиваций, что позволяет капитализировать иные ресурсы, имеющиеся в данном обществе (или, например, в корпорации), диверсифицировать и сделать гораздо более эффективным их дальнейшее использование. Таким образом, можно констатировать, что иные виды капиталов (физический, денежный, человеческий) в современных условиях являются в определенной степени производными от исследуемого капитала.

Важной особенностью социального капитала является его динамичность. Он может расти или уменьшаться, его можно производить, приносить, переносить, инвестировать. Оказывается, вполне возможно создавать условия, при которых социальный капитал будет накапливаться. Можно поддерживать среду, способствующую росту производителей социального капитала. Таким образом, мы видим, что в современных условиях на предприятиях и в учреждениях существует настоятельная необходимость развития и укрепления позиции исследуемого вида капитала для обеспечения не только их устойчивого развития, но и социальной стабильности общества.

Для накопления социального капитала необходимы, во-первых, гуманитарные технологии, позволяющие работать с коллективным сознанием, во-вторых, сети гражданских организаций, которые помогут создать очаги эффективного взаимодействия, построенного на доверии. Прежде всего институты гражданского общества должны способствовать распространению таких «очагов» и их «вплетению» в ткань общественной жизни. При этом в этот процесс важно включить также и институты разной направленности (клубы по интересам, группы взаимопомощи, кооперативы, кредитные товарищества, органы территориального самоуправления и т. д.).

Особое внимание социальный капитал приобретает в связи с необходимостью решения важнейшей стратегической задачи — повышение качества жизни населения регионов страны в процессе структурных и институциональных пре-

образований. Речь идет о новых формах взаимодействия государственных структур и частного капитала. С позиции концепции социального капитала реализация такого взаимодействия должна основываться на принципах частно-государственного партнерства в решении социальных проблем, корпоративной социальной ответственности, ответственности государства за создание благоприятного экономического климата (оптимизация ставок налогообложения, повышающая эффективность решения дилеммы: эффективность или справедливость). При этом важным условием накопления социального капитала является наличие поддерживающего партнера, готового финансово и организационно поддержать такую деятельность.

В современных условиях хозяйствования для бизнеса социальный капитал является одним из основных инструментов устойчивого развития. Показательно, что Япония, Германия, США стали ведущими мировыми промышленными державами именно благодаря тому, что они обладали социальным капиталом в достаточном количестве. Социальный капитал, хотя и не имеет многих существенных признаков капитального блага, которые считаются обязательными с точки зрения стандартной неоклассической теории, является производительным, предусматривает определенные инновации, которые могут выражаться в разработке и внедрении новых продуктов, совершенствовании технологии, организационно-управленческих и социальных нововведениях.

Социальные инновации, имеющие тесную связь с корпоративной культурой предприятия и обществом в целом, играют важную роль в увеличении конкурентоспособности предприятия. Недооценка значения социальных инноваций приводит к неэффективной работе всего предприятия, в значительной степени блокирует его устойчивое развитие. Представленные положения актуальны также и для государственных структур, но с учетом их целевой деятельности и аудитории.

Нами был изучен и обобщен опыт крупного промышленного предприятия (ОАО «Завод „Саранскабель“» Республики Мордовия) и государственного учреждения (Пенсионный фонд) по обеспечению их социально-экономического развития на основе концепции социального капитала. Так, ОАО «Завод „Саранскабель“» является промышленным гигантом россий-

ского масштаба. Он занимает первое место по производству товарной продукции по г. Саранску, а второе — по республике. Кроме того, завод является монополистом в России по производству сигнально-блокировочных, многопарных и стационарных кабелей. Продукция предприятия поступает и пользуется спросом не только на отечественном рынке, но и за пределами страны.

В течение многих лет руководство предприятия большое значение придает техническому перевооружению производства, внедрению новых технологий, повышению качества выпускаемой продукции. Разработана программа модернизации производства, позволившая существенно улучшить характеристики основного капитала на предприятии и расширить производственные мощности (таблица). Примечательно, что доля современного оборудования на предприятии (со сроком службы до 5 лет) выше, чем по Мордовии и Российской Федерации в целом, что обеспечивает рост производительности труда и повышение привлекательности предприятия для квалифицированной рабочей силы.

Таблица

Доля основных средств ОАО «Завод „Саранскабель“» в возрасте до 5 лет

Показатель	2007 г.		2008 г.		2009 г.		2010 г.	
	руб.	%	руб.	%	руб.	%	руб.	%
Основные средства	439884000	100	485188000	100	518529000	100	635767000	100
Из них: — возрастом до 5 лет	94091188	1,4	117882638	24,3	141764083	27,3	143839417	22,62

Развитие производственного потенциала предприятия сопровождается активным внедрением новейших форм и методов организации и управления производством. Так, для создания уверенности потребителей в качестве и надежности изделий на всех рынках в ОАО «Завод „Саранскабель“» разработана и внедрена система менеджмента качества, которая была сертифицирована на соответствие требованиям международного стандарта ИСО 9001:2000 (фирма «Кема», Нидерланды) и ГОСТ Р ИСО 9001-2008 («Секаб» входит в сеть органов по сертификации ГОСТ Р)⁶. Руководством завода внедрена система экологического менеджмента по стандартам ГОСТ Р ИСО 14001-98 и ГОСТ Р ИСО 14001:2004⁷.

Использование данных СМК на предприятии делает его привлекательным для высококвалифицированных кадров,

а также позволяет формировать лояльность персонала. В целом развитие экономического потенциала предприятия и современная система менеджмента обуславливают повышение конкурентоспособности ОАО «Завод „Саранскабель“» не только на российском, но и внешнем рынке.

Кроме того, экономический потенциал предприятия позволяет успешно решать вопросы, связанные с социальным развитием коллектива. Предприятие располагает собственным футбольным полем, теннисным кортом, спортивным залом, лыжной базой. На его территории расположены два магазина. Один реализует продукцию предприятия, второй — продовольственные товары. Есть также парикмахерская. Заводские столовые обеспечивают персонал недорогой горячей пищей и вкусной выпечкой. Сохранность и профилактику здоровья обеспечивает собственная медико-санитарная часть, оснащенная современным медицинским оборудованием и дающая возможность персоналу завода вовремя проходить медицинские осмотры. На балансе предприятия находится база отдыха «Гагарин», где дети работников завода и сами работники могут провести каникулы, отпуск. В 2000 г. на территории предприятия возведена по благословлению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к 50-летию со дня основания завода и к 45-летию со дня выпуска первой продукции часовня, освещенная в честь преподобного Сергия Радонежского.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что основными выгодами ОАО «Завод „Саранскабель“» от накопленного социального капитала являются снижение текучести кадров, неформальные возможности повышения квалификации, коллективный прирост знаний и преемственность организационного поведения, повышение производительности труда и заработной платы сотрудников.

С позиции накопления социального капитала и социальных инноваций можно рассматривать также и деятельность государственных учреждений. В этом контексте нами была исследована деятельность Отделения Пенсионного фонда Российской Федерации по Республике Мордовия. Говоря об инновациях в деятельности фонда, отметим, что изменения в пенсионной системе сами по себе носят характер нововведений, так как раньше в России они не применялись.

Важно отметить, что накопление социального капитала и формируемые в связи с этим социальные инновации

организации играют все более заметную роль в решении вопросов, связанных с так называемым «пенсионным кризисом», проявившимся в развитых странах в 90-е гг. XX в. Прежде всего этот кризис проявляется в увеличении коэффициента пенсионной нагрузки, т. е. процентного отношения численности пенсионеров к численности населения в трудоспособном возрасте. Проведенный анализ демографических тенденций, складывающихся как в РФ, так и в Мордовии, свидетельствует о том, что и в стране в перспективе все труднее будет обеспечивать увеличивающуюся численность пенсионеров за счет работающих (рисунок).

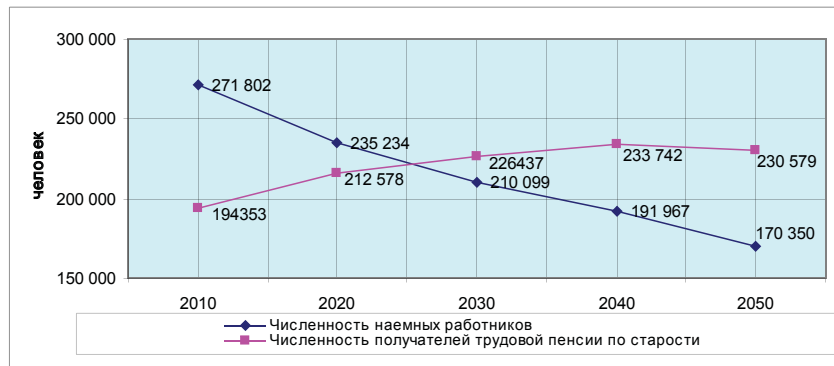

Рисунок. «Демографический кризис» в Республике Мордовия

Сказанное подтверждает факт кризиса современных (распределительных) пенсионных систем и обуславливает настоятельную необходимость скорейшего решения этой проблемы. В связи с этим представляет особый интерес деятельность такой государственной структуры, как Пенсионный фонд России с его отделениями по субъектам Федерации.

Для повышения уровня жизни людей пенсионного возраста Правительство РФ с 1 января 2011 г. повысило ставку взносов на социальное страхование, уплачиваемых работодателями, — с 26 до 34 %. Бесспорно, эта непопулярная мера носит вынужденный характер и вызывает неоднозначную реакцию предпринимателей, так как она негативно влияет на инвестиционную активность предпринимателей⁸. В целях реализации этого решения Правительства РФ и обеспечения полной и своевременной уплаты страховых взносов

Пенсионным фондом был объявлен всероссийский конкурс «Лучший страхователь». Главными критериями отбора победителей конкурса являются своевременная уплата страховых взносов, предоставление документов, регистрация в системе обязательного пенсионного страхования всех работников.

По итогам конкурса Мордовское отделение Пенсионного фонда Российской Федерации наградило в номинации плательщиков с численностью сотрудников свыше 500 чел. некоторые предприятия республики: «Мордовцемент», Ковылкинский электромеханический завод, Ардатовский светотехнический завод, «Электровыпрямитель». Кроме крупных и средних предприятий региона, также была отмечена деятельность по уплате страховых взносов индивидуальными предпринимателями.

Важно отметить, что в трудные 90-е гг. XX в. ОПФР по РМ помогло некоторым предприятиям республики реструктурировать задолженность по выплате пенсионных взносов, благодаря чему эти предприятия в настоящее время не только успешно функционируют, но и являются флагманами промышленности региона. Это обстоятельство подчеркивает необходимость установления частно-государственного партнерства и повышения социального капитала, итогом чего должно стать повышение качества жизни населения.

Представленные на рисунке данные помогают наглядно объяснить необходимость значительного завышения налоговой ставки для перераспределения значительной части доходов бюджета в пользу социально незащищенных слоев населения. С учетом представленных на рисунке перспектив ставки по налогам и сборам могут расти и далее для преодоления намечившегося в последние годы пенсионного кризиса.

В сложившихся условиях необходимы радикальные изменения в политике Пенсионного фонда. Залогом успешного развития пенсионной системы является трудоспособный, мотивированный на накопление сбережений в старости работник, настроенный положительно к деятельности Пенсионного фонда. С этой целью в пенсионную систему был введен ряд новшеств, в основу которых положен принцип частно-государственного партнерства, или переход к накопительно-распределительной системе. Отраслью партнерских отношений выступает формирование накопительной части пенсии с помощью дополнительных страховых взносов. Раз-

витые страны давно практикуют такой способ формирования накоплений застрахованных лиц.

Частно-государственное взаимодействие нашло свое отражение в функциях частных (негосударственных) пенсионных фондов (НПФ), которые, помимо права управления дополнительным (добровольными) пенсионными программами, получили право страховщиков накопительной части пенсии⁹.

Изменения пенсионного законодательства в сторону мотивирования самостоятельного аккумулирования средства на накопительной части трудовой пенсии произошло и в сфере обращения материнского (семейного) капитала. Так, в соответствии с Федеральным законом № 256-ФЗ граждане страны, родившие (усыновившие) второго или последующего ребенка после 1 января 2007 г., имеют право на дополнительные меры государственной поддержки в виде материнского (семейного) капитала, размер которого в 2011 г. составил 365 698,4 руб. Лица, получившие сертификат, могут направлять средства материнского (семейного) капитала на формирование накопительной части трудовой пенсии женщины¹⁰.

Таким образом, в современных условиях социальные инновации приобретают повсеместный характер и играют важную роль в обеспечении устойчивого развития не только предприятий, бизнес-структур, но и в деятельности государственных учреждений. Ключевым аспектом успешности реализации инноваций выступает положительный имидж структуры, осуществляющей социальные нововведения. Это утверждение особенно актуально в деятельности ПФР, доходы которого напрямую зависят от лояльности взаимодействующих сторон.

В заключение необходимо подчеркнуть роль социального капитала для развития сфер и отраслей жизнедеятельности человека. Развитие социального капитала в России и ее регионах в настоящее время является одним из средств разрешения многих противоречий, накопившихся в обществе в процессе структурных и институциональных преобразований. В условиях ограниченных возможностей использования таких активов, как физический, денежный и человеческий капитал, исследуемый вид нематериальных благ становится все более привлекательным вследствие меньших расходов и большего эффекта.

Использование социального капитала является необходимым условием установления доверительных отношений между государством, собственниками и работниками для повышения качества жизни населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках проекта № 10-02-00060А, финансируемого при поддержке РГНФ.

² См.: Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Обществ. науки и современность*. 2009. № 3. С. 124.

³ См.: Бурдые П. Формы капитала / пер. с англ. М.С. Добряковой. М.: РОССПЭН, 2004. 680 с.

⁴ См.: Becker G.S. Human Capital. Chicago: The University of Chicago Press, 1992.

⁵ См.: Patnem R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N. Y., 2000. 300 p.

⁶ См.: ГОСТ Р ИСО 9001-2008. Системы менеджмента качества. Требования. Введ. 2009-11-13 с правом досрочного применения. М.: Федер. агентство по тех. регулированию и метрологии, 2009. 31 с.

⁷ См.: ГОСТ Р ИСО 14001-2007. Системы экологического менеджмента. Требования и руководство по их применению. Введ. 01-10-2007. М.: Стандартинформ, 2007. 39 с.

⁸ См.: Федеральный закон «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования» от 24 июля 2009 г. № 212. URL: <http://www.garant.ru/law/10164348-000.htm> (дата обращения: 18.05.2011).

⁹ См.: Федеральный закон «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации» от 24 июля 2002 г. № 111-ФЗ. URL: <http://www.garant.ru/law/10165035-000.htm> (дата обращения: 20.05.2011).

¹⁰ См.: Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ. URL: <http://www.garant.ru/law/10165435-000.htm> (дата обращения: 20.05.2011).

Поступила 11.07.11.

**Л. Н. ЛИПАТОВА, ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ
Т. В. ЕРЕМКИНА РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ**

Ключевые слова: занятость, безработица, численность занятых в экономике, структура занятости, малое предпринимательство

Key words: employment, unemployment, number of the employed in economy, employment structure, small entrepreneurship

В развитии рынка труда Республики Мордовия с начала 1990-х гг. можно выделить несколько этапов: I этап — 1990-е гг. (численность занятого населения ежегодно сокращалась, за исключением 1997 г.); II этап — 2000—2005 гг. (на рынке труда происходили разнонаправленные изменения: в 2000 г. отмечалось заметное расширение занятости (на 5,6 %), в 2001 г. — небольшое снижение (на 1,8 %), в 2002—2004 гг. был ежегодный прирост числа занятых в экономике, в 2005 г. численность работающего населения вновь сократилась на 3,0 %); III этап — 2006—2008 гг. (в предшествующие мировому экономическому кризису годы отмечалось стабильное ежегодное расширение занятости: в 2006 г. — на 3,6 %, в 2007 г. — на 4,9 %, в 2008 г. — на 5,5 %); IV этап начался в 2009 г., когда на рынке труда проявились последствия предпринимаемых руководством предприятий антикризисных мер — высвобождение работников, введение режима неполной занятости, замораживание и уменьшение заработной платы и др. В целом за 1990—2008 гг. число занятых в экономике Мордовии уменьшилось на 5 % (с 487,2 до 463,0 тыс. чел.), минимальным оно было в 1999 г. (376,4 тыс. чел.)¹.

Для выработки эффективной политики в сфере занятости требуется всестороннее и детальное изучение ситуации в социально-трудовой сфере на различных этапах развития

ЛИПАТОВА Людмила Николаевна, профессор кафедры экономики кооперации и предпринимательства Российского университета кооперации (Саранский филиал), доктор социологических наук.

ЕРЕМКИНА Татьяна Васильевна, аспирант отдела современного регионального развития Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

экономики. Наиболее сложным этапом в развитии рынка труда современной России были 90-е гг. XX в. Ни государственные службы, ни работодатели, ни наемные работники не были готовы к столь радикальным изменениям. В эти годы занятость в Мордовии сокращалась очень быстро. В 2000 г. число работающих было на 16,5 % меньше, чем в 1992 г. Наибольшее число занятых было сосредоточено в промышленности (24,5 %) и сельском хозяйстве (18,2 %)².

Сравнение отраслевых структур занятости России и Мордовии показывает, что в РМ больше, чем в РФ, был удельный вес работающих в промышленности, сельском и лесном хозяйстве, здравоохранении, образовании, управлении. Гораздо меньше, чем в России, была доля занятых в науке и научном обслуживании. В РФ в этой отрасли были заняты 2,0 % работающих, в РМ данный показатель не достигал и 0,5 %. Большая часть занятых в экономике Мордовии трудилась на государственных и муниципальных предприятиях — 43 % (2000 г.). Это больше, чем в РФ в целом. Напротив, меньше, чем в России, была доля занятых в частном секторе (36 %).

Основная часть занятого населения трудилась на крупных и средних предприятиях. Малое предпринимательство не играло существенной роли на рынке труда. Опыт развитых стран показывает, что малые предприятия способны играть важную роль в развитии экономики и обеспечении занятости населения. Этот сектор экономики предоставляет места 60—70 % населения, малыми и средними предприятиями производится более половины ВВП. В России в этой сфере трудится лишь около 16 % занятого населения³.

В РМ в конце 90-х гг. на малых предприятиях трудилось лишь 4 % занятого населения (в РФ — 12 %), в январе — марте 2001 г. среднесписочная численность составляла 16,4 тыс. чел. Для сравнения: безработных в республике в это время было в 3 раза больше. Малые предприятия республики производили около 5 % общего объема товаров и услуг. Большая часть занятых в секторе малой экономики Мордовии трудилась в сфере торговли и общественного питания (26,0 %), на предприятиях промышленности (20,0 %), в строительных организациях (18,5 %), в сельском хозяйстве (17,0 %)⁴.

Малые предприятия в 90-е гг. заметно влияли на развитие ряда отраслей экономики Мордовии: общая коммерческая деятельность по обеспечению функционирования рынка (42 % от числа занятых в отрасли), торговля и общественное питание (34 %), строительство и операции с недвижимостью (по 19 %), информационно-вычислительное обслуживание (16 %). Наименее развито было малое предпринимательство в отраслях социально-культурной сферы. Среднесписочная за январь — март 2001 г. численность занятых в образовании, здравоохранении, физической культуре, социальном обеспечении, культуре и искусстве составляла 117 чел. Не достигала 1 % общего числа занятых и численность работающих на малых предприятиях связи. Среди отраслей промышленности РМ по числу занятых на малых предприятиях лидировали машиностроение и металлообработка (22 % от численности работников малых предприятий промышленности), пищевая, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность (по 20 %), промышленность строительных материалов (14 %).

Женщины играли в экономике Мордовии более существенную роль, чем в России. Их доля в занятом населении в РМ в 1990 г. составляла 53,3 %, в РФ — 51,0 %. Женщины традиционно преобладают в структуре занятого населения Мордовии. В 1980 г. показатель составлял 54,4 %. С началом рыночных преобразований женщин среди работающих стало заметно меньше. Именно эта категория занятых наряду с пенсионерами была подвержена наиболее значительным сокращениям, вызванным падением объемов производства. Однако в связи с потерей интереса к низкооплачиваемой и нестабильной работе у большого числа мужчин женщины быстро восстановили свои позиции. В 2000 г. их доля в составе занятого населения в Мордовии составляла почти 53 %⁵.

В течение 90-х гг. XX в. увеличился удельный вес женщин в отраслях социально-культурной сферы. Более трех четвертей работников здравоохранения, социального обеспечения, образования, культуры и искусства в Мордовии — это женщины. Увеличилась доля женщин и среди работников традиционно «мужских» отраслей — в строительстве и на транспорте. В Мордовии существенно уменьшился удельный вес женщин в аппарате органов управления (на 24,8 %), информационно-вычислительном обслуживании (на 20,9 %) и связи (на 18,7 %).

Наблюдалось сокращение удельного веса женщин в отраслях, считавшихся традиционно «женскими» и характеризующихся, как правило, благоприятными условиями труда и относительно высокой заработной платой, — связь, информационно-вычислительное обслуживание, кредитование, финансы, страхование, аппарат органов управления. Увеличилась доля женщин в отраслях, где требуется значительная физическая сила, есть риск для здоровья, — строительство, транспорт. Такие изменения, учитывая сложившуюся в республике демографическую ситуацию, нельзя считать благоприятными. В 90-е гг. XX в. катастрофически не хватало мужчин в школах и больницах.

Средний возраст занятого в экономике Мордовии населения в 2000 г. составлял 38 лет. Это на 2,6 года меньше, чем в России. Характерного для экономики РФ более высокого среднего возраста работающих женщин в РМ не наблюдалось. В 2000 г. он был одинаковым как для женщин, так и для мужчин, в 1998—1999 гг. занятые в экономике Мордовии женщины были в среднем на год моложе мужчин. В возрастной структуре занятых в экономике Мордовии преобладала та же, что и в России, группа — 40—44 года. В этом возрасте находилось более 17 % мужчин и 18 % женщин. Мужчины количественно преобладали среди работающих в возрасте до 25 лет и 55—64 лет, во всех остальных возрастных группах женщин было больше⁶.

В конце 90-х гг. XX в. в Мордовии существенно улучшилась возрастная структура занятых не по найму. В 1998 г. средний возраст предпринимателей и самозанятых был выше, чем наемных работников, — 41 год и 38 лет соответственно. Значительная часть этой категории занятых (8,4 %) имела весьма солидный возраст — 65—72 года. В 2000 г. средний возраст работающих не по найму был равен 35 годам⁷.

В 2000 г. в Мордовии 37,3 % занятых имели общее среднее образование, 23,9 % — высшее профессиональное. Доли этих групп в структуре занятых в экономике Мордовии были в 2000 г. выше, чем в России. В целом образовательный уровень работающих в РМ выше, чем в РФ. Доля лиц, не имеющих среднего образования, среди занятого населения России составляла 9,7 %, Мордовии — 3,4 %. Однако удельный вес лиц, имеющих профессию, в России был больше, чем в Мордовии.

За 1997—2000 гг. образовательная структура занятых в экономике РМ заметно улучшилась. Увеличился удельный вес работников, имевших среднее профессиональное и высшее образование; существенно сократилась доля лиц с основным общим и начальным образованием. Следует также отметить, что уровень образования занятых в экономике Мордовии женщин был выше, чем мужчин. Среди женщин было больше лиц с высшим, неполным высшим и средним профессиональным образованием. Профессии имели 67 % работающих женщин и 51 % мужчин⁸. Отмечаемое улучшение образовательной структуры занятых произошло в основном за счет женщин.

Заметно преобразилась и образовательная структура работающих не по найму, в том числе и предпринимателей. В 1998 г. только 3,4 % их общего числа имели высшее образование, а 85 % — общее среднее или среднее профессиональное. В 2000 г. каждый четвертый предприниматель имел высшее или неполное высшее образование.

С начала 2000 г. в сфере занятости в Мордовии произошли существенные изменения. В 2008 г. в отраслевой структуре занятости наибольшую часть занимают обрабатывающие производства (20,9 %). Хотя за период с 2002 г. эта доля уменьшилась на 2,0 %, а в 2001 г. составляла 24,1 %⁹. Уменьшилась доля в структуре занятости и ряда других отраслей. Увеличение числа занятых отмечается в финансовой сфере, торговле, строительстве, органах государственного управления.

Промышленность как ведущая отрасль экономики за 2002—2008 гг. потеряла более 9 тыс. чел., это более 10 % занятых в отрасли на начало периода. На 17,0 % уменьшилась численность работников предприятий важнейшей отрасли промышленности — машиностроения. Рост числа занятых отмечается на предприятиях, занятых производством транспортных средств и оборудования, в 3,0 раза, на деревообрабатывающих предприятиях — в 1,8 раза, в металлургическом производстве — на 18,0 %.

За 2000—2008 гг. средний возраст занятых в экономике РМ увеличился с 38,0 до 41,81 года. Примечательно, что средний возраст работающих женщин больше, чем мужчин, в 2008 г. показатели были равны 41,32 и 42,27 годам соответственно. В российской экономике похожая ситуация, но

разрыв показателей меньше — 39,3 и 40,1 года при среднем возрасте занятых в экономике 39,7 года¹⁰.

Произошедшие за период с 2000 г. изменения в возрастной структуре занятых характеризуются более поздним вступлением молодежи в трудовую жизнь. Удельный вес работающих в возрасте до 20 лет почти не изменился. Доля молодежи до 30 лет в составе занятого населения уменьшилась. Сократился и удельный вес наиболее работоспособного возраста 30—44 года. Вместе с тем увеличилась экономическая активность лиц старшего возраста. Доля работников 55 лет и старше увеличилась с 7,7 до 15,8 %. Рост удельного веса старшей возрастной группы в составе работающих — общероссийская тенденция. Доля работающих пенсионеров среди занятого населения в РФ за эти годы тоже увеличилась.

За период с 2000 г. в образовательной структуре занятого в экономике Мордовии населения также произошли существенные качественные сдвиги. Увеличился удельный вес работающих в высшем и неполном высшем образовании. В 2008 г. он составлял 27,7 % работающих (в экономике России этот показатель в 2008 г. составлял 29,5 %¹¹). С учетом лиц, имеющих среднее профессиональное образование, в 2008 г. более половины всего занятого населения в РМ имело высшее или среднее профессиональное образование. Значительной оставалась категория лиц со средним общим образованием (22 % работающих). Существенно возросла доля лиц, имеющих начальное образование, — с 0,9 в 2001 г. до 2,2 % в 2008 г.

Женщины, трудящиеся в экономике Мордовии, более образованы, чем мужчины. Среди них удельный вес с высшим образованием был значительно выше в начале рассматриваемого периода и продолжал расти более высокими темпами. Лиц, имеющих высшее и неполное высшее образование, в составе работающих женщин в 2008 г. было 29,7 % (это самая большая доля в образовательной структуре). Среди мужчин лиц с таким образованием было 25,7 %. В российской экономике показатели в 2008 г. были, соответственно, равны 32,5 и 26,7 %.

Осенью 2008 г. начался новый этап в развитии рынка труда и экономики в целом, связанный с наступлением мирового экономического кризиса. Безработица существен-

но возросла. Проблема эффективной занятости населения остается одной из наиболее острых социально-экономических проблем современной России. Высокая безработица ведет к значительным экономическим потерям, снижает уровень жизни и ухудшает здоровье людей, отрицательно сказывается на их трудовом потенциале.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2005. С. 79—80; 2006. С. 87; 2007. С. 87; 2009. С. 87; Регионы России. Т. 1. С. 311; Труд и занятость в Мордовии: стат. бюлл. / Госкомстат РМ. Саранск, 2000. С. 24.

² См.: Труд и занятость в Мордовии: стат. бюлл. Саранск, 2001. С. 6—7; Мордовия: стат. ежегодник. Саранск, 1995. С. 24—25.

³ См.: Бизнес в Мордовии. 2008. № 9. С. 5.

⁴ См.: Россия в цифрах: краткий стат. сб. М., 2001. С. 160—161; Малый бизнес в Мордовии: стат. сб. Саранск, 2001. С. 5—7.

⁵ См.: Труд и занятость в Мордовии: стат. сб. Саранск, 1999. С. 20; 2000. С. 34; 2001. С. 39.

⁶ См.: Труд и занятость в Мордовии: стат. сб. Саранск, 2001. С. 23—24.

⁷ См.: Труд и занятость в Мордовии: стат. сб. Саранск, 1999. С. 13—14; 2000. С. 23—24; 2001. С. 27—28.

⁸ Там же. С. 25—26.

⁹ См.: Мордовия: стат. ежегодник. Саранск, 2004. С. 48—50; 2005. С. 83—85; 2006. С. 90; 2009. С. 91.

¹⁰ См.: Россия в цифрах. 2009: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2009. С. 97.

¹¹ См.: Россия в цифрах. 2007: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2007. С. 97.

Поступила 01.06.11.

И. С. КОМАДОРОВ ПОЛОЖЕНИЕ МОЛОДЕЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: молодежные организации, многопартийность, гражданское общество, социальное самоуправление, государственное управление

Key words: youth organisations, multiplicity of parties, civil society, social self-government, social management

В современных условиях развития России особую актуальность приобрела проблема формирования гражданских структур общества. Кризис социального государства и крах авторитарных идеологий способствуют возрождению общественных политических движений. Одним из главных элементов гражданского общества является институт самоуправления, представляющий собой разновидность общественного устройства, выступающую за ликвидацию принудительного управления и неограниченной власти человека над человеком.

Несомненно, что управление — неотъемлемая часть любой политической системы. Чтобы что-то создавать, необходимо координировать совместные действия. Мировая практика выработала три основных инструмента управления: иерархию (жесткое подчинение нижестоящих уровней вышестоящим); культуру (человек руководствуется существующими традициями, обрядами, выработанными в обществе моделями поведения) и рынок (построен на равновесии интересов производителей-продавцов и потребителей-покупателей). Эти инструменты управления сосуществуют в сложной взаимосвязи, отделить их друг от друга практически невозможно, важно — чему отдается предпочтение. Это и определяет социально-политическую структуру конкретного общества или коллектива¹.

Возникает вопрос «Какова роль государства в управлении обществом, подчинении масс людей политической воле власти?», на который существует множество ответов, охватывающих широкую палитру мнений: от монархистских

КОМАДОРОВ Илья Сергеевич, старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью Камской государственной инженерно-экономической академии (г. Набережные Челны).

и либеральных до анархических. В любом случае, признав необходимость управления в обществе, следует также признать необходимость в специальном координирующем, направляющем органе, способном соединить разрозненные интересы и помыслы в единую целенаправленную деятельность.

Самоуправление может служить не только альтернативой государственности, но и одним из механизмов реализации управленческой функции власти, которая не может охватить все аспекты государственного и муниципального управления и вынуждена делегировать полномочия (от узких, ограниченных до самых широких) на более низкий управленческий уровень².

В контексте нашего исследования есть смысл говорить о двух аспектах формирования современного гражданского общества в регионе: о том, каким образом происходят самоорганизация и самоуправление в молодежных движениях, а также как они влияют на местное самоуправление, поскольку именно в молодежных организациях воспитывается и формируется культура государственности как ценность.

Анализ структуры и деятельности общественных организаций показывает, что они децентрализованы, часто бесструктурны и имеют ограниченные административно-политические связи. Инициативные группы, возникающие по разным проблемам, могут действовать совершенно независимо до определенного этапа или в течение всего своего существования. Они могут вступать в коалиции с местными политическими или другими общественными организациями, инициативными группами, которые работают по той же проблеме. Они могут создавать объединения в регионах.

Сегодня в г. Набережные Челны действуют 72 общественные организации, 10 из которых — молодежные, но, как отмечают активисты, дело не в количестве. Теперь у молодежи есть выбор, и она может себя реализовать. Многие руководители молодежных политических организаций — молодые люди. Сказанное выше актуализирует вопрос об отношении молодежи к общественным организациям и степени их самоорганизации.

Лабораторией рекламно-маркетинговых коммуникаций кафедры рекламы и связей с общественностью Камской государственной инженерно-экономической академии (ИНЭКА)

в феврале — апреле 2011 г. было проведено исследование, направленное на выявление рейтинга молодежно-политических общественных организаций. В качестве метода сбора первичной информации было выбрано формализованное интервьюирование. Объектом исследования стали студенты г. Набережные Челны. По данным, предоставленным исполнительным комитетом города, общая численность студентов города (генеральная совокупность) составляет 22 тыс. чел. Выборочная совокупность составила 1 500 чел. (студенты ИНЭКА, Набережночелнинского филиала Казанского государственного технического университета (КГТУ) (Казанского государственного авиационного института — КАИ), Набережночелнинского филиала Казанского государственного университета (КГУ), Набережночелнинского филиала Московского государственного университета культуры и искусства (МГУКИ), Набережночелнинского государственного торгово-технологического института (НГТТИ) и Института управления (ИУ).

Результаты опроса показали, что руководство Института управления всячески отговаривает студентов от участия в общественной жизни города, ссылаясь на то, что ребята, активно проявляющие себя в общественной жизни, имеют плохую успеваемость.

В каких-либо молодежно-политических общественных организациях состоят 68 % опрошенных студентов, 17 % не состоят, но интересуются, 5 % не состоят и не интересуются этим. Следует отметить, что 17 % респондентов, которые не состоят в какой-либо молодежно-политической общественной организации, но интересуются, ссылались на то, что недостаточно проинформированы о деятельности этих организаций. «Молодую гвардию „Единой России“» знают 96 % студентов, «Городской студенческий совет» — 83 %, «Свой мир строим сами» — 14 %, «Я — Челнинец» — 14 %, «Наше поколение» — 9 %.

Следует отметить, что первое место в рейтинге популярности заняла молодежно-политическая организация «Молодая гвардия» (96 %, 88 % из которых лично принимали участие в предвыборных пикетах для кандидатов партии «Единая Россия»); 9 %, которые отметили «Наше поколение» в качестве молодежной организации, ошиблись, так как это клуб альтернативного отдыха, направление деятельности

которого — создание условий для раскрытия творческого потенциала детей и молодежи, и к политике никакого отношения не имеет.

Деятельность молодежных общественных организаций нуждается в рекламе, она востребована, так как ситуация в Набережных Челнах, характеризующаяся экономическим кризисом, снижением уровня жизни, бедностью населения, требует тщательного анализа всех сторон жизни людей, в том числе молодежи. Очевидно, что успешная модернизация страны возможна только при активном участии молодежи. Это требует новых подходов к разработке и осуществлению государственной региональной молодежной политики. В связи с этим возникает необходимость мониторинга реализации молодежной политики, сбора достоверной информации о досуге молодежи, ее потребностях и интересах.

Трудности формирования гражданского общества в современной России активно обсуждаются. Политическая повестка дня общенационального уровня гласит, что для того чтобы обществу двигаться вперед, необходимо, чтобы люди поверили в возможность построения хорошего общества, ибо «всякое политическое действие несет в себе стремление к знанию блага, в роли которого выступает хорошая жизнь или хорошее общество. Ибо хорошее общество представляет собой завершенное политическое благо»³. Институты самоуправления, появляющиеся в молодежной среде, дают каждому россиянину возможность (пусть иногда и призрачную) следить за развитием политических событий и способствовать продвижению общества по пути приобретения статуса «хорошего».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Мамут Л.С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7. С. 5—14.

² См.: Талеров П.И. Самоуправление — альтернатива государственности? // Прямухинские чтения 2009 года. М.: Тип. «Футурист», 2011. С. 81.

³ Штраус Л. Введение в политическую философию. М.: Логос, Праксис, 2000. С. 9.

Поступила 10.11.11.

А. Н. ЕГОРОВ

САМООЦЕНКА ДЕЙСТВИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ, СООТВЕТСТВУЮЩИХ ЗДОРОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ

Ключевые слова: здоровый образ жизни, студенческая молодежь, социальная среда, здоровье, социальная группа, заболеваемость

Key words: healthy way of life, student youth, social environment, health, social group, incidence of diseases

В условиях изменений структуры российского общества и усиления его дифференциации развиваются процессы, которые ведут к обострению проблем адаптации молодого поколения в условиях постоянных трансформаций социальной среды. В этом контексте здоровье перестает быть только личным делом индивида. Оно становится важнейшим социальным фактором, определяющим направление развития общества¹.

Здоровье различных социальных групп населения России складывается из совокупности многих факторов. Снижение уровня жизни большей части людей в условиях социальной и экономической незащищенности вынуждает общество учитывать эти факторы, чтобы преодолеть демографический кризис².

Исследования, проведенные российскими и зарубежными учеными, свидетельствуют о том, что здоровье человека более чем на половину зависит от его образа жизни³. Поэтому возникает необходимость его изучения. Именно различия в жизнедеятельности и жизнепроявлениях людей являются главным критерием дифференциации и типологизации образа жизни. В первую очередь необходимо обладать информацией об отношении молодежи, в том числе и студенческой, к окружающей действительности и происходящим событиям;

ЕГОРОВ Александр Николаевич, старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта Пензенского государственного университета.

иметь представление о жизненных целях и ориентирах, насущных проблемах и способах их решения.

Общеизвестно, что состояние здоровья студенческой молодежи имеет тенденцию к ухудшению. По прогнозам ряда исследователей, число учащейся молодежи, отнесенной к специальной медицинской группе, в ближайшие годы может достигнуть 50 %. К сожалению, эта тенденция будет сохраняться в ближайшие 10—15 лет и для остальных категорий населения страны. По предварительным прогнозам, общие потери рабочей силы составят более 10 млн чел. (в среднем по 1 млн чел. ежегодно)⁴. Показательно, что в Послании Президента РФ Федеральному собранию от 12 ноября 2009 г. указывалось на необходимость создания условий для формирования и укрепления здоровья населения РФ⁵.

Здоровый образ жизни — это интегральное понятие, характеризующее степень реализации потенциала конкретного общества в обеспечении здоровья и степень эффективности функционирования социальной организации в ее отношении к ценности здоровья⁶. Нами была сделана попытка изучения самооценки здорового образа жизни студенческой молодежи с вытекающими из этого последствиями. Исследование проводилось в 2009 г. со студентами Пензенского государственного университета. В нем принимали участие студенты I—IV курсов (600 чел.).

В ходе исследования было важно определить, что студенты имеют в виду под здоровым образом жизни, а также какие основные компоненты ему присущи. Результаты опроса показали, что все респонденты верно понимают содержание здорового образа жизни и выделяют именно те его основные компоненты, которые отражают его суть: систематические занятия физическими упражнениями, отказ от вредных привычек, режим питания, соблюдение гигиенических правил, закаливание.

Далее студентам был задан вопрос «Как Вы оцениваете свои действия, соответствующие основам здорового образа жизни?». Исследование показало, что в целом у студенческой молодежи наблюдается соответствие своих действий основам здорового образа жизни. На один и два балла в сумме оценил свои действия каждый десятый студент, т. е. это незначительная часть, в то время как на три балла — каждый третий, на четыре — почти каждый второй, на

пять — каждый седьмой. Таким образом, студенты оценили свои действия, соответствующие здоровому образу жизни, в среднем на 3,7 балла из 5 возможных.

Наиболее объективным показателем здорового образа жизни является изменение состояния здоровья. В связи с этим был задан вопрос «Как изменилось состояние Вашего здоровья за время обучения в вузе?». Анализ полученных ответов показал, что за время обучения в вузе улучшение состояния здоровья наблюдалось у пятой части студентов. Без изменений оно осталось у большей части опрошенных (61 %), ухудшение отметили в среднем 18 %. При этом основные причины ухудшения состояния здоровья за время обучения в вузе, по их мнению, вызваны неправильным режимом дня (19,6 %), неудовлетворительным питанием (20,4 %), плохой экологической ситуацией (24,4 %), постоянным пребыванием в состоянии стресса (35,6 %).

Для пятой части студентов неправильный режим дня стал основной причиной ухудшения их состояния здоровья. Практически такая же часть учащейся молодежи указала на неудовлетворительное питание. Плохую экологическую ситуацию отметили 24,4 %. Постоянное пребывание в состоянии стресса стало самой популярной причиной из всех, которую указали 35,6 % молодых людей.

Образ жизни — это более широкое понятие, нежели стиль, уровень или качество жизни, представляющие собой конкретизацию и различные «срезы» этого сложного по своей структуре явления.

Болезнь можно рассматривать как следствие ведения нездорового образа жизни. На вопрос «Сколько дней Вы пропустили по болезни за последний год обучения?» 44,1 % ответили, что «не пропустил(а) вообще», до одной недели пропустили 37,5 % молодых людей. Эти две группы составляют основную часть студенческой молодежи, которую можно определить как практически здоровую. От одной до двух недель пропустила небольшая часть студентов (12,2 %), от двух до трех недель — 50,0 %, свыше трех недель — 1,2 %.

Общество считает студентов взрослыми людьми, которые сами отвечают за свои действия. Естественно контроль над ними понижен со стороны родителей и медицинских учреждений, особенно это касается тех молодых людей, которые живут вдали от дома. На вопрос «Как часто за последний год

обучения Вы болели простудными заболеваниями?» 77,1 % студентов отметили, что один-два раза, ни разу не болели 14,9 % и лишь 8 % опрошенных болели три и более раза. Этот вопрос позволил выявить некоторые отступления от закономерности. Выясняется, что некоторые учащиеся посещали занятия, несмотря на не совсем здоровое состояние.

В результате исследования установлено, что в целом студенческая молодежь оценивает соответствие своих действий основам здорового образа жизни высоко. Эта самооценка подтверждается реальным показателем улучшения состояния здоровья за время обучения в вузе у 21 % студентов и сохранения здоровья большей их части — у 61 %. Чуть меньше пятой части учащихся отметили ухудшение состояния здоровья. Это закономерно, так как их действия не соответствовали здоровому образу жизни. Постоянный стресс, по мнению респондентов, стал главной причиной ухудшения состояния здоровья за время пребывания в университете. Основная часть студенческой молодежи имела простудные заболевания за последний год обучения от одного до двух раз, но при этом пропущенные дни учебных занятий по болезни были незначительными, что может свидетельствовать о переносимости заболевания без постельного режима.

Любое поведение следует оценивать как здоровое, если оно ведет к достижению желаемого оздоровительного результата. При таком подходе критерием эффективности формирования здорового образа жизни выступает не поведение, а улучшение показателей здоровья. Следовательно, если здоровье человека не улучшается, несмотря на, казалось бы, разумное, культурное, общественно полезное поведение, оно не может рассматриваться как здоровое.

Можно констатировать, что исследования социальных факторов здоровья детей и подростков становятся более основательными, в то время как в отношении здоровья молодежи и студенчества сохраняется дефицит информации, связанный с недостаточностью принятых в системе медицинской и ведомственной статистики показателей и ограниченности исследовательских возможностей. Такое положение обусловлено тем, что образ жизни студенчества как социальной группы объективно определен ее специфической позицией в обществе. Студенчество является наглядным отражением общественных процессов и имеет дифференциацию

по множеству оснований: месту учебы (престижный — не-престижный вуз, специальность), стартовым возможностям, социальному статусу и материальному положению родителей и т. д. Характер проблемы требует, чтобы в ее изучении сочетались не только социально-медицинский и психолого-педагогический подходы, но и социологический подход, что позволит обеспечить более корректную социальную оценку факторов и тенденций в отношении здоровья студенческой молодежи. Современные социальные и политические реалии требуют поиска эффективных механизмов формирования ценностных ориентаций на здоровый образ жизни, его нового качественного осмысления.

При анализе влияния социокультурных изменений на процессы формирования новых жизненных стратегий российской молодежи необходимо помнить, что в связи с трансформациями в обществе все более очевидной становится зависимость поведения человека не только от его принадлежности к тому или иному социальному слою, но и от его индивидуального жизненного ресурса⁷.

Влияние социокультурных ценностей на жизненные стратегии трудоспособного населения требует формирования новых социальных норм, ролей, ценностей для отдельных индивидов и целых трудовых коллективов, социальных групп и слоев населения. В современном российском обществе все чаще приоритет отдается ценности духа индивидуализма, суверенитета личности, свободной конкуренции. Все более привлекательными становятся стратегии жизненного успеха, стратегии самореализации, опирающиеся на все виды активности, предприимчивости, инициативы человека⁸. В условиях кризиса социальной сферы, когда для многих ориентация на собственные силы является трудноразрешимой проблемой, необходимы специальные меры по оказанию помощи, связанной с обеспечением жизнедеятельности в условиях повседневного быта. И путь здесь во многом уже определен — максимальное улучшение физического состояния на базе оптимизации образа жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Римашевская Н.М. Здоровье человека — здоровье нации // Экон. стратегии. 2006. № 1. С. 36—41.

² См.: Зубок Ю.А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социол. исслед. 2003. № 4. С. 42—51.

³ См.: Лисицын Ю.П. Концепция факторов риска и образа жизни // *Здравоохранение РФ*. 1998. № 3. С. 48—54.

⁴ См.: Маркин В.В. Социальное благополучие регионов: преодоление диспропорций в уровне и качестве жизни населения. Основные направления преодоления диспропорций социально-экономического развития регионов России // *Сб. материалов / под общ. ред. В.В. Маркина, А.А. Нелюбина, С.Л. Красноярдцева*. М.: Изд-е Совета Федерации, 2008. С. 25—27.

⁵ См.: Послание Президента РФ Федеральному собранию от 12 ноября 2009 г. URL: <http://tours.Kremlin.ru> (дата обращения: 25.05.2011).

⁶ См.: Шендрик А.И. Социология культуры: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальностям «социология» и «социальная антропология». М.: ЮНИТА-ДАНА, 2005. 241 с.; Большова Т.Е. Социальное здоровье населения как цель функционирования института социальной работы // *Отеч. журн. социальной работы*. 2007. № 2. С. 17—20.

⁷ См.: Лапин Н.И. Динамика базовых ценностей и социальное самочувствие россиян // *Доклады Всерос. социол. конгресса «Глобализация и современные изменения в современной России»*. М.: Альфа-М, 2007. С. 45—48.

⁸ См.: Эрштейн Л.Б. Запретная теория ценностей: психологические и социологические следствия представления ценностей как динамических запретов. СПб., 2008. 122 с.

Поступила 14.06.11.

Н. В. ШУМКОВА

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР

Ключевые слова: субкультура, молодежная субкультура, регион

Key words: sub-culture, youth sub-culture, region

В термине «субкультура» приставка *суб-* (*под-*) определяет факт подчинения, принадлежности чему-либо или кому-либо, т. е. субкультура дословно означает подкультуру, часть культуры общества. Поэтому большинство дефиниций субкультуры отталкивается от содержания понятия «культура». В свою очередь культура — одно из наиболее противоречивых понятий. Так как эта категория имеет множество значений, дефиниций понятия «субкультура» также много. Однако в течение длительного времени пространство дефиниций делилось между двумя главными полюсами: с одной стороны, это описание субкультуры через содержание культурно-символических комплексов, с другой — через сообщества ее носителей.

Примером для первого направления может служить определение Т. Б. Щепанской, согласно которому субкультура рассматривается как «коммуникативная система, самовоспроизводящаяся во времени»¹. Детализируя это определение, она представляет его в виде матрицы «субкультура — коммуникативная система». Сюда входят каналы коммуникации как социальный уровень культуры, т. е. связи и сообщества (синхронные и диахронные связи), средства коммуникации как знаковый уровень культуры (целостная картина мира и составляющие ее знаки и символы), специально знаковые объекты (вербальные (арго, фольклор), числа, идеограммы, карты, деньги и др.), ситуативно-знаковые (объекты окру-

ШУМКОВА Наталья Викторовна, старший научный сотрудник сектора социально-экономических программ Научно-исследовательского института регионологии Мордовского государственного университета.

жающего мира, играющие в данной культуре знаковую роль). В том числе к ним относятся их комплексы или коды (пространственный, временной, предметный, телесный, актуальный)².

Ко второму направлению можно отнести определение в рамках теории субкультурной стратификации К. Б. Соколова, в которой субкультуры рассматриваются в соответствии с типами общностей их носителей. Согласно этой точке зрения, именно в рамках отдельных страт социума возможно формирование субкультур, поэтому страты в контексте этого исследования называются как «порождающие группы». Субкультурами, по мнению В. С. Жидкова и К. Б. Соколова, являются «не какие-либо социальные группы, связанные одинаковой профессией, имущественным положением или образом жизни, и даже не субкультурные общности (порождающая среда). Субкультура — это общность именно картин мира, свое-образный сгусток норм, идей, ценностей и идеалов в общем поле культуры, к которому, как к магниту, притягиваются и отдельные личности, и целые группы, разделяющие эти ценности»³.

Наиболее часто объектом исследований становятся молодежные субкультуры. Во многом это объясняется спецификой порождающей группы — молодежи. По мнению С. И. Левиковой, молодежная субкультура — это «эзотерическая, эскапистская, урбанистическая культура, созданная молодыми людьми для себя; это культура, нацеленная на включение молодых людей в общество; это частичная культурная подсистема внутри системы „официальной“, базовой культуры общества, определяющая стиль жизни, ценностную иерархию и менталитет ее носителей»⁴.

Субкультурный дискурс в отечественной науке появился в конце 80-х гг. XX в., когда в стране стремительно возникали многочисленные молодежные субкультуры, вошедшие в историю под общим названием «неформалы». Так, по данным социологического опроса Высшей комсомольской школы, в марте 1987 г. в Москве к разным неформальным группам причисляли себя 52,7 % молодых инженерно-технических работников, 65,1 % молодых рабочих, 71,4 % студентов, 71,7 % десятиклассников и 89,4 % учащихся ПТУ⁵. Когда факт существования неформальных молодежных объединений в СССР был официально признан, вокруг проблем

этого феномена стали разворачиваться дискуссии, в которых неформальные молодежные объединения воспринимались большинством исследователей в качестве формы девиантного поведения.

Многие исследователи тех лет видели причины увлечения молодежью субкультурными образами в незрелости, неразвитости ее самосознания. Считалось, что большинство молодых людей примыкали к движениям хиппи, панков, рокеров, металлистов и т. д. в основном от безделья, а также из-за невысокого уровня культуры, стремления выделиться, обратить на себя внимание, желания не отстать от моды. Впоследствии такая точка зрения неоднократно была раскритикована. Так, А. П. Файн, И. А. Невский, Л. А. Радзиховский проанализировали специфику неформальных подростковых и молодежных объединений, а также рассмотрели структуры, возникающие из стихийных форм общения. Результаты проведенной работы позволили им сделать вывод о недопустимости рассмотрения отечественных неформальных групп и объединений молодежи в качестве простого заимствования одноименных зарубежных и использовать эти модели как доказательство их перерождения в антиобщественные и криминальные⁶.

Другие отечественные исследователи этого периода придерживались мнения, что в основе появления неформальных молодежных объединений лежат возрастные особенности подросткового и юношеского этапов социализации личности, для которых характерна переориентация общения с родителей и учителей на сверстников. Результаты ленинградского социологического опроса неформальных групп молодежи, проводившегося в 1989 г. (среди респондентов 78,5 % составили несовершеннолетние), показали, что одним из основных мотивов вхождения в неформальную группу было «внутреннее одиночество и желание найти друзей»⁷. По мнению З. В. Сикевич, образ жизни молодого человека носит чаще не индивидуально-личностный, а групповой характер, и чувство принадлежности к определенной общности выражено значительно сильнее, чем у старших возрастов. Она считает, что «неформалы — это самая обыкновенная молодежь, искусственно выброшенная за пределы формальных структур, чаще всего в результате порочной системы воспитания, недоверчивого и неуважительного отношения к ней со стороны зрелых людей»⁸.

Постепенно не только ученые, но и представители общест-венности становятся более толерантными к молодежным субкультурам. Во-первых, шквал стихийно возникающих непривычных неформальных молодежных объединений идет на спад; во-вторых, начинают появляться публицистиче-ские работы, анализирующие это явление и не делающие панических выводов о падении нравов молодежи, а разъ-ясняющие особенности различных молодежных субкультур. Появляются исследования, освещающие особенности отдель-ных молодежных субкультур — панков, растафари, хиппи, наци-скинхедов, участников уличных группировок⁹.

Сейчас заметную роль в исследованиях, посвященных мо-лодежным субкультурам, играют научные школы Московского гуманитарного университета, Института социально-полити-ческих исследований РАН, университетов Санкт-Петербурга, Казани, Ульяновска, Тюмени и др.¹⁰

Однако в работах о молодежных субкультурах недоста-точно отображена региональная специфика этого феноме-на. Большинство современных российских исследователей отмечают, что существенное влияние на подрастающее поколение молодежных субкультур оказывают только в мегаполисах. При этом данные о степени распространенности молодежных субкультур среди молодежи крупных городов очень разнятся. По материалам исследований, в крупных мегаполисах в ареале субкультур может находиться до 40 % всех подростков¹¹. Поэтому в первую очередь интерес к ис-следованию молодежных субкультур проявляется в таких городах, как Москва и Санкт-Петербург. С. А. Серегеев пишет: «Обращает внимание и то обстоятельство, что пре-имущественно изучаются субкультуры молодежи Москвы, реже Санкт-Петербурга... Исследований молодежных суб-культур в регионах и республиках в составе Российской Федерации меньше. Это в известной мере оправданно, так как субкультурные мода и стиль „западнического“ харак-тера распространялись в первую очередь среди молодежи столиц. Вместе с тем изучение субкультурной ситуации в российских регионах, региональных особенностей представля-ется интересной и важной задачей, учитывая, в частности, увеличение значения регионов в сегодняшней России»¹².

Среди работ, освещающих региональные особенности молодежных субкультур, необходимо выделить исследова-

ния А. З. Бадмаева, А. Ю. Буяновой, И. Ю. Верчагиной, А. Л. Салагаева, С. А. Сергеева, а также труды Научно-исследовательского центра «Регион» в г. Ульяновске (руко-водитель — Е. Л. Омельченко)¹³.

К характерным чертам провинциальных молодежных субкультур чаще всего относят малочисленность, аморф-ность (наблюдается относительно легкий переход подростков из одной субкультуры в другую), постоянное «отставание» провинциальных субкультур от мегаполисов. Часто про-винциальная неформальная молодежь держится вместе и хорошо знакома друг с другом. Так, А. Ю. Буянова от-мечает: «В силу того что Улан-Удэ — сравнительно не-большой город... неформалы так или иначе пересекаются в общих местах встреч. Поэтому одно из главных отличий улан-удэнских неформалов от неформалов мегаполисов — то, что все молодые люди знакомы между собой (или хотя бы слышаны друг о друге), что, естественно, не пред-ставляется возможным в Москве или Санкт-Петербурге»¹⁴.

Похожая ситуация была описана в рамках исследования молодежных субкультур, проводившегося в г. Саранске в 2003—2004 гг. НИИ регионалогии при Мордовском государ-ственном университете. «Особенности молодежных субкуль-тур г. Саранска обусловлены малочисленностью их носителей. Это приводит к тому, что они стараются держаться как можно ближе друг к другу. Если в мегаполисе каждая из группировок старается держаться обособленно и испытывает к другим группам недоверие, а подчас и враждебность, то в небольших и средних городах собственная непохожесть и большая уязвимость тянет молодых людей друг к другу. Все они посещают одни и те же мероприятия (в основном кон-церты, устраиваемые активистами неформальных движений), на которых обычно выступают коллективы всех возможных в городе неформальных направлений»¹⁵. Таким образом, в провинции характерно преобладание так называемых «поли-субкультурных молодежных групп», возникающих за счет «сильного упрощения и урезания собственных субкультур до того состояния, что межсубкультурные конфликты в группе минимизируются»¹⁶.

Анализируя провинциальную специфику субкультур на примере г. Шахты, Е. В. Красавина отмечает, что ее формируют «ограниченность ресурсов для удовлетворения

социокультурных потребностей индивида, отсутствие разнообразия досуговых форм деятельности, социальных связей, дающих реальную возможность выбора молодому человеку значимых ценностей и приоритетных форм поведения, а также денежных средств для поддержания субкультурной моды и стиля»¹⁷.

Возникновение и развитие молодежных субкультур — процесс динамический. Сегодня ситуация внутри молодежных субкультур кардинально меняется во многом благодаря развитию СМИ и массовой компьютеризации общества. Процессы глобализации стирают границы и различия между субкультурными стилями, стратегиями, мегаполисом и провинцией. Само коммуникативное пространство современной молодежи перемещается в виртуальное пространство Интернета. «Молодежь, — пишет Е. Л. Омельченко, — творит особую форму культуры, где она, как ей кажется, полностью контролирует свое время и где формой самоосвобождения становится интерактивность»¹⁸. Соответственно, представитель какой-либо «редкой» в небольшом провинциальном городе молодежной субкультуры уже не чувствует себя отрезанным от своих единомышленников из Москвы или Омска. Вряд ли еще пять-шесть лет назад было возможным обнаружить в Интернете «Сайт для Неформалов села Александровского» или «Сайт неформалов г. Серова». Социальные сети, всевозможные форумы и интернет-блоги помогают молодым людям поддерживать социальные связи, быть в курсе последних новостей, назначать встречи, скачивать редкую музыку, заказывать одежду и аксессуары. Это сильно влияет на современный образ «провинциального неформала». Исследователи уже не успевают описывать существующие процессы в молодежных субкультурах. «Любой исследователь... молодежной субкультуры встречается с колоссальной проблемой: те выводы, которые мы получили, исследуя молодых людей, пять лет назад из этой субкультуры, совершенно не означают, что достоверно относятся к этой же субкультуре теперь. Поэтому получается, что исследователь постоянно опаздывает, описывая молодежную субкультуру, и общественное мнение, сформированное исследованиями, приписывает молодежному движению то, чего уже не происходит»¹⁹.

Таким образом, реалии быстро меняющейся действительности подводят к мысли, что современные тенденции в развитии молодежных субкультур, в том числе провинциальных, требуют дальнейшего изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Щепанская Т.Б. Традиции городских субкультур // Рабочий кабинет Т.Б. Щепанской. URL: <http://poehaly.narod.ru/subcult-f.htm> (дата обращения: 20.09.2011).

² Там же.

³ См.: Жидков В.С., Соколов К.Б. Искусство и социокультурная стратификация общества // НарКом — русский народный сервер против наркотиков. 1998—2007. URL: <http://www.narcom.ru/ideas/common/65.html> (дата обращения: 03.05.2011).

⁴ Левикова С.И. Молодежная культура. М.: Вузовская книга, 2002. С. 35.

⁵ См.: Кон И.С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989. С. 149.

⁶ См.: Психологические проблемы изучения неформальных молодежных объединений: сб. науч. тр. / редкол.: Д.И. Фельдштейн, Л.А. Радзиховский (отв. ред.) и др. М.: Изд-во АПН СССР, 1988. 160 с.

⁷ См.: Лисовский В.Т. Неформальные группировки среди молодежи: причины возникновения и методы работы с ними. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 84.

⁸ Сикевич З.В. Молодежная культура: «за» и «против». Л.: ЛГУ, 1990. С. 106.

⁹ См.: Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры: опыт этнографического исследования системы, 1986—1989 гг. СПб.: Наука, 1993. 340 с.; Сикевич З.В. Молодежная культура: «за» и «против». 205 с.; Запесоцкий А.С., Файн А.П. Эта непонятная молодежь...: проблемы неформальных молодежных объединений. М.: Профиздат, 1990. 224 с.; Аксютин О.А. Панк-вирус в России: сб. интервью. М.: Леан, 1999. 319 с.; Сосновский Н.А. «Культура растафари» в зарубежной литературе: панафриканизм, Ветхий Завет и рок-музыка // Культурное наследие: преемственность и перемены. Вып. 3. М., 1991. С. 130—198; Тарасов А.Н. Бритоголовые: новая протофашистская молодежная субкультура в России // Дружба народов. 2000. № 2. С. 130—150; Громов Д.В. Подростково-молодежные уличные группировки как объект этнографического исследования // Молодежные уличные группировки: введение в проблематику. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 8—72.

¹⁰ См.: Ильинский И.М. Молодежь в контексте глобальных процессов развития мирового сообщества // Молодежь и общество на рубеже веков. М.: Изд-во Ин-та молодежи, Голос, 1999. С. 23—44; Луков В.А. Исследование молодежной проблематики в России // Электрон. журн. «Знание. Понимание. Умение». 2009. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu> (дата обращения: 06.07.2010); Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2001. 203 с.; Лисовский В.Т. Неформальные группировки среди молодежи ... 246 с.; Сергеев С.А. К вопросу о клас-

сификации и некоторых особенностях молодежных субкультур России // Социальное знание: формации и интерпретации: материалы Междунар. науч. конф. Казань: КГУ, 1996. С. 25—34; Салагаев А.Л. Молодежные правонарушения и делинквентные сообщества сквозь призму американских социологических теорий. Казань: Экоцентр, 1997. 156 с.; Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2000. 264 с.; Гаврилюк В.В. Гопники как феномен в среде молодежи // Социол. исслед. 2010. № 1. С. 126—131.

¹¹ См.: Сергеев С.А. К вопросу о классификации ...; Салагаев А.Л., Шашкин А.В. Молодежные группировки: опыт пилотажного исследования // Социол. исслед. 2004. № 9. С. 50—58; Бадмаев А.З. Молодежные организации Республики Бурятия на современном этапе (1985—1995 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1997. 25 с.; Буянова А.Ю. Неформальная молодежь Улан-Удэ ...; Верчагина И.Ю. Молодежные общественные объединения Кузбасса на современном этапе (1985—2002 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2003. 21 с.; «Поколения.net: хроники событий» / под ред. Е. Омельченко. Ульяновск: Изд-во Ульян. гос. ун-та, 2007. 200 с.

¹² См.: Неформальные молодежные сообщества Санкт-Петербурга: теория, практика, методы профилактики экстремизма / под ред. А.А.Козлова. СПб., 2008. С. 7.

¹³ Сергеев С.А. Молодежные субкультуры в республике // Социол. исслед. 1998. № 11. С. 96.

¹⁴ Буянова А.Ю. Неформальная молодежь Улан-Удэ: вчера и сегодня // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. СПб., 2009. № 92. С. 51.

¹⁵ Молодежные субкультуры в Республике Мордовия // Бюлл. Науч. центра соц.-экон. мониторинга Республики Мордовия / авт. кол. А.И. Сухарев (отв. ред.), С.В. Полутин (зам. отв. ред.), В.В. Козин, Д.Е. Соловьев, Н.В. Шумкова. 2004. № 9. С. 6.

¹⁶ Неформальные молодежные сообщества Санкт-Петербурга ... С. 16.

¹⁷ Красавина Е.В. Социальная адаптация российских студентов: роль молодежной субкультуры: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 2005. С. 15

¹⁸ Омельченко Е.Л. Смерть молодежной культуры и рождение стиля «молодежный» // Отеч. зап. 2006. № 3. URL: www.strana-oz.ru/?numid=30&article=1270 (дата обращения: 04.07.2011).

¹⁹ Серавин А.И. Теория однопараллельных субкультур // Ежегодник Рос. психол. общества: материалы III Всерос. съезда психологов г. Санкт-Петербурге, 25—28 июня 2003 г.: в 8 т. СПб.: СПбГУ, 2003. Т. 7. С. 112.

Поступила 17.05.11.

А. В. МАХИЯНОВА

РОЛЬ АГЕНТОВ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ГРАЖДАНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Ключевые слова: социализация, агенты социализации, этническая идентификация, гражданское самосознание

Key words: socialisation, socialisation agents, ethnic identification, civil consciousness

На современном этапе развития отечественной социологии перед учеными появляются новые задачи, связанные с переосмыслением процессов социализации и идентификации личности, их взаимосвязи, взаимовлияния.

В не столь далеком прошлом идентификационные процессы находились в жесткой рамке социальной однородности, предписанной идеологией государственно-гражданской идентичности советской личности. Социализация посредством ее агентов также соответствовала идеологической программе советского государства. Картина радикально меняется с распадом Советского Союза. Во-первых, произошла девальвация прежних идентификационных и социализационных рамок, которые приобретали свойства мозаичности, а в некоторых аспектах и аморфности. Во-вторых, появилось многообразие идентификационных стратегий, причины которого заложены в трансформации и дисфункции многих социальных институтов и агентов социализации.

Помимо общих процессов, стоит также обратить внимание на особенность Республики Татарстан (РТ) как региона России, в котором тесно переплелись две этнические ветви русских и татар, вследствие чего вопросы толерантности и дружеского соседства всегда являются актуальными. В свою очередь гражданское самосознание населения формируется

МАХИЯНОВА Алина Владимировна, ведущий научный сотрудник Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, кандидат социологических наук, доцент (г. Казань).

под воздействием, с одной стороны, стремления к автономии, с другой — осознания тесной и неразрывной связи с российским государством.

Изучение этих и многих других аспектов невозможно без привлечения прикладного инструментария социологической науки. С этой целью нами было проведено социологическое исследование. Выборочная совокупность была сформирована с использованием метода случайной бесповторной квотной выборки путем многоступенчатого отбора обследуемых единиц. Пол, возраст и место жительства респондента выступили в качестве квот. Объем выборочной совокупности при 5-процентной ошибке репрезентативности составил 2,5 тыс. чел., что позволяет говорить о высокой степени репрезентативности полученных данных. Исследование было проведено в 2010 г. во всех крупных городах и 22 районах республики.

При изучении роли агентов социализации в формировании этнических идентификационных характеристик и гражданского самосознания личности мы исходили из необходимости, во-первых, четкого понимания сущности рассматриваемого феномена, во-вторых, выбора методических приемов и способов, которые должны способствовать решению поставленных задач.

Среди агентов социализации мы рассмотрели семью; государство; образование (школа, вуз и т. д.); СМИ (телевидение, печатные издания, радио); религию; представителей своей этнической принадлежности; близкое окружение (родственники, друзья); трудовой (производственный) коллектив, коллег; людей, проживающих на одной территории (соседи, земляки и т. д.). Методологической основой изучения стало общепринятое разделение на положительную и отрицательную идентификации.

Большинство опрошенных отнесли себя к татарам (61,5 %), около трети — к русским (32,8 %). Незначительное число составили представители чувашей (1,5 %) и мордвы (0,3 %). Отказались от ответа 3,9 % респондентов. Наибольшее количество представителей татар было отмечено в сельской местности, а также в Казани и других городах РТ (76,3, 60,0 и 53,8 % соответственно). В свою очередь в опросе русские доминировали в малых городах республики и Казани, а в меньшей степени были представлены в сельской местности (38,8, 37,4 и 17,2 % соответственно). Стоит отметить,

что такое распределение не означает реального соотношения указанных этнических групп по территориальному признаку, так как выборка была построена на основе гендерных и возрастных квот.

В целом без учета этнических различий можно говорить о положительной идентификации жителей республики со своей этнической группой. Большинство опрошенных достаточно часто ощущают сходство с людьми своей этнической принадлежности (68,7 %). Примерно каждый пятый респондент испытывает это сходство редко (19,5 %), и только 3,2 % опрошенных выбрали вариант «никогда». Затруднились ответить на этот вопрос 8,6 % опрошенных.

Роль агентов социализации в формировании этнической идентичности изучалась с использованием рейтинга, который строился на основе подсчета среднего значения по трехбалльной системе оценки. Явными лидерами в этом вопросе стали семья (2,72 балла) и близкое окружение человека (2,27 балла). Значима также религия, набравшая 1,82 балла.

Незначительно, но все-таки отстают по значимости представители своей этнической принадлежности (1,65 балла). В группу со схожими показателями можно включить государство, образование и людей, проживающих на одной территории (соседи, земляки), — 1,35, 1,31 и 1,24 балла соответственно. Наименьшую роль в формировании этнической идентичности играют СМИ и трудовой коллектив (по 0,86 балла).

Незначительные различия отмечены в территориальном аспекте. Максимальное значение положительной идентификации зафиксировано у сельчан (72,7 %), за ними следуют представители других городов республики (67,8 %) и жители столицы (66,8 %). Вариант «редко» доминировал у сельчан и казанцев (21,1 и 20,8 % соответственно), тогда как у респондентов других городов РТ он встречался у 17,2 %.

В распределении отрицательной идентификации первое место заняли столичные жители (4,2 %), за которыми следуют представители малых городов (3,9 %). У сельчан этот процент минимален (0,6 %), среди них также незначительное число затруднившихся с ответом (5,6 %). В малых городах республики каждый десятый житель затруднился в оценке своей этнической идентификации (10,7 %), тогда как в столице республики таковых меньше (8,2 %).

Для женщин характерна большая степень положительной идентификации со своей этнической группой. Они чаще мужчин ощущают сходство с людьми своего этноса (71,7 к 67,4 %). Вариант «редко» выбирался женщинами в 17,6 % случаев, тогда как мужчины остановились на нем в 21,9 % случаях. Вариант «никогда» составил 3,0 к 3,3 % соответственно.

Чем старше был респондент, тем наиболее сильно проявлялась его идентификация со своим этносом. В частности, вариант «часто» выбрали 63,1 % респондентов от 18 до 29 лет, 69,6 % — в возрасте от 30 до 49 лет, 73,2 % — от 50 до 64 лет, 75,4 % — старше 65 лет. Значительных различий в рейтинге агентов социализации в формировании этнической идентичности в зависимости от гендерной принадлежности не было выявлено. Стоит только отметить, что женщины большое значение придают роли религии и близкого окружения.

Роль агентов социализации в формировании этнической принадлежности в зависимости от типа поселения незначительно, но все-таки менялась. Лидерами также оставались семья, близкое окружение и религия. Однако роль семьи оценивалась ниже в городах республики. В свою очередь в сельской местности наблюдалось выше значение религии своей этнической группы (2,12 и 1,89 балла) по сравнению с малыми городами, где их роль оценена в 1,72 и 1,62 балла соответственно.

На селе также более высокая оценка дается роли образования (1,54 к 1,24 баллам в столице и 1,22 баллам в малых городах). Схожая картина наблюдается в оценках роли государства и территориальной общности (1,50 и 1,48 балла в сельской местности, 1,37 и 1,19 — в других городах РТ, 1,22 и 1,12 — в столице). У сельчан и жителей столицы выше значение СМИ и трудового коллектива, а у представителей малых городов — трудового коллектива.

Оценки агентов социализации в зависимости от возраста респондентов имеют различия. В частности, население в возрасте от 18 до 29 лет более высоко оценивает роль религии, тогда как территориальная общность для них менее значима. Респонденты 30—49 лет подчеркивают роль государства, в то время как возрастная группа 50—64 лет, наоборот, поставила более низкие оценки государству и этнической

общности. Поколение старше 65 лет низко оценивает роль образования, а высоко — роль территориальной общности.

Многие татарстанцы считают себя россиянами и татарстанцами (41,8 %), что показывает наличие двойного гражданского самосознания. В свою очередь каждый четвертый опрошенный считает себя исключительно россиянином, а каждый пятый — только татарстанцем (27,7 и 22,4 %); 4,8 % опрошенных заявили о себе как о россиянах, татарстанцах и гражданах СНГ, а 0,8 % признают себя только гражданами СНГ. Затруднились с ответом 2,5 % респондентов. Подавляющая часть населения республики достаточно часто испытывает единство с людьми своего гражданства (63,2 %), однако для каждого пятого опрошенного эти чувства редки (20,8 %), а 3,3 % из общего числа опрошенных никогда не испытывают таких чувств (12,7 %).

Среди агентов социализации определились два явных лидера, оказывающих наибольшее влияние на формирование гражданского самосознания: семья и государство (2,47 и 2,29 балла). В следующую по степени значимости группу вошли близкое окружение и образование (1,65 и 1,50 балла соответственно). Значительно меньшую роль играют СМИ, этническая и территориальная общности (1,07, 1,06 и 1,03 балла соответственно). Наименьшее влияние на формирование гражданского самосознания оказывают религия и трудовой коллектив (0,9 и 0,8 балла).

Интересная ситуация выявлена по поводу гражданской принадлежности у представителей различных населенных пунктов. В частности, сельчане примерно в два раза реже считают себя россиянами, а в два раза чаще — татарстанцами (16,4 к 32 %). У городских жителей (как г. Казани, так и малых городов республики) противоположное мнение. Они чаще называют себя россиянами, чем татарстанцами (30,2 к 19,1 % в г. Казани, 32,6 к 19,1 % в малых городах). Имеют двойное гражданское самосознание 48,2 % сельчан, 43,3 % казанцев и 36,8 % представителей малых городов. Считают себя россиянами, татарстанцами и гражданами СНГ 2,4 % респондентов из сельской местности, 5,3 % из малых городов и 6,0 % казанцев. Исключительно гражданами СНГ считают себя 2,4 % сельчан, 0,9 % жителей малых городов и 0,8 % столичных жителей. Затруднились с ответом 0,4, 5,3 и 0,6 % соответственно.

Относительно чувства единства с людьми своего гражданства значительные различия в ответах респондентов в зависимости от места жительства отсутствуют. Единство имеет место в оценке роли семьи, государства, близкого окружения и образования. Однако сельчане настаивали на важности в формировании гражданского самосознания религии, этнической территориальной общности. Оценки указанных агентов социализации у них значительно выше. Для столичных жителей характерна более высокая оценка СМИ. Каждый третий мужчина относит себя только к россиянам, каждый четвертый — к татарстанцам (30,7 и 21,8 %). У женщин это соотношение составило 25,1 к 24,3 %. При этом они чаще мужчин были носителями двойного гражданского самосознания (44,6 к 41,1 % соответственно). В показателях единства с людьми своего гражданства значительных гендерных различий не зафиксировано. Однако женщины чаще обращают внимание на роль семьи, религии, этнической общности и близкого окружения. Население старше 65 лет чаще называет себя татарстанцами, реже — россиянами. Однако, чем моложе респондент, тем чаще он является носителем двойного гражданского самосознания.

Исследование выявило еще ряд интересных тенденций. Во-первых, с увеличением возраста положительная идентификация с людьми своего гражданства уменьшается. Во-вторых, на формирование гражданской принадлежности у молодого поколения наибольшее влияние оказывают семья, государство, религия и этническая общность, наименьшую — СМИ, трудовая и этническая общности. В-третьих, для респондентов от 30 до 49 лет значимыми являются образование и территориальная общность, для респондентов 50—64 лет — близкое окружение и трудовой коллектив. Лица старше 65 лет отличились тем, что практически все агенты социализации оцениваются ниже других возрастных категорий.

Таким образом, исследование позволило раскрыть основные тенденции в формировании этнической идентичности и гражданского самосознания населения Татарстана и рассмотреть роль ведущих агентов социализации в их становлении. Его итоги позволяют утверждать, что для жителей республики характерно доминирование положительной этнической идентификации, наибольшую роль в

формировании которой играют семья, близкое окружение и религия. Носителями положительной идентификации со своим этносом наиболее часто выступают сельские жители, женщины и люди старшего возраста.

В республике доминирует двойное гражданское самосознание на фоне превалирования положительной идентификации. При этом, чем моложе респондент, тем чаще проявляется двойственность. В целом ее необходимо рассматривать как результат исторического развития республики, в котором тесно переплетены стремление к независимости с осознанием неразрывной связи с российским государством. Результаты исследования подтверждают, что не последнюю роль в этом сыграла политика властей республики, так как среди агентов социализации, оказавших наибольшее влияние на формирование гражданского самосознания, жители отметили семью и государство. На роли религии, этнической и территориальной общности чаще настаивают сельчане, в то время как для столичных жителей характерна более высокая оценка СМИ.

Поступила 11.02.11.

О. А. БОГАТОВА

А. И. КАРЬГИН

МОНИТОРИНГ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: межэтнические отношения, гражданская идентичность, этничность, региональная идентичность

Key words: interethnic relations, civil identity, ethnicity, regional identity

Специфика регионов России как социальной общности и объекта социального исследования определяется комплексом факторов этнического, культурно-языкового, демографического, политико-правового, социально-экономического характера. Взаимодействие этих факторов дает возможность рассматривать Мордовию, с одной стороны, как полиэтнический регион с уникальной этнокультурной спецификой, с другой — как один из субъектов Российской Федерации, обладающих особым территориально-политическим статусом, а именно: республику в составе России.

Этническая и конфессиональная ситуация в современной России в целом и ее субъектах динамична и неустойчива. К условиям, влияющим на динамику межэтнических и межконфессиональных отношений в перспективе, относятся внутренние и внешние факторы. Они обуславливают необ-

БОГАТОВА Ольга Анатольевна, профессор кафедры социологии Мордовского государственного университета, доктор социологических наук.

КАРЬГИН Александр Иванович, заместитель министра по национальной политике Республики Мордовия, кандидат социологических наук.

ходимость мониторинга этнических и религиозных проблем для ранней диагностики и предотвращения напряженности и конфликтов.

В ноябре — декабре 2010 г. на базе филиала Всероссийского центра изучения общественного мнения по Приволжскому федеральному округу (ВЦИОМ-Поволжье) в Мордовии по заказу Министерства по делам национальностей Республики Мордовия было проведено социологическое исследование «Мониторинг межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия». Методом сбора данных было выбрано очное формализованное интервью по месту жительства респондента. Для их отбора использовалась репрезентативная квотная выборка с элементами случайного отбора населенных пунктов и респондентов. Выборочная совокупность составила 1 тыс. жителей Республики Мордовия в возрасте от 18 лет и старше. Были опрошены 367 чел. (36,7 %) мордовской, 593 чел. (59,3 %) русской, 26 чел. (2,6 %) татарской и 14 чел. (1,4 %) других национальностей. Таким образом, этнодемографические параметры выборки отражают этнический состав населения республики, для которого характерно преобладание этнически смешанных социальных сред со средней степенью этнической мозаичности. В то же время полученные данные являются репрезентативными только по отношению к двум наиболее многочисленным группам населения республики — русских и мордвы.

Для выявления основных тенденций динамики этнической самоидентификации населения в этноконтактных средах был задан вопрос «Как Вы указали в ходе Всероссийской переписи населения в октябре 2010 года свою национальность?». 21,6 % опрошенных, включая 15,4 % мордвы, 25,5 % русских и 21,4 % татар, выбрали ответ «по национальности одного из родителей»; 78,0 %, в том числе 84,6 % мордвы, 73,9 % русских и 78,9 % татар, — «по национальности обоих родителей»; 0,4 % опрошенных (3 респондента русской национальности) ответили, что в ходе переписи не отнесли себя к определенной национальности. Никто из респондентов не выбрал предложенный вариант ответа «по национальности преобладающего по численности населения региона (района, города, села) проживания». Таким образом, ассимиляционные изменения численности этнических групп республики происходят в форме брачной ассимиляции и имеют поколенческий характер.

Исходя из того, что национальность респондента, указанная в ходе переписи, идентична указанной им в ходе опроса, можно констатировать, что у опрашиваемого смешанного происхождения при наличии родителей разной национальности наиболее предпочтительным выбором является русская национальность, т. е. национальность большинства населения республики. При этом можно проследить поколенческие изменения доли лиц смешанного этнического происхождения. Результаты исследования показали, что максимальная доля респондентов, определивших свою этническую принадлежность по национальности одного из родителей, относится к возрастной группе молодежи от 25 до 35 лет, чья этническая идентичность сформировалась в 90-е гг. XX в. — начале 2000-х гг. В этой возрастной группе опрошенных доля русских составляет 69,4 %, в то время как в группе 18—24 года — 54,8 %, 35—49 лет — 60,1 %, 50—59 лет — 51,3 %, 60—75 лет — 59,8 %. В остальных возрастных группах доля респондентов этнически смешанного происхождения в 1,5—2 раза меньше.

Следует отметить, что характер межэтнических отношений в Мордовии, как и в других российских регионах, зависит не столько от динамики этнической самоидентификации населения, сколько от соотношения этнического самосознания с другими формами социальной идентичности и солидарности. Так, с 90-х гг. XX в. наряду с поддержкой этнокультурного многообразия — мультикультурализмом (составной частью официальной политической идеологии российского государства) появляется идея общегражданской российской идентичности, выраженная в понятии «многонациональный народ России», заменившем в официальных документах формулу «новая историческая общность — советский народ» и призванном интегрировать граждан России в рамках новой российской государственности.

Сознание общности с такими социальными категориями, как «россияне», «жители Республики Мордовия» и «люди моей национальности», у населения Мордовии выражено примерно в равной степени независимо от национальности. Так, чувство общности с россиянами в «очень сильной» и «довольно сильной» степени испытывают в общей сложности 71,6 % респондентов, в том числе 76,5 % мордвы и 67,7 % русских; с жителями Республики Мордовия — 75,4 %

респондентов, включая 80,4 % мордвы и 71,8 % русских; с представителями своей национальности — 76,3 % респондентов, в том числе 79,6 % мордвы и 74,7 % русских; При этом у опрошенных в Мордовии русских этническая идентичность выражена несколько сильнее по сравнению с общероссийской. Следовательно, большинству населения Мордовии свойственно ощущение себя в равной степени и представителями той или иной этнической общности, и жителями республики, и россиянами.

Наряду с этнической и региональной общностью к числу наиболее важных социальных категорий для населения республики относится поселенческая общность «с людьми, живущими со мной в одном городе (селе)», с которыми приходится взаимодействовать в повседневной жизни. В «очень сильной» и «довольно сильной» степени чувство общности с ними испытывают 75,1 % респондентов, в том числе 80,1 % мордвы и 72,0 % русских. Сознание чувства общности с единоверцами (представителями «моей религии») у различных этнических групп в «очень сильной» и «довольно сильной» степени составляет около 70,0 %.

Сравнение полученных данных в зависимости от национальности опрошенных показывает, что у респондентов мордовской национальности по сравнению с русскими сильнее выражено сознание общности, а следовательно, солидарности, с рядом социальных категорий, таких как «люди, живущие в одном городе (селе)» («очень сильное» и «довольно сильное» чувство общности с ними испытывают в общей сложности 80,1 % мордвы и 72,0 % русских, с россиянами и жителями Республики Мордовия — 76,5 %). Это явление, вероятно, обусловлено более высокой степенью урбанизации русских по сравнению с мордвой в республике, так как более урбанизированная социальная среда является одновременно и более атомизированной, менее сплоченной и далеко не способствующей формированию социальных установок на солидарность с другими людьми. С другой стороны, чувство общности с такими социальными категориями, как национальность и конфессия, которые в современном российском обществе являются более размытыми и предполагают менее тесную взаимозависимость по сравнению с поселенческой общностью и регионом, у представителей обеих национальностей выражено примерно одинаково.

Интерес представляет также самооценка степени сознания общности респондентов с такой социальной категорией, как «финно-угры». Эта категория была включена в перечень вопросов в связи с популяризацией финно-угорских культур и языков, широкой пропагандой сотрудничества с финно-угорскими странами и регионами в различных областях, которая ведется различными учреждениями и органами государственной власти Мордовии в последние два десятилетия. К числу задач опроса относилось выяснение ряда вопросов, например, «Способствует ли эта политика формированию сознанию общности с финно-угорским обществом у населения Мордовии?», «В какой степени это сознание связано с этнической принадлежностью жителей республики?».

Результаты опроса показали, что такое сознание в той или иной степени присутствует у 75,0 % респондентов, в «очень сильной» и «довольно сильной» степени — менее чем у половины (46,1 % мордвы и 36,9 % русских), а в «очень сильной» — у незначительного меньшинства, причем представителей не только мордовской, но и других национальностей. Так, «очень сильное» чувство общности с финно-уграми испытывают 5,5 % респондентов, включая 4,1 % мордвы и 5,9 % русских; «довольно сильное» — 35,6 % респондентов; «не очень сильное» — 23,4 %, в том числе 29,2 % мордвы и 40,3 % русских. Совершенно не чувствуют связи с финно-уграми 23,3 % респондентов, в том числе 24,8 % мордвы и 22,7 % русских.

Взаимосвязь сознания общности с финно-уграми и этнической принадлежности респондентов в Мордовии есть, но не в такой сильной степени, как это можно было бы предположить, исходя из того, что целевой аудиторией пропаганды финно-угорского сообщества является прежде всего мордовское население республики, чей родной язык относится к финно-угорской группе. Так, «очень сильное» и «довольно сильное» чувство общности с финно-уграми испытывают 42,0 % респондентов мордовской национальности, которые сами могут себя отнести к этой социальной категории, и 31,0 % русских, для которых финно-угорское сообщество представлено титульным, мордовским, населением республики. Очевидно, различные аспекты восприятия финно-угорской общности жителями республики нуждаются

в дальнейшем изучении. В любом случае можно констатировать, что финно-угорская идентичность в Мордовии не противоречит формированию у ее населения общероссийской идентичности, а пропаганда финно-угорского сотрудничества в той форме, в какой она ведется, не способствует расколу общества по этническому признаку.

Показателем интегрированности различных групп населения Мордовии в российскую «национально-гражданскую» общность является отношение к такому суждению, как «Все граждане России, будучи представителями разных народов со своей культурой, языком, самосознанием, в то же время составляют РОССИЙСКУЮ НАЦИЮ как гражданско-государственное сообщество, объединенное чувством патриотизма, сознанием ответственности за судьбу страны». Полностью согласились с этой идеей две трети опрошенных, в том числе 71,0 % мордвы и 64,1 % русских. Сочли ее осуществимой в перспективе 24,2 % респондентов, в том числе 23,3 % мордвы и 24,2 % русских. Лишь 6,9 % респондентов, в том числе 4,9 % мордвы и 8,6 % русских, уверены, что это в принципе нельзя осуществить, так как Россия — это многонациональная страна. Таким образом, большинство опрошенных независимо от этнической принадлежности полагают, что российская нация как гражданское сообщество уже существует, и идентифицируют себя с ней, и примерно 90 % респондентов считают, что «многонациональность» как полиэтничность в принципе совместима с идеей гражданской российской нации. В этом отношении население Мордовии, очевидно, понимает значение этих понятий примерно так же, как и полномочный представитель Президента РФ в ПФО А. В. Коновалов, который, награждая 24 мая 2007 г. в г. Саранске победителей олимпиады ПФО по русскому языку, литературе, истории и культурологии, обратился к ним: «Вы — будущая элита огромной многонациональной российской нации!»¹.

Вместе с тем результаты исследования обращают внимание на некоторую негативную поколенческую динамику в оценке степени осуществимости российского «национально-гражданского» проекта, которая выражается в том, что молодежь от 18 до 24 лет в наименьшей степени склонна считать этот проект реальностью (55,6 %) (респонденты в возрасте от 25 до 34 лет — 63,2 %, от 35 до 49 лет — 74,1 %

(это наивысший показатель), от 50 до 59 лет — 68,8 %, от 60 до 75 лет — 65,5 %). Напротив, среди молодежи от 18 до 24 лет наивысшая доля тех, кто считает этот проект в принципе неосуществимым 11,1 %.

Это явление, на наш взгляд, требует более пристального внимания властей республики к проблемам, с которыми сталкивается молодежь, включая как вопросы собственно этнокультурной политики, так и проблемы усиления различных форм социального неравенства и ущемления прав гражданина в зависимости от материального положения, возраста, места жительства, которые, как показывает практика, могут быть истолкованы в этнических категориях и таким образом стать источником этнической нетерпимости, социальной напряженности и межэтнических конфликтов.

Показателем степени интеграции различных этнических групп в составе населения Мордовии, а также в составе российской гражданской общности являются оценки предстоящего празднования 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства. Большинство из опрошенных независимо от этнической принадлежности оценили это как важное событие (66,4 %), отметив те или иные аспекты, в которых празднование юбилея может быть полезно для республики, и лишь 13,1 % усомнились в том, что событие, которому посвящен праздник, имело место вообще или состоялось в указанный период времени.

В ходе опроса была предпринята попытка определить характер межнациональных отношений в республике на межличностном (проявление негативного отношения к представителям различных национальностей на уровне повседневного общения), межгрупповом (межэтническая напряженность, конфликты) и институциональном (ущемление прав жителей республики со стороны представителей власти и различных организаций; отслеживание их динамики по сравнению с предыдущим периодом и прогнозирование их состояния в ближайшей перспективе, а также выявление основных социальных факторов, влияющих на их состояние) уровнях.

Оценивая характер межнациональных отношений в своем городе (селе), многие респонденты определили их как «стабильные, добрососедские» (так считают 84,4 % опрошенных, включая 83,9 % респондентов мордовской национальности и 84,9 % русских); 13,5 % респондентов, в том числе 17,9 %

русских и 10,1 % мордвы, придерживаются мнения «внешне все спокойно, но межнациональная напряженность ощущается на бытовом уровне». Напротив, только 1,1 % опрошенных, в том числе 0,5 % русских и 2,2 % мордвы, полагают, что в республике «имеется сильная межнациональная напряженность, возможны конфликты», и 0,5 %, в том числе 1,4 % мордвы, считают, что в республике есть межнациональные конфликты.

Эти данные свидетельствуют о стабильном, добрососедском характере межэтнических отношений в республике. Оценки населения практически не изменились по сравнению с результатами массового опроса, проведенного в ходе предыдущего этапа мониторинга, осенью 2009 г.

В качестве показателей, характеризующих состояние межэтнических отношений на межличностном уровне, в исследовании рассматривались проявления этнической неприязни по отношению к представителям национальности респондента, их наличие и частота. На вопрос «Как часто приходилось Вам за последние 12 месяцев сталкиваться с негативным отношением к представителям Вашей национальности?» 89,0 % респондентов, в том числе 90,7 % мордвы и 88,8 % русских, дали ответ «никогда», что несколько больше, чем в 2009 г., когда так ответили 83,0 % опрошенных. Только 2,1 % респондентов, в том числе 2,6 % русских и 1,4 % мордвы, отметили, что сталкивались с такими проявлениями часто; редко сталкивались с ними 8,9 %, в том числе 8,7 % русских и 7,9 % мордвы (в отличие, соответственно, от 15,4 % респондентов, в том числе 15,6 % мордвы и 16,1 % русских в 2009 г.).

Таким образом, можно констатировать: хотя часть респондентов редко сталкивается с проявлениями этнической неприязни на уровне межличностных отношений, однако неприязнь такого рода нельзя назвать распространенным явлением в Мордовии. При этом представители различных национальностей примерно одинаково низко оценивают частоту проявлений этнической неприязни в республике. В целом эти результаты показывают некоторую положительную динамику по сравнению с 2009 г.

Для выявления степени распространенности в республике различных проявлений экстремизма на этнической или религиозной почве, связанных с деятельностью организаций,

социальных движений или иных организованных групп людей, респондентам был задан вопрос о том, сталкивался ли опрашиваемый или его знакомые, родственники в Мордовии в течение последнего года с разными проявлениями неприязни к людям тех или иных национальностей: оскорбления из-за национальной принадлежности в общественных местах; лозунги, надписи, листовки, публичные выступления в общественных местах, провоцирующие враждебное отношение к людям других национальностей; призывы к насильственным действиям по отношению к людям тех или иных национальностей; высказывания, публикация, оскорбляющие национальные чувства и пропагандирующие враждебное отношение к людям других национальностей в печатных изданиях; теле- и радиопередачи, пропагандирующие враждебное отношение к людям других национальностей; высказывания, оскорбляющие национальные чувства, пропагандирующие враждебное отношение к людям других национальностей; призывы к насильственным действиям по отношению к людям тех или иных национальностей в Интернете на сайтах, блогах, форумах Мордовии, а также насильственные столкновения на национальной или религиозной почве в форме драк и иных хулиганских действий.

Как показал опрос, ни с чем из перечисленного за последние 12 месяцев не сталкивались 92,1 % респондентов (в 2009 г. — 90,7 %), в том числе 93,7 % русских и 90,7 % мордвы. С каждым из перечисленных в вопросе видов экстремистских действий со стороны каких-либо групп или организаций, за исключением словесных оскорблений из-за национальной принадлежности в общественных местах, столкнулись в течение последнего года всего 4,1 % опрошенных (7,6 % в 2009 г.), в том числе 2,5 % русских и 6,4 % мордвы. С остальными видами экстремистской деятельности сталкивалось не более 5 % респондентов. Следовательно, активизации экстремистской деятельности со стороны национал-радикальных группировок за период, прошедший со времени предыдущего опроса, в виде надписей, лозунгов в общественных местах, провокационных публикаций в СМИ, воззваний в Интернете, насильственных межэтнических столкновений в форме драк и т. п.

Населением республики отмечено не было. Таким образом, данные опроса позволяют сделать вывод об отсутствии

в Мордовии межэтнической напряженности как на уровне межличностного общения, так и на межгрупповом уровне.

На институциональном уровне межэтнических отношений в опросе использовался показатель проявления этнической дискриминации. Также изучалось мнение населения республики о воздействии на межэтнические отношения таких институциональных факторов, как обучение в вузах республики студентов из числа мордовской диаспоры, освещение межэтнических отношений в прессе, деятельность органов государственной власти и местного самоуправления по регулированию межэтнических отношений, пропаганда этнической и религиозной вражды в публичной сфере, включая СМИ.

На вопрос «Сталкивались ли Вы в течение последних 12 месяцев со случаями ущемления Ваших прав из-за Вашей национальности?» отрицательно ответили 98,5 % респондентов (в 2009 г. — 97,7 %), в том числе 100,0 % русских и 98,6 % мордвы, что свидетельствует об отсутствии этнической дискриминации в республике. Эти данные практически совпадают с прошлогодними. Ни разу не сталкивались в течение последнего года с ущемлением своих прав из-за своего вероисповедания, отношения к религии 99,1 % опрошенных. Респондентам было также предложено оценить влияние на состояние межэтнических отношений деятельности печатных СМИ и органов местного самоуправления в Мордовии. Из результатов опроса видно, что большинство респондентов позитивно оценивают воздействие освещения этнических проблем республиканской прессой на формирование доброжелательного отношения к представителям различных национальностей, хотя и несколько более сдержанно по сравнению с 2009 г.: в 2010 г. 22,4 % респондентов положительно ответили на этот вопрос (в 2009 г. — 34,8 %), 64,3 % — «скорее да, чем нет» (что значительно больше, чем в 2009 г., — 43,4 %).

Кроме того, респонденты позитивно оценили влияние деятельности органов местного самоуправления по месту жительства на формирование доброжелательного отношения к представителям различных национальностей. На вопрос «На Ваш взгляд, способствует ли деятельность органов местного самоуправления в Вашем городе (селе) формированию доброжелательного отношения к представителям различных национальностей?» 26,7 % респондентов, в том числе 21,7 %

русских и 34,3 % мордвы, ответили положительно; 60,7 %, в том числе 55,9 % мордвы и 63,3 % русских, — «скорее да, чем нет»; чуть более 10 % респондентов различных национальностей — «скорее нет, чем да» или «нет».

В целом влияние институциональных факторов на межэтнические отношения в Республике Мордовия следует охарактеризовать положительно, каких-либо неконтролируемых конфликтогенных факторов в исследовании выявлено не было. Две трети респондентов считают, что в течение последнего года отношения между людьми разных национальностей по месту их жительства оставались стабильными, а четвертая часть уверена, что они улучшились. Ухудшение межэтнических отношений в том месте, где они проживают, отметили 5,1 % опрошенных.

Респонденты позитивно оценивают перспективы развития межэтнических отношений по месту их жительства. Преобладает мнение, что они не изменятся (63,8 % опрошенных, в том числе 64,8 % русских, 62,0 % мордвы и 73,1 % татар); 28,8 % опрошенных, включая 27,0 % русских, 30,3 % мордвы и 15,4 % татар, прогнозировали их улучшение. Оценивая вероятность насильственных межэтнических или межконфессиональных конфликтов по месту своего жительства, более 90,0 % респондентов различных национальностей посчитали их невозможными, что также является показателем стабильного и добрососедского характера межэтнических отношений в Мордовии.

Таким образом, для большинства населения Мордовии характерно ощущение себя в равной степени и представителями той или иной этнической общности, и жителями республики, и россиянами, что означает преобладание в сознании представителей различных национальностей социальной установки на межэтническое сотрудничество. Большая часть респондентов, в том числе две трети мордвы и русских, полагает, что в России существует полиэтничная и поликультурная российская нация как гражданско-государственное сообщество, а четверть респондентов считает этот проект осуществимым в перспективе. Таким образом, многие респонденты независимо от этнической принадлежности полагают, что российская нация как гражданское сообщество уже существует, и идентифицируют себя с ней. Примерно 90 % респондентов считают, что «многона-

циональность» как полиэтничность в принципе совместима с идеей гражданской российской нации.

Осознание общности с такой социальной категорией, как «финно-угры», в «очень сильной» и «довольно сильной» степени присутствует у представителей не только мордовской, но и других национальностей, проживающих в Мордовии (46,1 % мордвы и 36,9 % русских), а в «очень сильной» — у незначительного меньшинства (около 5,0 %). Следовательно, популяризация финно-угорской общности в Мордовии не противоречит формированию у ее населения общероссийской идентичности, а пропаганда финно-угорского сотрудничества в той форме, в какой она ведется, не способствует расколу общества по этническому признаку.

В целом данные опроса свидетельствуют о стабильном, добрососедском характере межэтнических отношений в республике. Такую оценку дают 84,4 % участников опроса, в том числе 83,9 % респондентов мордовской национальности и 84,9 % русских. Оценки населения практически не изменились по сравнению с результатами массового опроса, проведенного в ходе предыдущего этапа мониторинга, осенью 2009 г. Две трети респондентов считают, что в течение последнего года отношения между людьми разных национальностей по месту их жительства не изменились, а четвертая часть отмечает их улучшение. Ухудшение межэтнических отношений в месте своего проживания отметили 5,1 % опрошенных.

Влияние институциональных факторов (СМИ, деятельность органов местного самоуправления) на межэтнические отношения в республике большая часть опрошенных характеризует положительно, каких-либо неконтролируемых конфликтогенных факторов в исследовании выявлено не было.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Цит. по: Дурдаева Т. Награждены победители I-й олимпиады ПФО по русскому языку, литературе и культурологии // Изв. Мордовии. 2007. №76. 25 мая. URL: http://www.izvmor.ru/article_1754.html (дата обращения: 10.11.2010).

Поступила 18.07.11.

О. В. ГАВРИЛЕНКО

ЯЗЫКОВЫЕ ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ

Ключевые слова: культура, личность, город, провинция, народ, национальность, воспитание, языковые традиции

Key words: culture, personality, city, province, people, nationality, up-bringing, language traditions

Каждый национальный регион России является средоточием уникальной культуры. Особенно ярко это проявляется в регионах Поволжья, где культура несет в себе такие национальные признаки, которые отличают ее от других. При этом эти признаки существуют очень давно. Они передаются людьми из века в век и являются тем ключевым источником, под влиянием которого происходит воспитание и формирование человека как личности.

Понятие «культура» рассматривается нами в контексте создаваемого человеком бытия. «Культура в буквальном смысле — та часть окружающей среды, которая создана человеком»¹. «Она продукт деятельности людей»². Издревле, проживая на территории своего региона, люди закладывали фундамент своей культуры. Они стремились привнести в нее все то, что отражает видение мира каждым из творцов культурного богатства. Как отмечает Л. П. Буюева, «в созидаании, творчестве новых форм материальной и духовной культуры всегда существенную роль играли человеческие индивидуальности, своеобразие подхода к действительности, ее особое видение каждым человеком, нестандартность его мышления, чувств и действий»³.

В Марий-Эл, Мордовии, Татарстане и Чувашии сформировалась культура, которая хранит многовековые традиции проживающих в этих республиках народов. Она построена на традициях, передающихся от поколения к поколению. Хотя какие-то традиции со временем уходят в прошлое, однако

ГАВРИЛЕНКО Олеся Владимировна, аспирант кафедры философии Чувашского государственного педагогического университета.

им на смену приходят новые, современные, вплетающиеся в городской уклад жизни народов. Традиции могут меняться не только в ходе их стирания из памяти народа. Это может произойти и потому, что люди иногда перестают желать дальше им следовать. Личность вправе придерживаться любых традиций, например, говорить или не говорить в городской среде на родном языке. Например, в Чебоксарах, когда проживающий с детства в деревне человек приезжает в город, перестает говорить на родном языке. А. С. Тихонов справедливо отмечает, что у лиц чувашской национальности появляется «чувство стеснения своей национальности, языка»⁴. Следует отметить, что такая тенденция губительна для языка чувашского народа. Чтобы язык жил, не следует забывать его или делать вид, что ты «русский». Следует прикладывать максимум усилий, чтобы языковые традиции народа жили и не растворялись в других языковых системах.

Жизнь культурному наследию можно, на наш взгляд, обеспечить несколькими путями. Необходимо пропагандировать родную культуру посредством патриотического воспитания. Каждый человек, проживая в том или ином провинциальном городе, воспитывается в рамках его культуры⁵. При этом воспитание в традициях родной культуры может осуществляться в семье, учебных заведениях. Такое воспитание крайне необходимо. Например, на занятиях в школе формирующаяся личность узнает о разных сферах жизни своего народа. На уроках родного языка ребенок не просто его изучает (чувашский, татарский, мордовский, марийский), а знакомится с историей родного языка. На уроках литературы дети национальных регионов Поволжья узнают о мифологии своих народов, религиозных традициях, великих деятелях литературного жанра. Огромное национально-просветительское значение имеют уроки по истории и культуре родного края и изобразительному искусству. Учебному заведению, находящемуся в национальном регионе, необходимо всегда придерживаться в своих стандартах регионального компонента.

Приобщение к традициям своего народа в семье имеет большое значение. В школу и вуз человек уже приходит с определенным «воспитательным багажом», а воспитание в семье начинается с самого рождения. Именно в семье закладываются основы владения родным языком. С. Г. Тер-Минасова подчеркивает, что человек «с первой минуты слышит звуки своего будущего родного языка. Язык знакомит

его с окружающим миром, навязывая ему то видение, ту картину, которую „нарисовали“ до него и без него. Одновременно через язык человек получает представление о мире и обществе, членом которого он стал, о культуре, то есть о правилах общежития, о системе ценностей, морали, поведении и т. п.»⁶.

Очень важно не упустить время. Необходимо прививать любовь к культуре своих предков. Для этого семья обладает огромными возможностями. Следует приучать ребенка говорить на родном языке. Знание родного языка — ключ к пониманию культуры своего народа.

Существует много возможностей технического перевода национальных литературных произведений и синхронного перевода в театрах. Но каким бы качественным он ни был, все равно он недостоверно отражает авторские мысли. Знание родного языка этот недостаток устраняет, так как всегда можно не только понять самое сокровенное, что хотел донести автор, но и пронести через жизнь все самое достойное, что ты извлек из прочитанного и увиденного.

Не менее важный путь, позволяющий продолжать жизнь родной культуры, — самовоспитание. Достоинством самовоспитания является не только то, что личность заинтересована в изучении родной культуры, но и то, что она ведет определенную пропаганду в общественной среде. Очевидно, что только при заинтересованности каждого представителя этноса в познании своих национальных традиций культура народа не угаснет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кортзуэл М. Психология. А—Я: слов.-справ. / пер. с англ. Т.С. Ткаченко. М.: ФАИР-Пресс, 1999. С. 154.

² Культура и культурология: слов. / сост. А.И. Кравченко. М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. С. 450.

³ Буюева Л.П. Человеческий фактор: новое мышление и новое действие. М.: Знание, 1988. С. 34.

⁴ Тихонов А.С. Менталитет этноса как морально-психологический фактор жизнедеятельности народа // Регионоведение. 2009. № 2. С. 294.

⁵ См.: Гавриленко О.В. Национальная культура Поволжья как источник развития творческих способностей личности (социально-философский анализ) // Философия в контексте культуры: сб трудов II Межрегион. заоч. науч.-практ. конф. Январь 2011 г. Брянск: Курсив, 2011. С. 77.

⁶ Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово/Slovo, 2000. С. 135.

Поступила 03.10.11.

Д. Н. МЕШКОВ

НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ ФРАГМЕНТАЦИИ И ЦЕЛОСТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: фрагментация общества, целостность общества, социальные добродетели

Key words: fragmentation of the society, entirety of the society, social virtues

Существует проблема детализации вопроса о природе морали. Не отрицая того, что мораль имеет смешанную природу (религиозную, общественную, чисто логическую), мы фокусируем внимание на ее общественной стороне. В частности, нас будут интересовать некоторые современные интегративные и дезинтегративные общественные тенденции, оказывающие влияние на общественную мораль. Мы не претендуем на полноту анализа и учет всех возможных факторов, но сакцентрируем внимание на принципиально новых аспектах различных тенденций, связанных с НТП.

Согласно А. Макинтайру, фрагментация общества приводит к фрагментации структуры добродетелей¹. Мы признаем такую зависимость, но считаем, что ее трудно формализовать. Это зависимость с обратной связью, в которой функция и аргумент часто меняются местами, так что при попытке ее объяснения получается «круг». Современная система морали противоречива, потому что для нее уже нет твердого основания в современном обществе, традиционная мораль сохраняется только «по инерции» с того времени, когда христианство играло значительную роль в обществе.

Для российского общества Ф. М. Достоевский в XIX в. отмечал: «Право, мне все кажется, что у нас наступила какая-то эпоха всеобщего „обособления“. Все обособляются, уединяются, всякому хочется выдумать что-нибудь свое собственное, новое и неслыханное. Всякий откладывает все,

МЕШКОВ Дмитрий Николаевич, аспирант кафедры методологии науки и прикладной социологии Мордовского государственного университета.

что прежде было общего в мыслях и чувствах, и начинает со своих собственных мыслей и чувств... Разрывают прежние связи без сожаления, и каждый действует сам по себе и тем только и утешается... Между тем ни в чем почти нет нравственного соглашения; все разбилось и разбивается и даже не на кучки, а уж на единицы»². Далее писатель отмечает порочность такого стремления к обособлению: «Вместо первых девяти шагов ступить прямо десятый, забывая при том, что десятый-то шаг, без предшествовавших девяти, уж во всяком случае обратится в фантазию, даже если б он и значил что-нибудь сам по себе»³. Разрыв с традицией — революционный, а не эволюционный путь развития общества. Его порочность в том, что вместе с плохим отбрасывается хорошее, с ненужным — нужное.

Сложившаяся ситуация в российском обществе весьма похожа на ту, которую в свое время описывал Ф. М. Достоевский. Но имеются новые особенности: влияние НТП на общественное сознание, изменение ценностей и кризис идентификации. В частности, российское общество не находит, с чем себя идентифицировать. Об этом косвенно говорят многочисленные медиапроекты вроде «Имени России».

Сегодня общество дифференцируется по разным основаниям: семья, общение, язык, профессиональная специализация, образование и т. д. Если раньше ячейкой государства считалась семья, то сейчас институт семьи претерпевает серьезные изменения. По мнению Э. Тоффлера, «возрастает разнообразие формата семьи, в результате чего дети со все более различающимися индивидуальными особенностями и разным опытом взросления будут иметь между собой все меньше общего»⁴. Делаются попытки найти основание для единства общества, но само положение дел в настоящем, на наш взгляд, предвещает еще большие различия.

С развитием НТП меняется характер человеческого общения. Оно все больше становится технически опосредованным. Сотовая и спутниковая связь, Интернет сделали возможным общение на расстоянии и изменили наше отношение к пространству. Наряду с преимуществами технологии некоторые исследователи общества выделяют ее минусы. Основная критика направлена на то, что утрачивается непосредственное, живое общение людей между собой. Этот аргумент имеет «биохимические основания». М. Хорост, ис-

следующий интеграцию людей и машин, отмечает, что мозг в процессе общения «лицом к лицу» начинает вырабатывать вещество окситоцин, создающий ощущение благополучия⁵. С другой стороны, он приводит свидетельства в пользу того, что технология расширяет сферу человеческих отношений⁶.

Все больше на передний план выступает фактор кибернетизации общества и людей. Слова Г. М. Маклюэна о том, что техника является продолжением нашего тела, начинают сбываться в прямом смысле⁷. Это заставляет постоянно пересматривать концепцию «человеческой природы». Характерна история того же М. Хороста. Он родился с потерей слуха, а в 2001 г. потерял слух полностью. После того, как ему был вживлен кохлеарный имплант, слух восстановился. Он отвечает на вопрос о человеческой природе названием своей книги, в который подытожен его жизненный опыт: «Восстановление, или Как часть меня заменили компьютером, и это сделало меня человеком в большей мере, чем прежде»⁸.

Одним из видов фрагментации общества является профессиональная специализация. Э. Тоффлер, отмечая полезность специализации в индустриальную эпоху⁹, считает, что в настоящее время узкая специализация становится тормозом в развитии и объединении не только целого общества, но и профессиональных сообществ, например, врачей¹⁰. В эвристическом смысле она «убивает неожиданность и воображение и плодит индивидов, которые боятся ступить за границы своей области... Напротив, воображение и креативность расцветают, когда прежде не связанные идеи объединяются по-новому»¹¹. Развитие междисциплинарных подходов направлено на решение этой проблемы, но одновременно ставит перед учеными новые планки в их компетентности. Теперь многое из того, что мы изучали по физике, химии, становится необходимым элементом нашей деятельности, а не просто невостребованным «культурным багажом», который только свидетельствует о нашей образованности.

Еще одним фактором фрагментации общества становится уровень образования. В будущем, по мнению специалистов, расслоение общества по этому признаку будет еще более усиливаться. По мере становления постиндустриального общества знание становится решающим экономическим фактором. Требуются люди соответствующих профессий. Возникает совершенно новый тип «классовых» противо-

речей. Интеллектуальное расслоение становится основой социального расслоения. «Впервые в истории условием принадлежности к господствующему классу становится не право распоряжаться благом, а способность им воспользоваться»¹². И экономические, и социальные последствия этого очевидны. «В условиях роста доли национального богатства, присваиваемого „классом интеллектуалов“, добросовестного труда наемного работника уже недостаточно для получения дохода, позволяющего отнести себя к среднему классу, как это было в индустриальную эпоху»¹³. Возникает новый социально отчужденный класс. Чтобы предотвратить или смягчить тяжелые последствия возникающего расслоения по образованию, следует соответственным образом реформировать образование. Однако реформа образования несет сторону обучения работников «второй волны», еще больше усиливая расслоение.

Стоит отметить, что для человека как части общества естественно стремление к общности с другими (к общественной целостности) и отделению от других (к разделению). Эти две противоположные тенденции необходимы для существования и развития общества, и каждая из них в свое время играет свою роль. Что касается человека как личности, то здесь имеет место стремление к целостности. Стремление к разделению с самим собой является патологией.

Главным фактором, сплачивающим общество, является язык. Он задает границы мышления, понимания, развития общества и человека. Разнообразие языков увеличивает познавательные возможности человечества. По мере того как общество становится все более технократичным, языки движутся в сторону универсальности, интернационализации. В таких условиях именно в функции государства должно входить сохранение языков, поддержание и развитие локальных культурных традиций.

Национальность, национальные культуры и традиции — важный фактор существования общества. Но именно его реализация в истории вызывала и вызывает больше всего проблем. Элиминация национальной идентификации не является решением проблемы. Деидентификация рас и этносов вызывает разрушение внутреннего социального контроля¹⁴. Большинство стран сплачиваются вокруг одной доминирующей национальности. Такой сценарий не вызывает

вопросов, он характерен для социальной истории. В глобализирующемся мире необходимо, чтобы разные культуры и национальности могли уживаться.

В мире есть примеры мультикультурных многонациональных сплоченных государств. В этом отношении Россия имеет богатый опыт, который еще по достоинству не оценен как самим государством, так и мировым сообществом. Другой пример — США. В отличие от России США смогли социальную сплоченность увязать с экономическим развитием. Американское общество принято считать индивидуалистичным. Ф. Фукуяма соглашается, что в настоящее время индивидуалистические тенденции в США усилились, но для этой страны в целом очень характерна высокая социальная сплоченность. «Если американская традиция и правда столь индивидуалистична, как принято думать, то очень трудно объяснить имевший место в США в 20 веке быстрый рост корпораций-гигантов»¹⁵. Общая история — фактор, свидетельствующий о том, что совместная жизнь народа выдержала проверку временем. В случае многонациональных государств, возможно, этот фактор является решающим.

Общество сплачивается перед внешним врагом, т. е. для сплочения необходимо явное отрицание чего-либо. То, против чего борется общество, должно быть осознано и конкретно в чем-то воплощено. И такой образ действия приносит свои плоды. Например, когда на конкретное общество (государство) обрушиваются какие-то катастрофы, проблемы, то обостряется чувство национальной идентификации. Так, поверженные после Второй мировой войны Германия и Япония (в различных планах — военном, идейном, моральном) смогли сплотиться так, что сейчас являются лидерами в области автомобильной промышленности, высоких технологий и других отраслях мирового производства. В России чувство национальной идентичности связано чаще всего с проблемными периодами истории и с тем, как народ смог их преодолеть (свержение татаро-монгольского ига, подвиг К. Минина и Д. Пожарского, Бородино, Великая Отечественная война). Граждане России идентифицируют себя с теми, кто смог преодолеть эти непростые ситуации.

Почему в относительно благоприятное, мирное время общество не может так успешно развиваться, как в проблемные периоды? Выходит, общество живет по закону

наименьшего сопротивления. Для развития нужна энергия, и мы видим из истории, что легче всего ее оказывалось черпать из отрицания. А ведь то, что отрицается, можно было бы и не допускать.

Идеология чаще всего бывает паллиативной мерой общественного сплочения. Само это слово приобрело негативный оттенок. «Идеология» ассоциируется с пиаром, борьбой политических партий, манипулированием, внушением. В отличие от идеологии идея — слово, не нагруженное негативными смыслами. Идея сплачивает общество. Это может быть идея развития, прогресса, индивидуального совершенствования в благоприятных социальных условиях, здорового общества, труда и др. На уровне отдельных социальных групп фактор идеи очень хорошо работает. Различные общества по интересам, некоммерческие организации основаны на какой-либо идее. Некоторые современные экономически выгодные проекты тоже начинались с этого. И уж точно большинство корпораций пытаются найти свою сплачивающую идею (так называемая «корпоративная культура»). К сожалению, на уровне государства этот фактор работает неудовлетворительно. Идея не может насаждаться сверху, а должна «рождаться» в обществе. Сюда же относятся ценности, убеждения и др.

Религия — сильный фактор общественной целостности. Но в настоящее время более значительную роль играет нравственная составляющая религии. По нашему мнению, религия не должна соединяться с государством и в силу разнородности общества, и по причинам, касающимся самой религии. Более того, российское общество многоконфессионально.

Культура, образование, традиции, отдельные личности также являются факторами сплоченности общества (М. В. Ломоносов, Д. И. Менделеев, Ю. А. Гагарин и др.).

Экономические и неэкономические факторы сплачивания общества одинаково заслуживают внимания. Людям необходимо справедливое право. Однако право не должно замещать и подменять мораль, что часто происходит в условиях эмотивистской культуры¹⁶.

Очевидно, что социальная целостность играет важную роль в политической и экономической жизни общества. Многие исследователи замечали это. Так, Ф. Фукуяма фиксирует

на экономической роли социальной целостности особое внимание. Он отстаивает тезис, что культура непосредственно влияет на экономику и приводит конкретный эмпирический материал из экономической и социальной истории разных стран. Он считает основанием социальной целостности добродетель доверия и разделяет все страны по уровню доверия и утверждает, что есть прямая зависимость между наличием этой добродетели в обществе и экономическим благосостоянием. Страны, в которых наиболее высокий уровень доверия (США, Япония, Германия), сумели выйти за границы семьи в практике этой добродетели. Страны с меньшим уровнем доверия, как правило, ограничены родственными связями (Франция, Италия, Корея, Китай). Страны с низким уровнем доверия — страны Восточной Европы и постсоветского пространства¹⁷.

Если тезис Ф. Фукуямы справедлив, то владение, пользование собственностью, ее увеличение как можно у большего числа людей возможно именно в обществах с высоким уровнем доверия. А богатство, собственность предоставляют возможности для личного развития. Эта экономическая взаимосвязь между социальной и личной целостностью необходима, но недостаточна.

Можно выделить технологический проект к достижению социальной сплоченности. Этот проект пока представляет собой набор аналогий. Так, М. Хорост приводит следующую аналогию. Целостность человеческого мозга, состоящего из двух полушарий, обеспечивается за счет мозолистого тела (Corpus collosum) непосредственно за счет количества связей и скорости соединения. «Лоботомированный» человек в известном смысле утрачивает свою личность. На уровне общества технология тоже является подобием Corpus Collosum отдельного человека. Как одно полушарие получает информацию от другого, так наш мозг с помощью технических средств напрямую мог бы получать информацию от «другого мозга»¹⁸. Но сможет ли мозг «переварить» такое обилие «сырой» информации, не формализованной языком и логикой?

Подобные процессы, происходящие в обществе, в итоге изменяют и существующую мораль. В первую очередь меняется представление о человеческой природе. Это философское понятие становится еще более размытым. Если раньше

спор шел об основаниях человеческой природы, лежащих в культуре, то теперь современная наука позволяет изменять человеческое тело, даже менять его субстрат. И если пока еще различные технологические приспособления для человеческого тела являются по большей части только «костылями», то в дальнейшем они позволят заметно увеличить возможности человека по сравнению с данными от природы. Все это приведет к еще большим разделениям в обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Макинтайр А. После добродетели: исследования теории морали. М.: Академ. Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 384 с.

² Достоевский Ф.М. Дневник писателя: в 2 т. М.: Айрис-пресс, 2006. Т. 1. С. 221.

³ Там же. С. 224.

⁴ Тоффлер Э. Революционное богатство. М.: АСТ, 2007. С. 207.

⁵ См.: Хорост М. Всемирный разум. М.: Эксмо, 2001. С. 28.

⁶ Там же. С. 43.

⁷ Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. М., Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.

⁸ Хорост М. Всемирный разум. С. 286.

⁹ См.: Тоффлер Э. Революционное богатство. С. 206.

¹⁰ Там же. С. 235—236.

¹¹ Там же. С. 216.

¹² Иноземцев В.Л. On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий 21 века // Постчеловечество. М.: Алгоритм, 2006. С. 65.

¹³ Там же. С. 49.

¹⁴ См.: Гагаев А.А., Гагаев П.А. После разума и добродетели к глупости и пороку // Философия культуры города Рузаевки. Рузаевка, 2009. С. 154—184.

¹⁵ Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. С. 437.

¹⁶ См.: Гагаев А.А., Гагаев П.А. После разума и добродетели ... С. 159.

¹⁷ См.: Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели ... 730 с.

¹⁸ См.: Хорост М. Всемирный разум. С. 17—19.

Поступила 03.10.11.

В. В. КРАСУЛИНА ПРАВСТВЕННАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: предпринимательство, прибыль, производство, экономика, богатство, благосостояние, экономизм, мораль, этические нормы, купечество

Key words: entrepreneurship, profit, production, economy, wealth, welfare, economic reductionism, moral, ethnic norms, merchants

Предпринимательство — это деятельность, направленная на достижение прибыли посредством производства товаров и предоставления услуг, необходимых обществу в лице различных частных потребителей, а также способных конкурировать с аналогичными товарами и услугами, предлагаемыми другими производителями. Предприниматель не может не считаться с социальными, в том числе нравственными, нормами, принятыми им поведенческими образцами культуры. При этом в традиционном обществе, как указывает П. Козловски, степень «включенности» рынка в социальные и культурные нормы, объем побочных социально-культурных условий, при которых работает система цен, значительно выше, чем в обществе современного капитализма¹. На тесную связь предпринимательской деятельности, бизнеса и нравственности в свое время указывали А. Смит, М. Вебер, С. Н. Булгаков и многие другие представители экономической теории, социологии и философии.

А. Смит прекрасно понимал, что цель экономики нельзя установить в отрыве от человека. Любопытно, что он является автором книги «Теория нравственных чувств», где раскрывается природа человеческих страстей, выделяется стремление людей правильно оценить себя и других. Симпатии Смита выражены в том, что если бы каждый по возможности соблюдал собственный интерес, то общие интересы соблюдались бы наилучшим образом. Его концепция ратует за разумную, согласную с природой жизнь и

КРАСУЛИНА Валентина Владимировна, заведующая заочным отделением Ногинского торгово-экономического техникума.

одобряет мудрое стремление человека к богатству, которое предпочтительнее нищеты. По его мнению, экономика существует в связи с тем, что существует человечество, и никакая экономическая система не может быть абстрагирована от реальных человеческих потребностей, желаний, надежд и прочих обязательных условий и предпосылок хозяйствования². Но смитовский экономизм ориентирован на особую модель человека, основу которой образует концепция «экономического человека».

Согласно этой концепции, рациональное поведение человека в сфере хозяйствования заключается в том, что, действуя в собственных интересах, он способствует оптимальному удовлетворению интересов общества в целом. В модель «экономического человека» включается ряд характеристик: стремление получить максимальную прибыль при имеющихся средствах производства и доступных ресурсах; способность к рациональному расчету доходов и издержек; постоянное желание улучшить свое благосостояние; стремление свести к минимуму риск, неизбежный в экономической деятельности. Таким образом, следует признать, что в концепции «экономического человека» этический аспект или вовсе выпадает из поля зрения, или ему уделяется слишком мало внимания³.

Одним из критиков «экономизма», базирующегося на модели «экономического человека», был автор «Теории праздного класса» Т. Веблен. Он назвал экономику, основывающуюся на столь односторонней модели человека, «мрачной наукой». По его мнению, в этой модели человек предстает эгоистом, которого не волнует ничего, кроме денег, и который является существом, «молниеносно вычисляющим удовольствия и страдания, колеблющимся подобно однородному шарик, целиком состоящим из желания счастья под воздействием стимулов, которые перемещают его в пространстве, ни чего не меняя внутри него»⁴.

Критики модели «экономического человека» фиксируют внимание на том, что присущие ей универсальные характеристики, свойственные в той или иной степени всем людям, могут реализоваться и часто реализуются в стремлении к богатству и материальному благополучию через аморальные действия: спекуляцию, обман, мошенничество, шантаж, рэкет, насилие и другие меры. Однако история показывает, что

стремление к богатству и благополучию может быть реализовано и через рационально организованную экономическую деятельность в бизнесе и предпринимательстве. Подобная деятельность получила наиболее широкое распространение в капиталистическом обществе. Первым обратил на это внимание М. Вебер.

В своей наиболее известной работе «Протестантская этика и дух капитализма» он исследовал связь хозяйственной жизни общества, материальных и духовных интересов различных социальных групп с религиозным сознанием. Он подчеркивал значение менталитета как основы экономического успеха. По его мнению, набожный предприниматель, ведущий скромный, аскетический и ответственный образ жизни, использует прибыль не для личного потребления и накопления, а для вложения в свое предприятие. Экономический успех трактуется в учении Вебера как признак божьей благодати⁵.

С процессом рационализации общества тесно связан процесс индивидуализации и субъективизации общественных отношений. Дело в том, что высвобождение индивидуальных целеустремлений и их «непринудительная координация через рынок» ведут к такой форме рационализации, которая уже не устанавливает социально обязательные, всеобщие цели (ценности), стремясь осуществить их с наименьшими затратами. При этом общество и хозяйство действуют целерационально, объединяясь через ценовые сигналы в единый рынок со всеми индивидуальными целями. Между автономией и ценностной рациональностью существует напряженное отношение, поскольку индивид, признающий лишь собственное суждение в качестве меры ценности (учение о субъективности ценностей), с трудом признает социальные ценности. В протестанстве и католицизме оно привело к различному пониманию авторитета и свободы, церковного сообщества и индивида, а также к различным формам церковной и вместе с тем социальной организации.

Решающую роль в развитии «капиталистического духа», по мнению М. Вебера сыграл кальвинизм с его многочисленными ответвлениями. Вебер показал в кальвинизме связь между учением об оправдании и стремлением к хозяйственному успеху, выявил конструктивную связь между накоплением капитала и аскетикой протестанства в ходе движения к

капитализму. По мнению М. Вебера, в кальвинизме человек предоставлен себе самому и свободен. Учение Кальвина способствует стремлению людей к экономическому успеху. Символом благодати для кальвиниста становится успех в жизни. Жизненный успех кальвинист может обеспечить себе лишь благодаря неусыпному и методическому самоконтролю. Трудиться он должен с утра до вечера. Самые лучшие результаты в постепенном внедрении навыка трудиться ради самого труда дало религиозно-этическое воспитание под флагом пуританизма, к которому и относился кальвинизм⁶.

Вместе с тем концепция Вебера, по мнению критиков, имеет определенные издержки и дефекты. Так, Ф. Бродель критикует Вебера за его редукционизм, выразившийся в сведении объяснения происхождения капиталистического предпринимателя к одной причине — протестанству⁷. Гипотеза Ф. Броделя основывается на переосмыслении роли торговли. Он считал, что в торговле «капитализм был у себя дома, а в производстве, по крайней мере, на начальных стадиях развития — в гостях». П. Козловски полагает, что Вебер переоценил влияние конфессиональных различий в христианстве на капиталистическое развитие, так что общие для христианства в целом моменты индивидуализации, автономизации и рационализации оказались слишком оттеснены на задний план⁸. Объектом критики концепции М. Вебера служит также европоцентризм, проявившийся в данной им негативной оценке влияния на экономику конфуцианской и буддийской религиозной этики.

Следует подчеркнуть, что выдвинутые критические аргументы не подрывают основного тезиса Вебера о том, что капиталистический предприниматель — это особая фигура, появлению которой благоприятствуют не все культуры в одинаковой степени. Культуры, способные произвести человека этого типа, обладают преимуществом в хозяйственном развитии. Типичными чертами фигуры предпринимателя становятся рационализм, индивидуализм, религиозно-этическое представление о долге.

В этом плане важно учитывать, что при рассмотрении этики предпринимательской деятельности исследователи выделяют, как правило, два варианта ориентации человека на моральные требования общества⁹. В одном случае действуют лишь внешние ограничители активности, когда про-

исходит сведение их значимости до уровня правил этикета, и тем самым осуществляется переоценка роли собственно моральных соображений. В другом случае действует вариант опоры на внутренние побуждения — сознание долга и нравственные чувства (добрая воля, совесть, симпатия), здесь как раз и возникает предпринимательская этика, а вся сумма жизненных установок, ценностных ориентаций, соответствующей мотивации образует профессиональный этос капиталистического хозяйствования, в рамках которого действует определенная система предпочтений, базирующихся на свободе выбора целей и ценностей.

Индивидуализм как личностное качество предпринимателя неотделим от свободы как условия его реализации. Предпринимательская свобода — это возможность действовать, закрепленная законом и реально обеспечиваемая на деле для любого гражданина. Это возможность предпринимать любые (за исключением строго определенных в законе случаев) действия в любой сфере по собственной инициативе, на свои средства, на свой страх и риск без специального на то разрешения властей любого уровня. Она формировалась веками в культуре различных народов мира.

При этом российский вариант свободы существенно отличался от европейского. Ю. А. Помпеев, характеризуя Петровские реформы XVIII в., отмечает, что вместо капиталистического производства с вольнонаемными рабочими в России водворялось крупное мануфактурное производство с принудительным трудом. Фабрика принимала характер рабочего дома, порядок в котором поддерживался палочной дисциплиной, а «поощрением к труду служили тяжкие наказания»¹⁰. В России исторически сложился особый уклад экономики, обусловленный географическими факторами и особенностями формирования русской нации и ее культуры. Прежде всего следует отметить, что геополитический фактор заставлял государство активно вмешиваться в экономику, в связи с чем в России традиционно сложился приоритет государственной экономической инициативы над частной, появилось устойчивое неприятие предпринимательства как источника нетрудовых доходов.

По сравнению со странами Запада процесс хозяйственного раскрепощения России затянулся. Особенно тяжело на предпринимательстве сказались события XX в., когда в

стране предпринимательство «было запрещено под страхом смертной казни». Был ликвидирован целый слой людей, профессиональных организаторов экономики. Потеря предпринимательского слоя непоправимо отразилась на России, и не только на ее экономическом состоянии. Русские купцы и промышленники, по мнению Е. П. Хорьковой, «в большей степени, чем другие слои, являлись носителями социальности и культуры, многое делали для ее сохранения»¹¹.

Погруженность рынка в ментальность общества создает особый вид «рыночного сознания», коммерческий стиль мышления (соотношение выгоды, утилитарности и уравнительности). Все это находит выражение в центральной проблеме этики бизнеса — соотношении предпринимательства и духовной культуры. Вебер показал, что бизнес и предпринимательство в разных культурах мира преуспевают там, где этические модели его поддержки работают успешно. На Западе наиболее успешна протестантская модель этической регуляции бизнеса, в арабских странах эту миссию выполняет исламская этика, в Китае — конфуцианская.

Хозяйственная деятельность в России во многом складывалась и регулировалась в рамках православия, его нравственной доктрины и культуры. Целью труда в XVII—XIX вв. считалось, с одной, политической, стороны, существование человека (обеспечение жильем, пропитанием и т. п.), а с другой, нравственной, стороны, труд мыслился средством воспитания и формирования личности. Однако, как отмечает Р. Н. Ботавина, «целостной концепции связи религиозных постулатов и смысла, содержания труда, отношения к собственности, т. е. влияния на экономику, как это имеет место у протестантов, в православии выработано не было»¹². Православие традиционно для россиян, оно, как и христианство, видит высший смысл жизни человека в исках Царства Божия, при котором все остальное получает свой смысл, если принимается не как цель, а как средство единственной высшей цели жизни. Ни торговля, ни прибыль сами по себе в православии не осуждаются, но если стремление к ним будет главной целью для человека, то они закрывают для него подлинный смысл жизни. Литературным носителем хозяйственного рационализма российского предпринимательства стал «Домострой». Эта книга была написана духовным наставником молодого царя Ивана IV протопопом московского Благовещенского собора Сильвестром.

В истории России преуспевающее купечество в значительной мере было связано со старообрядчеством, которое было широко распространено в среде торгово-промышленного сословия и оказало значительное влияние на формирование хозяйственной этики русского купечества. Идея созидания нашла развитие в признании высшего религиозно-этического смысла личного труда. По свидетельствам современников, сторонники старообрядцев отличались исключительной честностью и педантичностью в ведении дел. Именно с традиционно православным мировосприятием, которое сохранялось старообрядцами, связывалось, например, формирование «русского хозяина» как особого нравственно-психологического типа. В качестве отличительных особенностей «русского хозяина» можно выделить черты глубокой религиозности и особое сознание своей миссии в мире, проявляющейся в высокой профессиональной гордости, потребности осуществлять благотворительную деятельность и противостоять любым разрушительным тенденциям в обществе.

Этическими нормами были бережливость, удивительное трудолюбие, отвращение к пустым забавам и развлечениям, аскетизм в быту, осторожность и расчетливость в делах, приверженность к строгости и простоте в одежде и питании. Исследователи особо подчеркивают развитые в среде старообрядцев отношения доверия, взаимовыручки и поддержки. Русские купцы нередко заключали сделки, просто ударяя по рукам и не прибегая к помощи документов, судов и адвокатов. Причиной формирования и упрочения этой этической нормы стало то, что в стране притеснялось старообрядчество. Вера как основа сплочения заставляла богатых старообрядцев помогать бедным, что еще более объединяло их, упрочивало не только веру, но и доверие друг к другу, что способствовало их благосостоянию¹³.

Такие понятия, как «эксплуатация», «спекуляция», «филиантропия» и др., органично вписывающиеся в нормативно-регуляционный блок предпринимательской деятельности, в системе социалистической морали оказываются несовместимы с ее принципами и рассматриваются как негативные явления, антиподы, т. е. они дисфункциональны. Но они функциональны в условиях рынка. Анализ социалистической нравственности как системы показывает дисфункциональные свойства ее по отношению к обществу, созидающему

рыночную экономику¹⁴. Показательно, что под прицелом ценностей, культивируемых социалистической моралью, предпринимательство, бизнес, капитализм оказываются объектами критики, отрицания, низвержения, а попытки сформировать идеологию «социалистической предприимчивости» в годы перестройки (1985—1991 гг.) были несостоятельными, поскольку порождали маргинальные конструкты, развитие которых не способствовало возрождению и пересадке на социалистическую почву концептов буржуазной морали¹⁵.

«Второе пришествие» предпринимательства в Россию в «лихие» 90-е гг. было свободно от морально-этических норм и правил. Подтверждают это бандитские войны в российских городах и кладбищенские мраморные памятники людям, которым едва исполнилось 20 лет. Антитеза «не делай другому того, чего не желаешь себе» медленно, но верно проникала в сознание современного российского предпринимательства, постепенно создала морально-психологический климат в предпринимательской среде. Огромную роль в этом играло выстраивание взаимоотношений предпринимательства с органами государственной власти, что является предметом отдельного рассмотрения.

Таким образом, предпринимательская деятельность служит на благо общества не только в экономическом, но и в моральном аспекте, поскольку только социум с динамично развивающейся экономикой может быть процветающим. Трагедия, которую пережила этическая наука в период трансформации советского общества при транзите в современный псевдо- или квазибуржуазный вариант цивилизации, не может не создавать определенных преград на пути осмысления социально-нравственных явлений и процессов современности. Эти процессы остались без внимания этической науки, представители которой сосредоточились на изучении российской нравственной философии XIX — начала XX в., а также на изучении традиций западной культуры и этики. Поэтому обращение к этике предпринимательской деятельности в значительной мере актуализирует изучение социально-нравственных процессов современности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Козловски П. Этика капитализма: критика социобиологии / коммент. Дж. М. Бьюкенена; Эволюция и общество; пер. с нем. и ред. М.Н. Грецкого. СПб.: Экон. школа, 1996. 158 с.

² См.: Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. 351 с.

³ См.: Рих А. Хозяйственная этика. М.: Посев, 1996. С. 273.

⁴ Цит. по: Губин В.Д., Сидорина Т.Ю., Филатов В.П. Философия: учебник. М.: ТОН — Остожье, 2000. С. 421.

⁵ См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

⁶ См.: Осовская М. Рыцарь и буржуа: исследование по истории морали. М.: Прогресс, 1987. 528 с.

⁷ См.: Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993. 128 с.

⁸ См.: Козловски П. Этика капитализма ... С. 23.

⁹ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. Тюмень: НИИ прикладной этики, Тюм. ГНГУ, 2005. 378 с.

¹⁰ См.: Помпеев Ю.А. История и философия отечественного предпринимательства. СПб., 2002. С. 153.

¹¹ Хорькова Е.П. История предпринимательства и меценатства в России: учеб. пособие для вузов. М.: «Издательство ПРИОР», 1998. С. 494.

¹² Ботавина Р.Н. Этика менеджмента. М.: Финансы и статистика, 2001. С. 31.

¹³ См.: Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса: учеб. пособие. М.: Дело, 2001. С. 238—239.

¹⁴ См.: Смольнов В.Г. Предпринимательство как особый вид деятельности // Социс. 1994. № 2. С. 15—19.

¹⁵ См.: Замошкин Ю.А. Бизнес и мораль // Филос. исслед. 1993. № 1. С. 91.

Поступила 21.06.11.

ЛОВКОВА А.А. Социальное партнерство органов местного самоуправления, общественных организаций и бизнеса: теория, принципы, технологии. Самара — Тольятти: ООО ПК «Типография», 2011. 240 с.

В современной России нерешенными остаются многие социально-экономические проблемы. Это касается уровня бедности, повышения качества жизни местных сообществ, поддержки социально незащищенных слоев граждан и молодежи, развития культуры и образования, дефицита местных бюджетов. Эти проблемы актуализируют совершенствование межсекторного взаимодействия как способа активизации всех ресурсов территории муниципального образования для эффективного реформирования социальной сферы. Этой теме и посвящена книга А. А. Ловковой, в основу которой положен анализ значительного изучения богатого эмпирического материала по проблемам взаимодействия органов местного самоуправления, общественных организаций и бизнеса в сфере социальной политики.

В рецензируемой монографии приведен анализ социального пространства межсекторного партнерства. Кроме того, опираясь на богатый эмпирический материал, автор обосновывает оригинальную модель межсекторного партнерства. Книга базируется на сетевом подходе, который позволил А. А. Ловковой весьма полно проанализировать межсекторное взаимодействие на муниципальном уровне, опирающееся на различные сети местного общества. Сетевой подход позволяет учитывать неформальные практики и роль личности, компенсирующие несовершенство законодательства и

финансирования социальной сферы. Автор последовательно доказывает необходимость именно этого подхода, что придает монографии целостный вид.

Во второй главе первого раздела подробно рассказывается о субъектах межсекторного партнерства: органах местного самоуправления, общественных организациях и социально ответственном бизнесе. Кроме того, представлен анализ роли каждого из них в развитии местных сообществ и их функций в сфере социальной политики. Автор приходит к выводу о взаимозависимости акторов в деле повышения качества жизни местных сообществ.

Межсекторное партнерство рассматривается как действенный инструмент активизации всех ресурсов территории муниципального образования для эффективного реформирования социальной сферы.

Особое внимание в третьей главе первого раздела уделено активизации ресурсов местных сообществ: творческому потенциалу личности (человеческому капиталу), силе неформальной организации, источникам саморазвития и самоорганизации (социальный капитал).

В первой главе второго раздела анализируются условия формирования межсекторного социального партнерства на муниципальном уровне. Автор акцентирует внимание на факторах, зависящих от коммуникативной среды местного сообщества и самого партнерства, а именно: на

информационной прозрачности, социальной ответственности, уровне межличностного доверия, наличии апробированных технологий.

Во второй главе второго раздела рассматриваются различные трактовки межсекторного партнерства, его функций и принципов. А. А. Ловкова подробно останавливается на апробированных в России механизмах межсекторного партнерства и оценке их эффективности. К наиболее эффективным она относит конкурсные, социально-технологические, организационно-структурные, процедурные, экспертные, коммуникационно-информационные и комбинированные механизмы. Каждая категория иллюстрируется примерами, что является несомненным достоинством книги. Кроме того, автором составлена весьма интересная схема социальной сети межсекторного партнерства, отражающая порядок взаимодействия акторов.

Особенно следует отметить представленную практико-ориентированную модель межсекторного социального партнерства органов местного самоуправления, общественных организаций и бизнеса, построение которой базируется на изучении богатого эмпирического материала. Автор подробно описывает апробированные формы межсекторного партнерства и предлагает практические рекомендации по включению их в замкнутую технологическую цепочку, которые

способно многократно повысить эффективность взаимодействия. Для наглядности в приложение включены образцы действующих документов по социальному партнерству, которые могут быть рекомендованы для использования в практической деятельности.

Вместе с тем, рассматривая механизмы функционирования межсекторного социального партнерства, А. А. Ловкова не обратила внимание на то, что само социальное партнерство является одним из механизмов взаимодействия. Указанный недостаток не умаляет достоинств рецензируемой работы.

В целом монография отличается глубиной содержания, насыщена эмпирическим материалом. Безусловно, она будет полезна студентам, обучающимся по специальности «социология», специалистам-практикам, представителям общественных организаций, сотрудникам органов местного самоуправления, социально ответственным бизнесменам, аспирантам и исследователям в области формирования межсекторного социального партнерства, государственного и муниципального управления и социальной политики.

В. А. ПИСАЧКИН,
доктор социологических наук,
профессор
(г. Саранск)

АННОТАЦИИ

В. А. Писачкин, В. В. Козин. Регион как смысловая конструкция в социологии. Практический смысл региональных исследований.

В статье рассматривается понятие «здорового смысла» в контексте социологического знания, а также дается различное понимание региона как географического и социально-экономического явления.

М. В. Назукина. Структурные уровни региональной идентичности в современной России.

В статье анализируется структура региональной идентичности, выделяются культурный и стратегический уровни, на основе которых анализируются особенности региональной идентичности в современной России.

И. В. Бахлов. Специфика формирования современного российского федерализма: теоретические и политико-правовые основания выбора модели.

В статье исследуются теоретические и политико-правовые основания выбора модели современного российского федерализма в начале 90-х гг. XX в. Особое внимание уделяется проблеме определения стратегии развития федеративных отношений сквозь призму концепции «плюралистического политического порядка» Д. Грея.

Н. С. Рутковская. Регион в системе бюджетного федерализма в 2008—2011 гг.

В статье рассматривается становление бюджетного федерализма в Российской Федерации, выделяются его особенности. Отмечается, что этот процесс сопряжен с развитием межбюджетных отношений. Проблемы и трудности этого процесса, вызванные различиями субъектов РФ по экономическому потенциалу, рассмотрены на примере Республики Мордовия.

Д. В. Доленко, Ж. Д. Кониченко, А. В. Петухов. СНГ как региональный приоритет России.

В статье определяется значение СНГ для национальных интересов России, рассматриваются тенденции и перспективы интеграционных процессов, а также проблемы двусторонних отношений России с государствами ближнего зарубежья. Анализируются пути решения проблемы непризнанных постсоветских государств.

И. Г. Напалкова, А. С. Солдатов. Прикладные методы исследований механизмов управления территориальными системами.

В статье рассматривается соотношение теоретического и эмпирического уровней в исследовании территориальных систем, анализируются возможности и проблемы использования прикладных методов в политологическом анализе, характеризуется методология исследования «Политические механизмы территориального управления в современной России».

А. А. Денисова. Трансформация систем управления регионом в условиях информатизации.

В статье проанализированы основные подходы к исследованию систем управления, выявлены особенности развития региональных систем

управления, сформированы требования к ним, рассмотрены процессы трансформации элементов этих систем в условиях становления экономики знаний, предложен подход к оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти.

Д. В. Ермолаев. Уровень коррупционной пораженности регионов Центрального федерального округа: проблемы расчетов и методы оценки.

Предложены методики расчета уровня коррупционной пораженности регионов, на их основе дана оценка коррупционной пораженности регионов Центрального федерального округа.

С. Г. Бусалова. Повышение эффективности расходов республиканского бюджета.

В статье дан анализ основных направлений повышения эффективности расходов республиканского бюджета, а также представлен механизм разработки и реализации ведомственного плана повышения эффективности расходов.

М. М. Гудов, А. М. Гудов, О. П. Федоткина. Взаимодействие коммерческих банков и реального сектора в условиях инновационного развития экономики региона.

Осуществлен анализ взаимодействия коммерческих банков и реального сектора экономики Республики Мордовия, вопросов развития системы взаимодействия кредитно-банковского и реального секторов экономики, выбора ее модели и определения приоритетных направлений развития.

С. П. Бурланков, Н. В. Корюков. Формирование и развитие рынка светотехнической продукции в регионе.

В статье рассмотрены основные тенденции и перспективы развития рынка светотехнической продукции. Выработано определение рынка светотехники, приведена классификация продукции светотехнической отрасли. На примере Республики Мордовия проанализированы мероприятия по организации производства энергоэффективных источников света и осветительных приборов на их основе.

В. Б. Соколов. Организационно-экономические аспекты формирования системы стратегического управления продовольственными ресурсами региона.

В статье рассматривается продовольственная безопасность Российской Федерации как составная часть национальной безопасности страны, анализируются основные задачи обеспечения продовольственной безопасности, отражена динамика формирования основных продовольственных ресурсов Республики Мордовия.

А. Р. Богданов. Состояние и перспективы развития промышленного птицеводства в Российской Федерации и Приволжском федеральном округе.

В статье дан анализ динамики развития птицеводческой отрасли в России и Приволжском федеральном округе с 2001 по 2009 г. Исследованы тенденции и производству мясному и яичному производству. Выявлены основные тенденции, осуществлен прогноз развития отрасли. Выделены наиболее

успешные регионы и федеральные округа по объемам производства, а также основные факторы, сдерживающие рост птицеводства. Обозначены пути повышения его эффективности.

С. Б. Скворцов. Основные тенденции и проблемы управления качеством выпускаемой продукции в регионе.

В статье представлены основные тенденции и проблемы управления качеством выпускаемой продукции в Республике Мордовия на основе государственных стандартов серии ГОСТ Р ИСО 9000.

М. В. Антонова. Привлечение инвестиций в предпринимательство региона.

В статье рассматриваются объекты инфраструктуры поддержки малого бизнеса в контексте привлечения инвестиций в предпринимательство. Анализируется механизм участия в государственных программах по поддержке предпринимательства в Республике Мордовия, даны теоретические и практические аспекты этого направления.

В. Н. Васина, И. В. Маракулина. Сегментирование потребителей молочной продукции региона.

Статья содержит результаты маркетингового исследования потребителей молочной продукции Кировской области. Проведен кластерный анализ, на основе которого выделены три различных по предпочтениям сегмента потребителей молочной продукции в регионе, а также дана их характеристика.

С. А. Седашкина. Проблемы и перспективы рационального использования земель сельскохозяйственного назначения в регионе.

В статье освещается проблема ухудшения состояния земель сельскохозяйственного назначения, рассматриваются вопросы осуществления их мониторинга, земельного контроля и проведения мелиоративных работ, а также предлагаются некоторые меры по формированию более эффективного механизма рационального землепользования.

Д. А. Массеров. Совершенствование организационно-экономического механизма управления энергосбережением в регионе.

В статье представлены составляющие организационно-экономического механизма управления энергосбережением, сделана попытка анализа его совершенствования в Республике Мордовия.

А. А. Адамеску. Роль черной металлургии как базовой отрасли промышленности в региональном развитии страны.

В статье показано значение научного обоснования и комплексного подхода в решении региональных проблем, что в прошедшие годы наиболее полно отразилось при создании Урало-Кузнецкого комбината, в межотраслевом и региональном программном планировании, повышении роли технико-экономической экспертизы. Показаны коренные изменения в структуре развития черной металлургии страны.

Е. В. Поверенов. Принципы работы налоговых органов стран Евросоюза и повышение эффективности деятельности территориальных налоговых органов Российской Федерации.

Дан сравнительный анализ принципов работы налоговых органов стран Евросоюза и России в повышении эффективности деятельности территориальных налоговых органов (на примере Германии и России).

М. Ю. Присяжный. Современная территориальная организация высшего образования России.

В статье дается определение классического университета, дан анализ классических университетов Российской Федерации по времени основания и территориальному размещению.

М. В. Постнова, Н. В. Брыкина. Особенности профильно-профессионального обучения в системе непрерывного образования на селе.

Статья посвящена проблеме развития системы непрерывного образования, рассмотрены сущность и задачи «образования через всю жизнь». Профильное обучение в школе рассматривается как элемент этой системы. Особое внимание уделяется развитию профильно-профессионального образования на селе. Используются результаты исследований среди выпускников школ Ульяновской области и старшекурсников УГСХА, проводимых в 2008—2011 гг.

Н. П. Касаткина, Т. Н. Суконкина. Институциональные аспекты развития этнокультурного образования в регионах России.

В статье анализируются институциональные аспекты этнокультурного образования, позволяющие оценить его роль и значение, степень развития в современном обществе. Рассматривается общественная потребность в этнокультурном образовании, определяются его значимость, нормативная структура и идеология функционирования, материальная база.

И. А. Зеткина, С. А. Пыков. Традиции поликультурного образования в просветительстве Поволжья.

В статье актуализируется опыт формирования мультикультурной среды, аккумулированный в наследии национальных просветителей Поволжья. Представлены направления работы лидеров национального возрождения, национальной интеллигенции по подъему родной культуры и образования в контексте развития полиэтничного культурно-образовательного пространства в конце XIX — начале XX в.

Э. Р. Сафаргалиев. Значение корпоративной культуры в условиях глобализации и изменения общественных процессов.

В статье выявлено значение корпоративной культуры при трансформации общественных процессов в условиях глобализации и взаимоотношениях работников и работодателей, связанных с социокультурным разнообразием персонала во внутрикорпоративной среде.

Ю. М. Пасовец. Имущественная стратификация населения России и ее регионов.

На основе данных государственной статистики и результатов социологических опросов рассматриваются профили имущественной стратификации населения Курской области, ряда региональных сообществ и российского общества, выявляются типичные черты и особенности этого процесса в региональном и общероссийском масштабе.

С. И. Неделько, А. В. Осташков. Роль СМИ в развитии институтов гражданского общества региона.

В статье проанализирована роль СМИ в развитии институтов гражданского общества, представлены результаты социологических исследований развития СМИ в различных регионах России, а также процесса их взаимодействия с органами государственной власти и институтами гражданского общества.

В. М. Сидоркина. Социальные ценности в региональном измерении.

На основе межрегионального социологического исследования, проведенного в Марий-Эл, Мордовии и Удмуртии, дан анализ особенностей социальной и ценностной ориентации населения этих регионов.

А. П. Клюева, А. Н. Майдокин. Накопление социального капитала как фактор устойчивого развития организации: региональный аспект.

В статье раскрывается содержание понятия «социальный капитал», анализируется влияние этого вида капитала на развитие организации и предприятий различных форм собственности, делается вывод о большом значении социального капитала для развития различных отраслей народного хозяйства.

Л. Н. Липатова, Т. В. Еремкина. Занятость населения региона в условиях экономических реформ.

В статье исследуются изменения в сфере занятости населения Республики Мордовия. Анализируются показатели численности занятых, структуры занятого населения по отраслям и секторам экономики, полу, возрасту, образованию. Проведено сравнение с общероссийскими показателями.

И. С. Комадоров. Положение молодежных политических организаций в регионе.

В статье дан анализ положения молодежных общественных организаций в г. Набережные Челны, доказывається их влияние в процессе формирования гражданского общества.

А. Н. Егоров. Самооценка действий студенческой молодежи, соответствующих здоровому образу жизни.

В статье рассматриваются действия студенческой молодежи, соответствующие основам здорового образа жизни, прослеживается изменение состояния ее здоровья за время обучения в вузе, называются основные причины его ухудшения, определяется длительность болезни за последний год обучения, выявляется частота простудных заболеваний.

Н. В. Шумкова. Региональный аспект изучения молодежных субкультур.

Статья посвящена проблеме изучения молодежных субкультур, рассмотрены основные этапы их изучения в России, даны основные определения терминов «субкультура» и «молодежная субкультура», доказывається необходимость дальнейшего изучения и описания региональных аспектов развития молодежных субкультур.

А. В. Махиянова. Роль агентов социализации в формировании этнической идентичности и гражданского самосознания личности.

Статья посвящена вопросам формирования этнических идентификационных характеристик и гражданского самосознания личности, а представленный в ней материал содержит анализ влияния агентов социализации на их формирование с использованием системы рейтинга. Опираясь на результаты социологического исследования, автор раскрывает территориальные, гендерные и возрастные особенности доминирования положительной этнической идентификации и двойного гражданского самосознания.

О. А. Богатова, А. И. Карьгин. Мониторинг межэтнических отношений в регионе.

Анализируется динамика межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия, рассматриваются социальные факторы, влияющие на их развитие.

О. В. Гавриленко. Языковые традиции в культуре народов Поволжья.

В статье сделана попытка выявить взаимосвязь между сохранением национальных традиций и знанием различными этносами своего родного языка. На примере народов Поволжья отмечается необходимость сохранения их языковых традиций.

Д. Н. Мешков. Некоторые факторы фрагментации и целостности современного общества.

В статье рассматриваются факторы, влияющие на целостность и фрагментацию современного общества. Делается акцент на принципиально новых тенденциях интеграции / дезинтеграции, связанных с НТП. Делается вывод о том, что рассматриваемые факторы оказывают влияние на общественную мораль.

В. В. Красулина. Нравственная детерминация предпринимательской деятельности.

В статье анализируются основные морально-этические нормы предпринимательской деятельности. Особое внимание уделено рассмотрению нравственных детерминаций предпринимательской деятельности, сложившейся в западной культуре.

ANNOTATIONS
V. A. Pisachkin, V. V. Kozin. Region as Notional Construction in Sociology. Practical Meaning of Regional Researches.

The notion of «common sense» in the context of sociological knowledge is considered in the article. A different understanding of the region as geographical and social and economic phenomenon is presented.

M. V. Nazukina. Structural Levels of Regional Identity in Modern Russia.

The structure of the regional identity is analysed in the article. Cultural and strategic levels are distinguished. On the basis of these levels peculiarities of the regional identity in the modern Russia are analysed.

I. V. Bakhlov. Specificity of Modern Russian Federalism Formation: Theoretical and Political and Legal Grounds for the Choice of the Model.

Theoretical and political and legal grounds for the choice of the model of the modern Russian federalism in the beginning of the nineties of the XX century are under research in the article. Special attention is paid to the problem of federative relations development strategy determination through the prism of the conception of «pluralist political order» of J. Gray.

N. S. Rutkovskaya. Region in Budget Federalism System in 2008—2011.

The formation of budget federalism in the Russian Federation is considered in the article. Its peculiarities are elicited. It is underlined that this process is connected with the inter-budget relations development. Problems and difficulties caused by different economic potential of the Russian Federation constituent entities are considered by the example of the Republic of Mordovia.

D. V. Dolenko, Zh. D. Konichenko, A. V. Petukhov. Commonwealth of Independent States as Regional Priority for Russia.

The value of the Commonwealth of Independent States for national interests of Russia is determined in the article. Tendencies and perspectives for the integration process as well as problems in the bilateral relations of Russia with the states of the former Soviet Union are considered. Ways for the solution of the problem of unrecognised post-Soviet states are analysed.

I. G. Napalkova, A. S. Soldatova. Applied Methods for Territorial Systems Management Mechanisms Research.

The correlation between theoretical and empirical levels in the territorial systems research is considered in the article. Possibilities and problems arising while using applied methods in the political analysis are investigated. Methodology for the research «Political Mechanisms for Territorial Management in the Modern Russia» is characterised.

A. A. Denisova. Transformation of Region Management System in the Conditions of Informatisation.

Main approaches to the research of management systems are analysed in the article. Peculiarities in the development of the region management systems

are described; demands to them are formulated; processes of transformation of these systems' elements in the conditions of the formation of the economy of the knowledge are considered; an approach to the evaluation of state power bodies activities efficiency is offered.

D. V. Ermolaev. Level of Corruption in the Central Federal District Regions: Estimation Problems and Evaluation Methods.

Methods for the estimation of the corruption levels in the regions are offered. On their basis the corruption level in the Central Federal District regions is evaluated.

S. G. Busalova. Increase in Efficiency of Expenditures form the Republican Budget.

The analysis of main trends in efficiency increase in the republican budget expenditures is made. A mechanism for the development and implementation of the institutional plan for expenditures efficiency increase is presented.

M. M. Gudov, A. M. Gudov, O. P. Fedotkina. Relations between Commercial Banks and Real Sector of Economy in the Conditions of Innovative Development of the Region.

The analysis of the relations between commercial banks and the real sector of economy in the Republic of Mordovia as well as issues of the development of the system of the relation between commercial and banking and real sectors of economy, the choice of its model and determination of the priority development trends has been carried out.

S. P. Burlankov, N. V. Koryukov. Formation and Development of Lighting Engineering Products Market in the Region.

Main tendencies and perspectives for the development of the lighting engineering products market are considered in the article. The determination of the lighting engineering market is given; the classification of lighting engineering products is offered. By the example of the Republic of Mordovia measures for the establishment of energy-saving lighting sources and lighting devices on their basis production are analysed.

V. B. Sokolov. Organisational and Economic Aspects of the System for Regional Food Resources Strategic Management Formation.

Food supply security of the Russian Federation as component of the national security of the country is treated in the article. Main objectives for food security provision are analysed. The dynamics of the basic food resources of the Republic of Mordovia is reflected.

A. R. Bogdanov. Present-Day State and Perspectives for Industrial Poultry Production Development in the Russian Federation and the Volga Federal District.

The analysis of the dynamics of poultry production branch in Russia and the Volga Federal District in 2001—2009 is presented in the article. The research has been held in the spheres of meat and eggs production. Main tendencies are elicited; the forecast for the branch development is made.

The most successful regions and federal districts by production volumes as well as main factors hampering poultry production growth are determined. Ways for its efficiency increase are offered.

S. B. Skvortsov. Main Tendencies and Problems in Quality Management of Goods Produced in the Region.

Main tendencies and problems in the quality management of goods produced in the Republic of Mordovia on the basis of state standards of GOST R ISO 9000 are presented in the article.

M. V. Antonova. Investments Attraction into Regional Entrepreneurship.

Facilities of small business support infrastructure in the context of investment attraction into entrepreneurship are considered in the article. The mechanism of participation in entrepreneurship state support in the Republic of Mordovia is analysed. Theoretical and practical aspects of this trend are presented.

V. N. Vasina, I. V. Marakulina. Segmentation of Regional Dairy Products Consumers.

The article contains the results of a marketing research of dairy products consumers of the Kirov Region. Cluster analysis has been conducted. On its basis three different segments of dairy products consumers in the region by preferences are distinguished. Their characteristics are presented.

S. A. Sedashkina. Problems and Perspectives for Regional Agricultural Lands Rational Utilisation.

The problem of agricultural lands deterioration is highlighted in the article; issues of their monitoring, land control and reclamation are considered; measures for the formation of a more efficient mechanism for rational land utilisation are offered.

D. A. Masserov. Modernisation of Organisational and Economic Mechanism for Energy-Saving Management in the Region.

Components of organisational and economic mechanism for energy-saving are presented in the article. An attempt to analyse its modernisation in the Republic of Mordovia has been made.

A. A. Adamesku. Role of Ferrous Metallurgy as Basic Branch in Industry in Regional Development of the Country.

The significance of scientific substantiation and complex approach in the solution of regional problems is shown in the article. It is underlined that this fact in the past years was most completely demonstrated in the framework of the establishment of the Ural-Kuznetsk Plant, in the inter-branch and regional programme planning, strengthening of technical and economic expertise role. Radical changes in the structure of the ferrous metallurgy development in the country are brought to light.

E. V. Poverenov. Working Principles of Taxation Bodies in the European Union Countries and Efficiency Increase in Russian Territorial Taxation Bodies Activities.

A comparative analysis of working principles of taxation bodies in the European Union countries and in Russia in efficiency increase of territorial taxation bodies activities (by the example of Germany and Russia) is presented.

M. Yu. Prisyazhny. Modern Territorial Organisation of Higher Education in Russia.

The definition of the classical university is presented. The analysis of classical universities in the Russian Federation by the establishment date and territorial location is given.

M. V. Postnova, N. V. Brykina. Peculiarities in Profile and Professional Education in Continuous Education System in the Rural Area.

The article is devoted to the problem of the development of the continuous education system; the essence and objectives of «education through the whole life» are considered. Profile education at school is treated as element of the new system. Special attention is paid to the development of the profile and professional education in the rural area. The results of the researches conducted in 2008—2011 among the Ulyanovsk Region school leavers and the Ulyanovsk State Agricultural Academy undergraduates are applied.

N. P. Kasatkina, T. N. Sukonkina. Institutional Aspects of Ethno-Cultural Education Development in Russian Regions.

Institutional aspects of ethno-cultural education allowing evaluating its role and essence as well as its development level in the modern society are analysed in the article. Social demand in the ethno-cultural education is considered; its significance, normative structure and ideology of functioning professor well as material resource are considered.

I. A. Zetkina, S. A. Pykov. Traditions of Poly-Cultural Education in the Volga Region Enlightenment.

The experience of the formation of multi-cultural environment accumulated in the heritage of the Volga Region national enlighteners is analysed in the article. Working trends of the leaders of the national renaissance, the national intelligence on the issue of the uplift of the native culture and education in the context of the development of the poly-ethnic cultural and educational space in the end of the XIX — beginning of the XX centuries are presented.

E. R. Safargaliev. Importance of Corporative Culture in the Conditions of Globalisation and Changes in Public Processes.

The importance of corporative culture in the course of the public processes transformation in the conditions of globalisation and the relations between employees and employers connected with the socio-cultural diversity of personnel in the inter-corporative environment is elicited.

Yu. M. Pasovets. Commodity Stratification of Population of Russia and its Regions.

On the basis of the data of state statistics and results of sociological inquiries the profiles of commodity stratification the Kursk Region population, a number of regional communities and the Russian society are considered. Features and peculiarities typical to this process both in the regional and in the all-Russian scale are determined.

S. I. Nedelko, A. V. Ostashkov. Role of Mass Media in Civil Society Institutions Development in the Region.

The role of mass media in the development of civil society institutions is analysed in the article. The results of sociological researches of mass media development carried out in different regions of Russia as well as their relations with the state power bodies and civil society institutions are presented.

V. M. Sidorkina. Social Valuables in Regional Dimension.

On the basis of an inter-regional sociological research carried out in Marij El, Mordovia and Udmurtia the analysis of peculiarities of the social and axiological orientations of these regions population is presented.

A. P. Klyueva, A. N. Maidokin. Accumulation of Social Capital as Factor of Sustainable Development of an Organisation: Regional Factor.

The content of the notion «social capital» is considered in the article. The influence of this type of capital on the development of organisations and enterprises of different types of incorporation is analysed. The conclusion on the importance of social capital for the development of different branches of national economy is made.

L. N. Lipatova, T. V. Eremkina. Employment of Region Population in the Conditions of Economic Reforms.

Changes in the Republic of Mordovia population employment sphere are under research in the article. Such indices as the number of employees, structure of the employed population by branches and sectors of economy, sex, age, education are analysed. A comparison with the all-Russian indices is made.

I. S. Komadorov. State of Youth Political Organisations in the Region.

The analysis of the state of youth public organisations in Naberezhnye Chelny is presented in the article; their influence on the process of the civil society formation is proved.

A. N. Egorov. Self-Concept of Student Youth Actions Relevant to Healthy Way of Life.

Actions of student youth relevant to the grounds of the healthy way of life are considered in the article. A change in the conditions of their health while studying at the university is traced; main reasons for its aggravation are named; the duration of an illness in the last year of studying as well as frequency of cold-related diseases are determined.

N. V. Shumkova. Regional Aspect of Youth Sub-Cultures Research.

The article is devoted to the problem of the research of youth sub-cultures; main stages in their research in Russia are considered; basic definitions of the terms «sub-culture» and «youth sub-culture» are given; the necessity for the further research and description of regional aspects in the youth sub-cultures development is proved.

A. V. Makhyanova. Role of Socialisation Agents in Ethnic Identity and Personality Civil Consciousness Formation.

The article is devoted to the issues of the formation of ethnic identification characteristics and personality civil consciousness. The material presented in the article contains the analysis of the influence of socialisation agents on their formation with the rating system application. Basing upon the results of a sociological research the author reveals territorial, gender and age peculiarities of the positive identity and double civil consciousness domination.

O. A. Bogatova, A. I. Kargin. Monitoring of Interethnic Relations in the Region.

The dynamics of interethnic and inter-confessional relations in the Republic of Mordovia is analysed and social factors influencing their development are considered.

O. V. Gavrilenko. Language Traditions in the Volga Regions Peoples Culture.

An attempt to trace the interrelation between the preservation of national traditions and knowledge of different ethnoses of the native language is made in the article. By the example of the Volga regions peoples the necessity to preserve own language traditions is stressed.

D. N. Meshkov. Some Factors of Fragmentation and Entirety of Modern Society.

Factors influencing the entirety and fragmentation of the modern society are considered in the article. The accent on the principally new integration / disintegration tendencies connected with scientific and technical progress is made. The conclusion that the considered factors influence public moral is made.

V. V. Krasulina. Moral Determination of Entrepreneurship.

Basic moral and ethic norms of entrepreneurship are analysed in the article. Special attention is paid to the consideration of moral determinations of entrepreneurship formed in the western culture.

Журнал распространяется по подписке.

Технические редакторы *Л. В. Калачина, О. В. Пьянзина*
Макет *Л. В. Калачиной*
Перевод аннотаций и ключевых слов *С. И. Лягущенко*

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16450 от 22 сентября 2003 г. Подписано в печать 30.12.11. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 18,1. Уч.-изд. л. 17,4. Тираж 1 000 экз. I завод — 500 экз. Заказ № 21.

Адрес редакции: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а. НИИ регионологии ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва». Тел.: (834-2) 32-86-14; факс: (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@mail.ru <http://regionsar.ru>

Макет выполнен в НИИ регионологии ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва». 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в Издательстве Мордовского университета.
430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 24.